

ПЯТЬ СТОЛЕТИЙ ЮГРЫ

ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Коллективная монография

Издательство
Нижевартовского государственного
гуманитарного университета
2011

ББК 63.3(253.3-6Хан)

П 99

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета
Нижевартовского государственного гуманитарного университета

Авторы: *Д.В.Ажгибкова* (разд. 4, гл. 2),
Л.В.Алексеева (разд. 2, гл. 4; разд. 3, гл. 1; разд. 4, гл. 1),
С.Л.Бабушкина (разд. 2, гл. 6), *Е.И.Гололобов* (разд. 1, гл. 1),
Н.М.Игнатова (разд. 3, гл. 3), *И.И.Коньшева* (разд. 2, гл. 1),
В.В.Митрофанов (разд. 1, гл. 4), *Н.А.Михалев* (разд. 3, гл. 2),
В.В.Мошкин (разд. 2, гл. 3), *Н.С.Салимова* (разд. 2, гл. 5),
Н.В.Сапожникова (разд. 4, гл. 3), *Я.Г.Солодкин* (разд. 1, гл. 2),
Ю.В.Феоктистова (разд. 2, гл. 2), *В.В.Цысь* и *О.П.Цысь* (разд. 1, гл. 3)

Под общей редакцией
доктора исторических наук, профессора *Л.В.Алексеевой*

Рецензенты:
кафедра гуманитарных и естественнонаучных дисциплин
Западно-Сибирского института финансов и права
(зав. кафедрой — кандидат педагогических наук *Л.В.Мокина*);
зав. кафедрой теории и истории государства и права
Нижевартовского экономико-правового института,
кандидат исторических наук, доцент *Н.Н.Симачкова*

П 99 **Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы:** Коллективная монография / Под общ. ред. Л.В.Алексеевой. — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2011. — 279 с.

ISBN 978–5–89988–834–2

В монографии рассматривается широкий спектр проблем политической, экономической и социокультурной истории Ханты-Мансийского национального (автономного) округа.

Книга предназначена для студентов-историков, аспирантов, специалистов, а также всех, кто интересуется историей Югры и сопредельных территорий. Монография может быть использована при подготовке лекционных курсов и для выполнения обобщающих работ по истории Сибири.

ББК 63.3(253.3-6Хан)

ISBN 978–5–89988–834–2

© Издательство НГГУ, 2011

Раздел 1

**ЮГОРСКАЯ ЗЕМЛЯ
ДО НАЧАЛА XX в.**

Глава 1

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМ ОСВОЕНИЯ СИБИРИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Теоретические и методологические вопросы взаимодействия человека и природы в Сибири начали формулироваться и рассматриваться только с середины 1980-х гг. В 1986 г. Институтом истории, филологии, философии СО АН СССР был разработан проект целевой научно-исследовательской программы «Исторический опыт освоения Сибири»¹.

Во введении к программе отмечалось, что в процессе трудовой деятельности, преобразуя природу и совершенствуясь, человек достигает наивысшего проявления своей сущности: «Именно обобщение опыта трудовой деятельности, ее организации и повышения эффективности представляет важнейшую задачу исторической науки на современном этапе»². Таким образом, история освоения региона встала в ряд приоритетных научных направлений. Подчеркивался уникальный характер практики освоения Сибири.

Освоение региона понималось как длительный процесс от заселения его первобытными людьми, колонизации края в период феодализма и капитализма до его ускоренного развития в годы Советской власти. Отмечалось, что трудящиеся массы накопили большой опыт в освоении региона, в том числе в использовании и охране природных ресурсов³. Констатировалась необходимость исследования тенденций развития, механизмов разработки и процессов реализации политики по освоению Сибири в советский период, соответствия этой политики потребностям общества.

Огромная протяженность территории Сибири в широтном и меридианальном направлениях определяла разнообразие географических, климатических и экологических зон. Человек приспосабливался к различным природным условиям, накапливался опыт адаптации человека к суровым природно-географическим условиям. Изучение процессов адаптации человека к окружающей среде, прежде всего, через хозяйственную деятельность рассматривалось как предмет исторической науки, ставились вопросы о необходимости реконструкции древней природной среды, предполагалось использование экологического подхода⁴.

Таким образом, можно констатировать, что экологическая проблематика постепенно входила в предмет истории как науки, пусть даже ограничиваясь пока ее древними эпохами. В научной среде того времени сформировались устойчивые представления о том, что зависимость человека от природы была особенно сильной в глубокой древности, а по мере продвижения к современности она становилась все более слабой. Односторонность и поверхностность этих представлений очевидна.

Накопленные на сегодняшний день археологические и этнографические материалы, исторические свидетельства говорят о том, что зависимость человека от природы не стала более слабой, она стала более опосредованной. Эта опосредованность и породила иллюзию независимости человека от природы.

Уральское отделение АН СССР пошло дальше в этом направлении. Институт истории и археологии УрО РАН, основанный в апреле 1988 г., при своем создании в качестве одного из научных направлений наметил проведение исследований в области исторической экологии. В 1989 г. Институтом была разработана целевая научно-исследовательская программа «Исторический опыт регионального развития (Урал и сопредельные территории)»⁵.

Программа ставила целью историко-экологических исследований анализ исторически локализованных отношений между сферой материального производства и естественной средой, человеческой деятельностью в данной сфере и природой, опыта регуляции этих отношений: выявление путей формирования и осуществления экологической политики, возникновения, развития и трансформации экологических представлений, механизмов по управлению экологическими процессами; обобщение исторического опыта взаимодействия природы и общества и его использование для реализации научного подхода к развитию производительных сил региона.

В качестве конкретных задач программа выдвигала выявление экономических, политических и социальных факторов развития исторического взаимодействия в системе «материальное производство — окружающая среда»; изучение процесса осознания потребностей защиты природной среды от антропогенного воздействия, путей и средств достижения этой цели; исследование деятельности по рациональному природопользованию в процессе

материального производства; определение тенденций, этапов, масштабов и итогов антропогенного воздействия на окружающую среду в ходе развития производственной сферы региона, эффективности природоохранных мероприятий, методов и способов формирования в обществе экологического сознания и экологической культуры⁶.

Характеризуя проблемные ситуации взаимодействия человека и природы, программа не ограничивалась только изучением древних эпох. Отмечалось, что в период освоения Урала русскими в XVI — первой половине XIX в., его промышленной и аграрной колонизации регион стал главным центром металлургической промышленности России, своеобразной лабораторией народного поиска оптимальных приемов ведения сельского хозяйства; что в советский период Урал был превращен в ярко выраженный район тяжелой индустрии, его экономика принимала все более односторонний деформированный характер, создавая непосильную техногенную нагрузку на окружающую среду и вызывая резкое обострение экологической обстановки⁷.

Таким образом, были принципиально расширены возможные хронологические рамки историко-экологических исследований, что делало проблемы взаимодействия человека и природы, вопросы природопользования полноценным предметом исторического исследования. Это, в свою очередь, расширяло проблематику подобного рода исследований.

В 1992 г. Институтом истории и археологии УрО РАН была разработана концепция основных направлений перспективной социокультурной политики на российском Севере⁸. Авторы концепции рассматривают ситуацию на российском Севере в контексте общегосударственных и мировых тенденций. Такой охват проблемы вполне оправдан, так как позволяет аккумулировать весь положительный опыт, необходимый для разработки модели сбалансированного развития северных территорий, определения оптимального соотношения между использованием невозобновляемых и возобновляемых ресурсов, между их эксплуатацией и рациональным природопользованием, между экономическими и социальными факторами развития, окружающей средой и человеком.

В разработке подчеркивалась важность осмысления исторического опыта освоения Севера: «Возрождение российского Севера,

как выздоровление человека после тяжелой болезни, чревато опасными осложнениями. Чтобы их избежать, требуется хорошее знание истощенного организма, прогнозирование его реакции на интенсивную терапию. Особенно важно правильно оценить возможные изменения социокультурного климата. Решение этой задачи может облегчить учет современного мирового и прошлого отечественного опыта»⁹.

В концепции были проанализированы культурологические основания предшествующей стратегии развития советского Севера¹⁰. С первых дней советской власти проблеме вовлечения в хозяйственный оборот природных ресурсов северных районов уделялось особое внимание. Однако решалась она во многом неудовлетворительно. К концу 30-х гг. основная ответственность за ее решение была возложена на карательно-репрессивные органы. В 50-е гг. на смену ГУЛАГу пришли отраслевые министерства и ведомства.

Изжившая себя идеология хозяйствования продолжала воспроизводиться в новых условиях. Экологическая культура технического проектирования и его реализация находились на крайне низком уровне. Очистные сооружения и другие средства защиты и сохранения природной среды, если и закладывались в проект, то в самом дешевом, примитивном варианте. Главная ставка нередко делалась на способности природной среды самоочищаться. Оснащенность строек машинами, подъемными механизмами, землеройными агрегатами оставляла желать лучшего. Их производство специально для северных условий в стране отсутствовало.

Ситуацию усугубляли врожденные пороки социалистической системы хозяйствования. Абсолютная централизация планирования, директивное разрешение актуальных проблем экономического развития, ориентация на достижение поставленных целей, не считаясь с материальными затратами и социальными издержками, не позволяли добиться рациональной организации производства и комплексного социально-экономического развития региона. Все это вело к огромным потерям, которые несли страна и общество.

Ретроспективный анализ советского опыта начинается с констатации негативного влияния на освоения Севера принудительно-карательной системы, сложившейся в 1930-е гг. Опыт 1920-х гг. авторами концепции не рассматривается.

Разработка теоретико-методологических аспектов истории освоения Сибири поставила на повестку дня вопросы историографического и источниковедческого характера.

Особого внимания заслуживает монография В.В.Гапонова «История таежного природопользования Южно-Уссурийского региона»¹¹. В монографии рассматривается история природопользования Южно-Уссурийского региона как территории со сложившимися историко-географическими границами. Хронологический период охватывает время от первого присутствия человека в регионе до современности. Показана важность и ценность опыта природопользования 1920-х гг. В контексте исследования исторического опыта природопользования Обь-Иртышского Севера наиболее интересны теоретико-методологические основания данного исследования.

По мнению автора, всю историю человечества можно рассматривать и как историю природопользования. Природопользование определяется как «важнейший аспект жизни, включающий в себя совокупность всех форм эксплуатации природно-ресурсного потенциала и мер по его сохранению»¹². Развивался человек — расширялась сфера его деятельности по использованию природных ресурсов.

В работе четко показана взаимосвязь природопользования с социально-политическими и демографическими процессами в обществе, обозначена проблема человека. Субъектом природопользования является человек, поэтому проблема упорядочения природопользования находится в социально-экономической, политической и гуманитарной областях.

В исследовании подчеркивается важность многотысячелетней истории и культуры человечества как отражения духовного, чувственного и интеллектуального опыта освоения человеком и обществом окружающего мира. Такой подход заставляет по-иному взглянуть и на методологию природопользования, рассматривая его именно через призму исторического развития человека как природопользователя.

«В действительности, современный кризис человечества глубже, чем на заре неолита или перед промышленной революцией, так как угрожает существованию не только человека, но и всего природного комплекса, эволюционно сложившегося на земле за многие

миллионы лет. В данной ситуации точные науки должны отказаться от своей самодостаточности. Естественнонаучное и технологическое решение проблем природопользования есть лишь внешняя и поверхностная сторона дела, тогда как движущее его начало социально-антропологическое — изменение места и перспектив человека в измененной и изменяемой им природной среде»¹³.

Таким образом, в исследовании были обозначены важные методологические приоритеты изучения опыта природопользования. Показана важность гуманитарной составляющей этого опыта.

Включение проблем взаимодействия человека и природы в предмет исследований по истории Сибири поставило на повестку дня вопросы определения степени изученности проблемы хозяйственного освоения Сибири и тех источников, опубликованных и архивных, которые могли быть использованы при дальнейших исследованиях¹⁴.

Подчеркивалась необходимость серьезного анализа уже известных источников и новых, которые будут только введены в научный оборот. Только всесторонний критический анализ максимально возможного комплекса источников позволит осветить исторический опыт освоения Сибири как целостного явления¹⁵. В этом направлении были сделаны лишь первые шаги. Нужен дальнейший всесторонний историографический анализ проблем освоения не только Сибири в целом или ее сельскохозяйственной зоны, но и регионов, из которых состоит Сибирь как суперрегион.

Необходимо продолжать источниковедческие исследования, активнее публиковать источники. Пока по этому направлению можно привести лишь отдельные примеры¹⁶.

Конкретно-историческая проблематика исследований освоения Сибири

Проблематика хозяйственного освоения Сибири начинает активно обсуждаться на исторических конференциях и освещаться в научной литературе с конца 1970-х гг. В 1979 г. в свет вышел сборник научных трудов «Хозяйственное освоение Сибири и рост ее народонаселения (XVIII—XX вв.)»¹⁷. В работах сборника рассматривались вопросы развития сельского хозяйства, переселенческая тематика, демографические аспекты хозяйственного освоения региона¹⁸.

В 1981 г. в Новосибирске прошла всесоюзная конференция «Исторический опыт хозяйственного и социально-культурного развития Сибири»¹⁹. Конференция проводилась в рамках целевой программы «Гуманитарные аспекты развития Сибири в условиях промышленного освоения» по направлению «4.5.1. Обобщение исторического опыта хозяйственного и социально-культурного развития Сибири». Акцент в работе конференции был сделан на изучении социалистического освоения Сибири: опыт советского рабочего класса по ускоренному освоению Сибири, энергетическое строительство и его роль в социально-экономическом развитии Сибири, закономерности и особенности социально-экономического развития сибирской деревни и др.

Вопросы экологического характера также начинают ставиться, но применительно к проблемам индустриального освоения Сибири во второй половине XX в. Речь шла о необходимости создания института экологического планирования и прогнозирования, призванного осуществлять и координировать деятельность всех учреждений, организаций и служб, осуществлявших промышленное строительство²⁰. Актуализировались вопросы охраны окружающей среды в связи с развитием отдельных отраслей промышленности. Отмечалось, например, что с 1973 по 1979 гг. КПСС и правительство СССР приняли около 50 постановлений, направленных на решение проблем охраны окружающей среды²¹. Это лишний раз доказывает обострение экологической ситуации в районах промышленного освоения Сибири и трудности ее нормализации в данное время. Безусловно, такая же ситуация складывалась и на Севере Западной Сибири — центре нефтегазодобычи страны.

В 1990—2000-е гг. продолжилась тенденция изучения исторических аспектов хозяйственного освоения Сибири. В публикациях анализировались различные аспекты аграрного, промышленного, транспортного освоения региона, организации промыслов. Акцентируется внимание на том положительном опыте взаимодействия человека с природой, который можно использовать в современных условиях²².

Обострение экологической ситуации и интерес к истории освоения Сибири в целом, тем не менее, не привели к активному изучению экологических аспектов истории природопользования

Сибири и отдельных ее регионов. Стоит отметить единичные работы на эту тему. Это статья Г.А.Бочановой «Промысловое освоение Сибири в конце XIX — начале XX в. (вопросы экологии)»²³. Автор рассмотрела роль крестьянства в промышленном освоении Сибири и то, каким образом оно сказывалось на окружающей среде. В работе представлен интересный фактический материал, характеризующий истощение лесных, рыболовных и пушных ресурсов Сибири.

Г.А.Бочанова отмечает, что промысловая деятельность крестьян в Сибири в конце XIX — начале XX в. сопровождалась рядом отрицательных моментов: сведение лесов, хищническое истребление пушных и рыболовных ресурсов. По мнению автора, это было связано с капиталистическим способом производства, общей политикой правительства по отношению к Сибири как к экономической колонии, а также сохранением феодальных пережитков. Также в статье отмечается, что крестьянство не только бесконтрольно пользовалось природными ресурсами, но и регулировало эту деятельность, осуществляло мероприятия по восстановлению природы. Приводятся данные о посадке рощ, создании лесных заповедников, звериных заказников, организации охраны кедровников и т.д.

В 1987 г. в Томском государственном университете была защищена кандидатская диссертация А.В.Старцева «Пушной промысел и пушная торговля в Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в.»²⁴. А.В.Старцев рассмотрел экономико-географическое районирование охоты, численность промыслового населения, вопросы организации охоты и результаты пушного промысла, государственного регулирования пушного промысла. Также им была проанализирована пушная торговля в Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. от первоначальной скупки пушнины у охотников, дальнейшего движения пушного товара и торговли им на ярмарках до характеристики внешней торговли пушниной. Рассматривалась сибирская буржуазия, занимавшаяся скупкой и перепродажей пушнины. В научный оборот был введен интересный фактический материал, дан обстоятельный историографический обзор рассматриваемой проблематики.

Автор делает вывод, что проблема рационального использования природных ресурсов во второй половине XIX — начале XX вв.

приобретает особую остроту. Рост пушной добычи являлся причиной нарушения равновесия между потреблением и естественным воспроизводством поголовья промыслового зверя. Негативно на развитие пушного промысла в Сибири также влияла сложившаяся в регионе система скупки пушнины и экономическая политика царского правительства.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. экологическая ситуация продолжала ухудшаться. Особенно заметно это было в районах активной добычи нефти и газа, т.е. на Севере Западной Сибири. Изменение политической обстановки в стране давало возможность более открыто и остро поднимать экологические проблемы, обращаться к опыту прошлого в этой сфере.

В.П.Зиновьев в своей работе «Озерное рыболовство в Сибири в XIX — начале XX вв.» делает следующие полезные выводы: о необходимости охраны и всемерного увеличения естественного рыбохозяйственного фонда; об использовании возможностей промысловой кооперации, выстоявшей в дореволюционный период в борьбе с крупным капиталом; о развитии приозерной аренды силами приозерного населения, накопившего богатейший опыт и рыбопромысловые традиции²⁵.

Использование сибирских природных богатств в условиях рыночной экономической системы актуализировало вопросы взаимодействия человека и природы в процессе трудовой деятельности, уровня развития экологического сознания общества в различные исторические периоды.

Данные вопросы применительно к пушному промыслу были рассмотрены в статье А.В.Старцева «Сибирский пушной промысел и проблемы охраны промысловых животных в эпоху капитализма». В статье обозначены принципиальные методологические ориентиры, четко заявлено, что в изучении природопользования и природоохраны важное место занимает исторический аспект проблемы. Его изучение не только позволяет регистрировать факты потерь и приобретений в природе в процессе становления цивилизации, но и получать конкретные знания о методах и приемах поддержания экологического равновесия в различные исторические эпохи. Исторический аспект также позволяет определять уровень экологического сознания общества, под которым автор статьи понимает «интегральную совокупность представлений данного

общества о возможности воздействия на окружающую среду на основе существующего уровня развития производительных сил и соответствующих им производственных отношений»²⁶.

В работе были охарактеризованы основные тенденции развития сибирского пушного промысла, дана оценка правовым актам, регулировавшим промысловую охоту и законодательную деятельность существовавших властных структур по охране промысловых животных. Была рассмотрена также реальная практика использования пушных ресурсов промысловым населением.

Автор приходит к выводу, что перепромысел пушного зверя был обусловлен комплексом причин. Среди них использование хищнических способов добычи пушнины, уверенность населения в неисчерпаемости пушных ресурсов, слабая законодательная база, регулирующая эту сферу деятельности. А.В.Старцев констатирует, что в обществе того времени не сформировалось отчетливое понятие общенационального богатства, вследствие чего меры по его сохранению и приумножению не носили целенаправленного характера²⁷.

Также исследователей продолжают волновать вопросы изучения сельского хозяйства Сибири в части взаимодействия крестьянства с окружающей средой и формирования традиций в этой сфере²⁸.

Более активно стали рассматриваться вопросы правовой охраны природных ресурсов в различных регионах Сибири во второй половине XIX — начале XX вв.²⁹, вопросы организации охраны лесов от пожаров³⁰.

М.В.Шиловский проанализировал основные направления природоохранной деятельности в дореволюционной Сибири³¹. Автор справедливо отмечает, что вопросы охраны природы в Сибири были актуальными еще в XVIII в., что было связано со спецификой освоения региона, значительным распространением присваивающего типа хозяйственной деятельности (охота, рыбная ловля), напрямую зависящего от состояния природных ресурсов. Первые попытки оценить результаты хозяйственного освоения Сибири в плане природопользования автор относит к середине 60-х гг. XIX в. и связывает с публицистической деятельностью местных «областников». В целом, положительно оценивая результаты колонизации региона, Г.Н.Потанин, Н.М.Ядринцев и С.С.Шашков

показали, что эксплуатация природных ресурсов в значительной мере носила стихийный и хищнический характер³².

Таким образом, «областники» одними из первых вскрыли хищнический характер освоения природных ресурсов Сибири, его негативные последствия для экономического развития региона и для состояния окружающей среды.

Заметный вклад в борьбу за охрану и рациональное использование природных ресурсов вносила народная инициатива. Аккумулируя трехсотлетний опыт освоения бескрайних просторов Сибири, местное крестьянство по крупицам передавало все самое ценное из поколения в поколение. М.В.Шиловский показывает это на различных примерах, в частности, по отношению к кедру³³. Автором охарактеризована также деятельность общественных организаций, специалистов, местных и региональных органов власти по охране природы³⁴.

Исследователь отмечает, что приведенные примеры имеют фрагментарный характер и свидетельствуют о зачаточном состоянии природоохранительной деятельности в Сибири даже в начале XX в. Однако они указывают на то, что народная инициатива играла важную роль в рассматриваемой области и в этом можно увидеть зарождение гражданского общества, которое предстоит построить уже в XXI веке.

М.В.Шиловским была также проанализирована общественно-политическая мысль Сибири второй половины XIX — начала XX вв. относительно специфики хозяйственного освоения региона³⁵. По отношению к хозяйственному освоению территории во второй половине XIX — начале XX вв. общественно-политическая мысль Сибири, представленная в основном сторонниками либеральных, неонароднических и областнических теорий, эклектически сочетала либеральные пожелания ускорить капиталистическое развитие с народническими утверждениями о возможности реализации альтернативного варианта эволюции в «новой системе хозяйства». При этом все ее построения базировались на фундаментальном положении о колониальной зависимости региона от метрополии (Европейской России) в экономическом отношении. В начале XX в. продолжает развиваться концепция Сибири-колонии и отдельной области в составе России. Серьезное внимание представители различных направлений общественно-политической мысли начала

XX в. уделяли сельскому хозяйству как важнейшей составляющей хозяйственного освоения Сибири.

Последнюю по времени попытку оценить специфику и результаты хозяйственного освоения Сибири в дореволюционный период предпринял выдающийся инженер и менеджер П.И.Пальчинский, работавший здесь с 1902 по 1907 гг. В рукописи «К вопросу о Сибири как колонии и автономной части федеративной России» (1921—1922 гг.) он пояснял, что земельный фонд региона служит, прежде всего, российским колонистам и что «подсобное же положение имеет место по отношению к рыбным, пушным, лесным ископаемым и иным природным богатствам Сибири, имеющим преимущественное значение, скорее всего не для Сибири пока непосредственно, а главным образом для Европейской России, перерабатывающей сибирское сырье на более ценные продукты». На этом основании Пальчинский относил Сибирь к типичным колониям и полагал, что чрезмерная эксплуатация ее природных ресурсов противоречит интересам сибиряков³⁶.

Это мнение соотносится со взглядами других исследователей. А.И.Тимошенко были проанализированы проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.³⁷ Автор констатировал, что в процессе разработки и реализации социально-экономических проектов в Сибири в XX в. создан уникальный потенциал, который имеет общенациональное и мировое значение. Многие объективные и субъективные обстоятельства не позволили в полной мере реализовать замыслы ученых и государственных деятелей, сложилась резкая диспропорция в социально-экономическом развитии между материальным производством и социально-бытовой инфраструктурой, что является самым острым противоречием освоения Сибири в XX столетии. Реализация крупнейших государственных программ, безудержная эксплуатация природных ресурсов, строительство гигантских предприятий не принесли реального благополучия сибирякам.

Провозглашавшаяся социальная политика в значительной части оставалась на бумаге, что непосредственно сказывалось и на производственных показателях, обостряло демографические проблемы. Исторический опыт свидетельствует, что подлинное освоение региона не сводится к его экономическому развитию,

а представляет широкий процесс заселения и обживания территории, ее преобразования в интересах людей.

Проведенный историографический анализ красноречиво свидетельствует о том, что различные вопросы истории природопользования в Сибири в целом и в Западной Сибири в частности рассматривались применительно к XIX — началу XX вв. либо второй половине XX в. 1920-е годы остались вне поля зрения ученых. Отметим также территориальную специфику исследований, которые в большей своей части посвящены регионам с зерновым сельским хозяйством и промышленностью. Северные территории Сибири оказались в этом отношении гораздо менее изученными.

Назрела необходимость ликвидировать образовавшийся хронологический пробел в изучении проблем взаимодействия человека и природы на Обь-Иртышском Севере и показать важное самостоятельное значение опыта природопользования 1920-х гг. Имеющаяся историография дает богатый сравнительно-исторический фон как в территориальном, так и в хронологическом аспектах для осмысления и позиционирования регионального опыта природопользования на Обь-Иртышском Севере в 1920-е гг.

Примечания

¹ Целевая научно-исследовательская программа «Исторический опыт освоения Сибири». Новосибирск, 1986.

² Там же. С. 4.

³ Там же. С. 6—7.

⁴ Там же. С. 29.

⁵ Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Историческая экология на Урале // Урал: наука, экология. Екатеринбург, 1999. С. 5—16.

⁶ Там же. С. 7—8.

⁷ Там же.

⁸ Перспективы социокультурного развития Российского Севера (Научная концепция). Екатеринбург, 1992.

⁹ Там же. С. 3.

¹⁰ Там же. С. 6—12.

¹¹ Гапонов В.В. История таежного природопользования Южно-Уссурийского региона. Владивосток, 2005.

¹² Там же. С. 6.

¹³ Там же. С. 7.

¹⁴ Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма: Историография проблемы. Новосибирск, 1988; Источники по истории освоения Сибири в советский период: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1988.

¹⁵ Исаев В.И., Павлова И.В. Некоторые вопросы изучения источников по истории освоения Сибири (Вместо предисловия) // Источники по истории освоения Сибири в советский период: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1988. С. 3—6.

¹⁶ Экология и власть. 1917—1990: Документы. М., 1999; Природные ресурсы, природопользование и охрана окружающей среды на Обь-Иртышском Севере (1919—1929): Сб. док. / Сост. сб., коммент., сл. терминов, географ. и имен. указ. Е.И. Гололобова. Новосибирск, 2005; Гололобов Е.И. История Сибири: экологическое источниковедение Северо-Западной Сибири (конец XIX — начало XX вв.). Сургут, 2005.

¹⁷ Хозяйственное освоение Сибири и рост ее народонаселения (XVIII—XX вв.). Новосибирск, 1979.

¹⁸ См.: Гущин Н.Я. Основные этапы и тенденции развития сельскохозяйственного производства в Сибири в 1917—1941 гг. // Хозяйственное освоение Сибири и рост ее народонаселения. С. 12—21; Славина Л.Н. Сельские кустари Сибирского края по материалам всесоюзной переписи населения 1926 г. // Хозяйственное освоение Сибири и рост ее народонаселения. С. 21—28; Кузнецов И.С. Борьба за подъем культуры земледелия накануне коллективизации и политические настроения сибирского крестьянства (1929 г.) // Хозяйственное освоение Сибири и рост ее народонаселения. С. 29—35.

¹⁹ Исторический опыт хозяйственного и социально-культурного развития Сибири: Тез. Всероссийской конф. (Новосибирск, 8—10 апреля 1981 г.). Новосибирск, 1981.

²⁰ Левяш И.Я. Экологические аспекты прогнозирования энергетического потенциала Сибири // Исторический опыт хозяйственного и социально-культурного развития Сибири. С. 51—52.

²¹ Погрёбенко А.Е., Горбунова Л.И. Вопросы охраны природы в связи с развитием лесохимии в Сибири // Исторический опыт хозяйственного и социально-культурного развития Сибири. С. 52—54.

²² Социально-экономические и социокультурные детерминанты развития личности в условиях интенсивного освоения северных регионов. Тюмень, 1990; Хозяйственное освоение Сибири: История, историография, источники. Томск, 1991; Культурный потенциал Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1992; Окружающая среда для нас и для будущих поколений: экология и бизнес в новых условиях: Тез. докл. Красноярск, 1994. Ч. 2; Хозяйственное освоение Сибири. Вопросы истории XIX — первой трети XX вв. Томск, 1994; Сибирь в XVI—XX веках: Экономика, общественно-политическая жизнь и культура. Новосибирск, 1997; Экономика природопользования Алтайского региона: история, современность, перспективы: Мат-лы регион. науч.-практ. конф. (12—13 октября 2000 г.). Барнаул, 2000; Опыт природопользования в Сибири в XIX—XX вв. Новосибирск, 2001; Хозяйственное освоение Сибири в контексте отечественной и мировой истории. Новосибирск, 2005.

²³ Бочанова Г.А. Промысловое освоение Сибири в конце XIX — начале XX в. (вопросы экологии) // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII — начале XX в. (Трудовые традиции крестьянства). Новосибирск, 1985.

²⁴ Старцев А.В. Пушной промысел и пушная торговля в Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1987.

²⁵ Зиновьев В.П. Озерное рыболовство в Сибири в XIX — начале XX вв. // *Хозяйственное освоение Сибири: История, историография, источники.* Томск, 1991. С. 77.

²⁶ Старцев А.В. Сибирский пушной промысел и проблемы охраны промысловых животных в эпоху капитализма // *Культурный потенциал Сибири в досоветский период.* Новосибирск, 1992. С. 19.

²⁷ Там же. С. 35.

²⁸ Фурсова Е.Ф. Традиции огородничества восточных славян Обь-Иртышского междуречья (конец XIX — начало XX вв.) // *Опыт природопользования в Сибири в XIX—XX вв.* Новосибирск, 2001. С. 151—162.

²⁹ Григер Т.Б. Деятельность местных органов власти по проблемам природопользования в Бурятии 1966—1975 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1994; Глазунов Д.А. Правовая защита природных ресурсов Алтайского округа в конце XIX — начале XX вв. // *Экономика природопользования Алтайского региона: история, современность, перспективы: Мат-лы регион. науч.-практ. конф. (12—13 октября 2000 г.).* Барнаул, 2000. С. 67—72; Москвитин Ю.А. Деятельность полиции Алтайского горного округа по охране природных ресурсов во второй половине XIX — начале XX вв. // *Экономика природопользования Алтайского региона: история, современность, перспективы.* С. 73—77.

³⁰ Зиновьев В.П. Лесные пожары в Сибири в XIX — начале XX вв. // *Опыт природопользования в Сибири в XIX—XX вв.* Новосибирск, 2001. С. 163—169; Тяпкин О.М. Предупреждение лесных пожаров в Алтайском округе в конце XIX — начале XX вв. // *Экономика природопользования Алтайского региона: история, современность, перспективы: Мат-лы регион. науч.-практ. конф. (12—13 октября 2000 г.).* Барнаул, 2000. С. 86—91.

³¹ Шиловский В.М. Основные направления природоохранной деятельности в дореволюционной Сибири // *Опыт природопользования в Сибири в XIX—XX вв.* С. 102—112.

³² Там же. С. 103.

³³ Там же. С. 106—108.

³⁴ Там же. С. 108—112.

³⁵ Шиловский М.В. Общественно-политическая мысль Сибири второй половины XIX — начала XX в. о специфике хозяйственного освоения региона // *Хозяйственное освоение Сибири в контексте отечественной и мировой истории.* Новосибирск, 2005. С. 27—36.

³⁶ Там же. С. 35.

³⁷ Тимошенко А.И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концептуальные основания // *Хозяйственное освоение Сибири в контексте отечественной и мировой истории.* С. 38—64.

Глава 2

К ИСТОРИИ РАННЕЙ РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ОБЬ-ИРТЫШЬЯ

1. КНЯЗЬ САМАР И ЕГО «ГОРОДОК» (К ПРЕДЫСТОРИИ ХАНТЫ-МАНСИЙСКА)

Длительное время большинство исследователей было убеждено в том, что градостроительство в Западной Сибири началось в конце XVI в. — уже после «Ермакова взятия» «царства» Кучума¹. Недавно ряд тюменских историков оспорил это суждение, хотя их аргументацию можно признать весомой далеко не во всех звеньях. Сомнителен, в частности, тезис авторов книги об «исторических корнях» Ханты-Мансийска о том, что «летосчисление» этого города следует начинать с первого и, кстати, единственного упоминания о Самаровом городке (Самар-вош)².

По словам томского исследователя А.М.Малолетко, имя Самара, «возможно, связано с русскими мигрантами из Северного Причерноморья, хотя есть и иные варианты»³. Н.А.Балюк и А.В.Матвееву кажется заслуживающей внимания гипотеза А.М.Малолетко о том, что в XIII—XIV вв. Лукоморье — правобережье Оби от устья Иртыша до реки Казым — заселили мигранты с низовий Дона, которые именовали себя самарами, байбалаками и цинганами, а наименования, производные от этих названий, хорошо известны приобской ономастике и топонимике⁴. По убеждению Н.А.Балюк, имя остяцкого князя, погибшего при взятии его укрепленного поселения соратниками Ермака, «имеет тюркское происхождение»⁵. Такое заключение нетрудно оспорить. Многочисленные Самарины⁶ вели свой род от Самара⁷, точнее, Степана Самары⁸. За 1640—60-е гг. известен казак, затем атаман Михаил Лукьянов сын Самарин (Самаренин)⁹. Возможно, эта фамилия восходит к наименованию реки Донецкого бассейна (на Муравском шляхе, которым часто пользовались татары для вторжения в русские уезды). Отметим также, что в сентябре 1641 г. с Дона в Астрахань приехал едисанский татарин Мулкомал Самаров «с товарищи»¹⁰. Еще в XIV в. была известна Самарская лука как

пункт на дороге из Золотой Орды в Северо-Восточную Русь. О «Самаре» тогда знали даже в Западной Европе: на итальянской карте 1367 г. на Самарской излучине Волги указан город Самар — по мнению Д.Ю.Кривцова, скорее всего, довольно многолюдное поселение, о котором в 1357 г. прослышал митрополит Алексей или кто-то из его свиты на пути в ставку золотоордынского хана¹¹. Согласно Лихачевской разновидности Есиповской летописи, «дружина» Ермака накануне сибирского похода находилась в Самарской луке. По другим данным, атаманы и казаки перед походом за «Камень» собрались в устье Самары¹². Весной 1586 г. русские служилые люди возвели на этой реке одноименный город. В XVI в. возле Переяславля-Залесского существовало село Самарово или Самаровское¹³, а в 1639 г. в Кинешемском уезде — деревня Самарина¹⁴, возможно, одно время принадлежавшая кому-то из Самариных.

С точки зрения Н.А.Балюк, Белогорский городок (Тунг-похош, т.е. «крепость святого сына» или «божьего сына городок»), который после гибели Самара стал носить его имя, известен с 1582 г., когда он официально был упомянут в летописи¹⁵. Однако это сочинение — сохранившийся в составе ремезовской «Истории Сибирской» Кунгурский летописец — по единодушному мнению исследователей, возникло в казачьей среде. Благодаря ему известно, что в городке, которым владел Самар, с ним «в сборе (находились. — Я.С.) 8 князцов, ждуще (ермаковцев. — Я.С.) побити силою», но те, возглавляемые пятидесятником Богданом Брызгой, убили Самара «и с родом его»¹⁶. Впрочем, известно, что Самара пережили сын Таир и внук Байбалак. Сомнительно и летописное сообщение о захвате городка у Самаровых гор 20 мая 1582 г.¹⁷ Подобно А.Т.Шашкову, можно думать, что «ермаковы казаки» двинулись весной 1583 г. в низовья Оби под началом не Брызги, а атамана Никиты Пана¹⁸. Утверждения, будто «в начале 1582 г. князь Самар предпринимает меры по укреплению Белогорского городка и размещению здесь своей резиденции», где выдержал трехдневный штурм казаков¹⁹, безосновательны, не исключено, что этот городок являлся ставкой Самара и прежде.

Недавно было высказано допущение, что Самар в качестве вассала сибирского хана участвовал со своими воинами в сражении на Чувашевом мысу (которое принято датировать 23 октября),

где решилась судьба «Кучумова юрта»²⁰. Это допущение представляется нам маловероятным. О вторжении «русского полка» в Кашлыке скорее всего узнали в середине сентября 1582 г., и чтобы приказ Самару явиться с отрядом к Кучуму достиг Белогорья и этот отряд выступил к ханской столице, понадобился бы как минимум месяц, не говоря о времени на сборы в поход. (В конце XVII в. считалось, что «по большой воде ... от Тобольска до Самаровых гор ходу две недели»²¹).

На взгляд Н.А.Балюк, после гибели Самара Брызга назначил кодского князя Алача, сына Игичея²², наместником Москвы в этом крае, а передача кольчуги Ермака в святилище белогорского «шайтана», о чем сообщается в Ремезовской летописи, — важная составляющая «политики закрепления Приобья за Русским государством»²³. Последняя оценка кажется нам недоразумением. Ведь панцирь знаменитого атамана в белогорское святилище попал по воле Кучума либо какого-то остяцкого князя в 1584 г., а один из сподвижников Ермака, возглавлявший экспедицию в Обь-Иртышское междуречье, едва ли олицетворял московское правительство, к тому моменту, возможно, даже не знавшее о «Сибирском взятии». Утверждать, что в конце XVI в. Алач сделался главным наместником Москвы в Приобье²⁴, не приходится, ведь с осени 1585 г. существовал Мансуровский городок, с 1593 г. — Березов, а со следующего года — Сургут, воеводам и головам которого поначалу была подведомственна Самаровская волость²⁵.

Н.А.Балюк считает, что, судя по летописи, Самар как вассал Кучума враждовал с Алачем²⁶. «История Сибирская», однако, не содержит и намек на такую вражду. Алач, быть может, тоже находился в зависимости от сибирского «салтана», но, решив, что шансы на успех в борьбе с ермаковцами невелики, счел за благо хотя бы на первых порах им подчиниться. Самар же, не исключено, переоценил возможности противодействия казакам. Он и Алач могли поначалу являться союзниками, но затем кодский князь предпочел признать себя русским данником в обмен на передачу ему в подчинение всей территории Нижнего Приобья.

Ссылаясь на факт сооружения Мансуровского городка, Н.А.Балюк полагает, что «казаки перенимают бытующую среди коренных жителей практику возведения городков как опорных оборонительных пунктов»²⁷. Но такая практика, причем строительства

крепостей, а не городков (временных укрепленных поселений²⁸), одним из которых, очевидно, являлся Самаровский (вот почему его в «исторические предшественники» Ханты-Мансийска определять вряд ли правомерно), к середине 1580-х гг. русским служилым людям, причем не только казакам, была хорошо знакома по Среднему Поволжью и «крымской Украине».

Примечания

¹ В одном документе, ускользнувшем от внимания сибиреведов, это «взятие» отнесено к 1582/83 г. (Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Академии наук (далее — ААЭ). Т. 2. СПб., 1836. С. 123), что подтверждает датировку, обоснованную Р.Г.Скрынниковым и А.Т.Шашковым.

² См., напр.: Цысь В.В. К вопросу о датировке основания Ханты-Мансийска (Полемические заметки) // Наука, экономика, право в регионах России: Мат-лы Всероссийской науч.-практ. конф. Нижневартовск, 2008. С. 148.

³ Малолетко А.М. Первая русская колония в Сибири // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: Четвертые научные чтения памяти профессора А.П.Бородавкина. Кн. 2. Барнаул, 2003. С. 86.

⁴ См.: Со времен князя Самара: В поисках исторических корней Ханты-Мансийска. Переизд. Ханты-Мансийск, 2007. С. 111. Ср.: С. 155, 161.

⁵ Балюк Н.А. Крепость святого сына // Сибирский исторический журнал. 2004. № 1. С. 33. Известен и потомок Алача князь Сатар Чюмеев. См., напр.: Бахрушин С.В. Науч. тр. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 118, 133.

⁶ См.: Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. 1. С. 713 (по указателю); Русская Историческая Библиотека (далее — РИБ). Т. 28. Стлб. 926 (по указателю); Памятники истории Восточной Европы: Источники XV—XVII вв. Т. 8: Осадная книга 1618 г. М.; Варшава, 2009. С. 655 (по указателю), Русско-белорусские связи: Сб. док. (1570—1667 гг.). Минск, 1963. С. 19, и др.

⁷ См.: Веселовский С.Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 120, 129, 138, 170, 188, 278; Панченко А.М. «Дудино племя» в послании Ивана Грозного князю Полубенскому // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 152—153.

Самара — это и музыкальный инструмент (Панченко А.М. «Дудино племя»... С. 151. Примеч. 2).

⁸ РИБ. СПб., 1884. Т. 8. Стлб. 1226.

⁹ См.: Куц О.Ю. Биографические сведения о донских атаманах, войсковых есаулах и войсковых дьяках второй трети XVII в. (1637—1667 гг.) // Очерки феодальной России (далее — ОФР). Вып. 8. М., 2004. С. 154—155.

¹⁰ См.: Куц О.Ю. Азовская оборона 1641 г.: источники и ход событий // ОФР. Вып. 10. М.; СПб., 2006. С. 132, 144, 166, 171. Примеч. 169.

¹¹ См.: Кривцов Д.Ю. Два волжских предания о митрополите Алексее // Лествица: Мат-лы науч. конф. по проблемам источниковедения и историографии памяти профессора В.П.Макарихина. Н.Новгород, 2005. С. 119, 120.

¹² Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 55—56; Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 36. М., 1987. С. 120. См. также: Копанев А.И. Пинежский летописец XVII в // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского дома. Л., 1972. С. 79.

¹³ См.: Рыков Ю.Д. Еще раз к вопросу о городском статусе Александровской слободы в эпоху царя Ивана Грозного // Государство и общество в России XV — начала XX века: Сб. ст. памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007. С. 150; Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. М., 2008. Т. 4. С. 97.

¹⁴ См.: Писцовые книги Восточного Замосковья. М., 2007. С. 180 (Каталог писцовых книг Русского государства. Вып. 3).

¹⁵ Балюк Н.А. Крепость святого сына. С. 31, 32, 34, 37. Примеч. 32.

Вопреки недавно высказанному мнению (см.: Костанов А.И. Документальная история Сибири: XVII — середина XIX вв. Владивосток, 2007. С. 26), упоминающееся в так называемой «перечневой описи» 1590-х гг. дело «...с самарханским», наверняка касалось не Самара, а самаркандского владетеля, судя даже по контексту фиксации этого документа. Да и сам исследователь признает, что в указанном деле речь шла о связях России с ее азиатскими соседями (Там же. С. 25), очевидно, достаточно влиятельными, к числу которых Самар, разумеется, не принадлежал.

¹⁶ Памятники литературы Древней Руси: XVII век (далее — ПЛДР). Кн. 2. М., 1989. С. 580.

¹⁷ См.: Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Ч. 4. Нижневартовск, 2009. С. 10. Авторы же книги «Со времен князя Самара...» (С. 136—137, 141, 166) в достоверности летописной датировки не сомневаются. Отметим ошибочность их указаний на князя Семена Глухова, прибывшего с отрядом на помощь Ермаку, и Д.Чулкова как одного из основателей Тюмени (Там же. С. 137, 148). В 1584 г. за Урал прибыла рать воеводы князя Семёна Болховского и головы Ивана Глухова, а три года спустя из Москвы Д.Чулков отправился для закладки «Новой Сибири» — Тобольска.

¹⁸ Шашков А. Пути за «Камень» и сибирский поход Ермака // Югра. 1997. № 4. С. 17; Он же. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 36, 49. Примеч. 36, и др.

¹⁹ Балюк Н.А. Крепость святого сына. С. 32.

²⁰ Там же. С. 33; Со времен князя Самара... С. 113, 116. Мнение авторов последней книги, что это сражение произошло в Кашлыке, ошибочно.

²¹ См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 77. «По мере тоболянина Бориса Черницына с товарищи» (1686/87 г.), это расстояние составляло 264 версты 800 сажень, по подсчету С.У.Ремезова, — на версту меньше (Там же. С. 225, 281—282, 337; Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. «Служебная чертежная книга» С.У.Ремезова: археографический комментарий // П. Ремезовские чтения 2005: Провинция в русской культуре. Новосибирск, 2008. С. 511).

²² В действительности Игичей приходился Алачу сыном.

²³ Балюк Н.А. Крепость святого сына. С. 33. Как представлялось С.В.Бахрушину, в соответствующем рассказе С.У. Ремезова Алач выглядит влиятельным союзником Кучума (Бахрушин С.В. Науч. тр. Т. 3. Ч. 2. С. 114). Но, по свидетельству тобольского книжника петровской эпохи, Алач забрал панцирь «ратоборного»

атамана уже из белогорского святилища, а не участвовал в «дележе» «ермаковых» доспехов и одежды. См.: ПИДР. Кн. 2. С. 563, 564.

²⁴ Со времен князя Самара... С. 103. Ср.: С. 150—151.

²⁵ См.: Сторожев В. Материалы для истории русского дворянства. Вып. 2. М., 1908. Прилож. С. 3, 6. Это обстоятельство не раз отмечалось в историографии (Пузанов В.Д. Сургут в военно-административной системе Сибири // Сургут в отечественной истории: Сб. тез. докл. и сообщ. Всероссийской науч. конф. Сургут, 2001. С. 46; Он же. Военно-административные проблемы развития Сургутского уезда в XVII—XVIII вв. // Северный регион: наука, образование, культура. 2004. № 1 (9). С. 55; Шашков А.Т. Строительство русских острогов в Сургутском уезде в конце XVI — начале XVII в. // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях: Тез. окруж. науч.-практ. конф., посвященной 40-летию Сургутского краеведческого музея. Сургут, 2003. С. 32).

²⁶ Балюк Н.А. Крепость святого сына. С. 34.

²⁷ Там же. С. 32.

²⁸ См., напр.: Описание Сибирского Царства: Соч. Г.Ф.Миллером. Кн. 1. М., 1998. С. 50, 51, 62—68, 159, 160, 182—185, 210, 216, 224, 225, 227, 230—233, 235, 240, 307, 309, 316, 322—324, 341, 364, 367; ААЭ. Т. 2. С. 167; Акты исторические, собранные и изданные имп. Археографическою комиссиею. Т. 3. СПб., 1841. С. 38; Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. Л., 1932. С. 119, 127 (Тр. Историко-Археограф. ин-та и Ин-та востоковедения. Вып. 3). Примечательно, что Песошно (Песочно) определяли как острог, посад и городок (ААЭ. Т. 2. С. 169). По наблюдению Д.Я.Резуна, в наказе 1594 и памяти 1601 гг. воеводам Сургута последний «четко отделяется от туземных “волостей и городков” его уезда» (Резун Д.Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI — первой половины XVIII века. Новосибирск, 1982. С. 19).

2. ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ОСТРОГ В ОБЬ-ИРТЫШЬЕ (О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ МАНСУРОВСКОГО ГОРОДКА)

Поздней осенью 1585 г., через несколько месяцев после того, как под началом головы И.Глухова Сибирь покинули остатки «дружины» Ермака, ратники воеводы И.А.Мансурова «срубили» там Обский или Русский городок (Руш-ваш). Он находился (об этом вслед за Саввой Есиповым поведал создатель Погодинского летописца (далее — ПЛ) конца XVII в.) на Оби «против иртишшсково (иртишьскаго) устья», по определению А.Т.Шашкова, на правом берегу этой «великой» реки, прямо напротив устья Березовой протоки¹. Согласно двум летописным сводам, Мансуров «поставил» острог на Белогорье, которое считается религиозно-политическим центром остяков, проживавших в низовьях

Оби². О.В.Внукова подобно И.В.Щеглову и Г.Е.Катанаеву считает, что воевода, посланный на помощь ермаковцам, располагал сотней служилых людей и пушкой³. О такой численности отряда Мансурова сообщается только в Ремезовской летописи, показанию которой следует предпочесть известие ПЛ о том, что рать, направленная за «Камень» «святоцарем» Федором, насчитывала 700 казаков и стрельцов «розных городов». Пушка же, благодаря которой мансуровцы смогли вдребезги разбить остяцкого «кумира»⁴, возможно, была у русских не единственной.

С.А.Токарев почему-то утверждал, будто Мансурова послали за Урал летом 1586 г. Р.Г.Скрынников в одной из книг писал, что Обский городок возник в феврале того же года⁵. Но тогда Мансуров уже собирался покинуть острог в устье Иртыша. В других работах Р.Г.Скрынникова сказано, что русский воевода, прибывший за Урал в конце лета (или осени) 1585 г., соорудил «городок, чтобы обеспечить себе безопасный путь к отступлению на Русь»⁶. Скорее, принимая во внимание судьбу этого городка, при его основании имелось в виду подчинение окрестных земель московскому государю.

Утверждение, будто И.А.Мансуров осенью 1585 г. застал город Сибирь сожженным или же прибыл «в опустошенный Искер»⁷, неверны. Домыслом следует считать и указание (из Миллеровского списка Головинской редакции Сибирского летописного свода), что воевода, посланный в Зауралье вслед за князем С.Д.Болховским, находился «в Сибири в Старой Кучюмовской» и бежал от туда, «не дождавсь перемены»⁸.

Н.А.Балюк и А.В.Матвеев недавно сочли, что скорее всего о Мансуровском городке в Москве впервые узнали от куноватско-ляпинского князя Лугуя, приехавшего в русскую столицу зимой 1585/86 г. после безуспешной осады остяками этого острога, и в августе того же года получившего от Федора Ивановича жалованную грамоту⁹. Подобно В.И.Сергееву и А.Т.Шашкову можно, однако, думать, что о сооружении крепостицы на Оби в «царствующем граде» стало известно от гонцов Мансурова, и там было решено отправить за Урал рать В.Б.Сукина и И.Н.Мясного¹⁰.

В Абрамовском летописце — одной из вторичных переработок «гистории» Есипова — сказано, что Мансуров, «дождавсь поллой воды и собрався в струги своя со всеми воинскими людми, и плыща

по реке Оби чрез Камень круги, а городок свой созже»¹¹. Документально известно, однако, что «сломать» этот острог было велено накануне основания Сургута в 1594 г.

С точки зрения А.Т.Шашкова, Мансуровский городок вначале был заброшен, но, возможно, туда со времени основания Тобольска стали посылать годовальщиков¹² (которые под началом Гневаша Лутохина несли службу в этой крепостице в 1594 г.¹³). Чаще всего считается, что Мансуров, возвращаясь на Русь, оставил в «срубленном» им остроге небольшой гарнизон¹⁴. Но высказана и мысль, что Мансуров не решился задержать там часть служилых людей «без надежды на скорую помощь», ибо вряд ли мог рассчитывать на «посылку» следом в Сибирь рати Сукина и Мясного¹⁵. Однако воеводе, не исключено, стало известно про такие намерения от гонцов, отправленных им в Москву, и покинул городок Мансуров скорее всего по распоряжению, полученному из «царствующего града». Как можно полагать вслед за В.И.Сергеевым, этот воевода собрал ясак в Югорской земле, что побудило обдорских и казымских князцов отправиться в Москву за жалованными грамотами¹⁶.

На взгляд В.Д.Пузанова, в 1586—1594 гг. в Обском городке служили годовальщики, присылаемые из Тобольска¹⁷. Напомним, впрочем, что Тобольск возник в 1587 г. и, видимо, именно с этого времени из будущей сибирской столицы начали отправлять стрельцов и казаков «на годовую» в сооруженный ратниками Мансурова острог¹⁸.

Повторенное многими историками утверждение Р.Г.Скрынникова, что гарнизон этого острога был переведен в Сургут¹⁹, неточно. «Годовавшие» в заложенной осенью 1585 г. крепостице служилые люди участвовали в походе на Обь, в результате которого и появился «Сургуцкий город».

С его основанием, по допущению Н.А.Балюк, «срубленный» почти десятилетием ранее острог в Обь-Иртышском междуречье не был заброшен ввиду стратегически выгодного расположения, позволявшего казакам «и в дальнейшем осуществлять контроль не только за военной ситуацией, но и за торговыми связями, обеспечивать таможенный контроль за движением ... пушнины»²⁰. В пользу этого мнения, однако, нет даже косвенных данных. То же следует констатировать относительно предположения

Д.Я.Резуна, что в Мансуровском городке осели некоторые из уцелевших ермаковцев²¹.

Примечания

¹ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 36. М., 1987. С. 64, 135; Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 122; Шашков А.Т. К истории Обского (Мансуровского) городка // Великий подвиг народа: Вторые военно-исторические чтения, посвященные 55-летию Победы в Великой Отечественной войне: Тез. докл. Екатеринбург, 2001. С. 178. См. также: Со времен князя Самара: В поисках исторических корней Ханты-Мансийска: Переизд. Ханты-Мансийск, 2007. С. 147.

Р.Г.Скрынников известия ПЛ о походе Мансурова возводил к документации Посольского приказа (Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1986. С. 51, 59).

² ПСРЛ. Т. 36. С. 138; Богданов А.П. Общерусский летописный свод конца XVII в. в собрании И.Е.Забелина // Русская книжность XV—XIX вв. М., 1989. С. 197 (Тр. Гос. ист. музея. Вып. 71).

³ Внукова О.В. Формирование первых сибирских гарнизонов в конце XVI — начале XVII веков // Россия и страны Запада: Проблемы истории и филологии. Ч. 1. Нижневартовск, 2002. С. 74.

⁴ См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 35, 40, 65, 96, 114, 126, 135, 136, и др.

⁵ Токарев С. Поход Ермака и завоевание Сибирского царства // Исторический журнал. 1939. № 1. С. 102; Скрынников Р. Борис Годунов. М., 2003. С. 204.

⁶ Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 250, 264; Он же. Ермак. М., 2008. С. 160.

⁷ Назаров В.Д. Зауральская эпопея XVI века // Вопросы истории (далее — ВИ). 1969. № 12. С. 113; Березово (Очерки истории с древности до наших дней). Екатеринбург, 2008. С. 55. В некоторых летописях сказано, что воевода «слыша, яко град Сибирь пуст» или видел «Сибирь пусту» (ПСРЛ. Т. 36. С. 135, 138, 368).

Мнение, что Мансуров двинулся из Сибири вдогонку за ермаковцами (Половинкин Н.С. Мансуров Иван // Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск, 2000. Т. 2. С. 175), не бесспорно.

⁸ ПСРЛ. Т. 36. С. 189. Примеч. 31—33. Н.А.Дворецкая почему-то причисляла Мансурова к тобольским воеводам (Дворецкая Н.А. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). Новосибирск, 1984. С. 107).

К.Н.Бестужев-Рюмин объявлял Мансурова «строителем» Тюмени, Тобольска и Сургута (Бестужев-Рюмин К.Н. Борис Федорович (Годунов) // Русский биографический словарь. Т. Бетанкур—Бякстер. СПб., 1908. С. 241). Л.Е.Морозова называет этого воеводу в числе основателей первых сибирских городов, начиная с Тюмени (Морозова Л.Е. Федор Иванович (1557—1598) // Исторический лексикон: XIV—XVI века. Кн. 2. М., 2004. С. 571). Данные утверждения явно ошибочны. Заблуждением следует признать и взгляд Н.А.Миненко, будто Мансуровым возведены стены и башни Березова. См.: Шашков А.Т. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 51. Примеч. 113; Солодкин Я.Г. О некоторых спорных вопросах

русской колонизации Западной Сибири в конце XVI века // Современное состояние и перспективы развития этнографических музеев Ханты-Мансийского автономного округа в новом тысячелетии: Маг-лы окруж. науч. конф. Ханты-Мансийск, 2003. С. 71—72.

⁹ Со времен князя Самара... С. 149. Едва ли можно согласиться с мнением, что подьячие, составлявшие грамоту Лугую, «понятия не имели, о каком русском городке на Оби шла речь» (Березово... С. 55). Эти приказные, точнее, руководители «Посольской избы», могли знать о появлении острога в Сибири от посланцев Мансурова, самого Лугуя, если не сопровождавших его в Москву служилых людей.

Заметим, что Лугуй вовсе не был князем Вымской земли, как представляется С.М.Каштанову (Каштанов С.М. Сибирский компонент в титулатуре московских государей XVI—XVII вв. // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI—XX вв. Новосибирск, 2006. С. 14).

¹⁰ Сергеев В.И. Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков // Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976. С. 23, 24; Очерки истории Югры. С. 120—121; Шашков А.Т. К истории Обского (Мансуровского) городка. С. 171—172; Он же. Начало присоединения Сибири. С. 39, 40; Он же. Лодейный город // Родина. 2004. Спец. вып.: Тобольск — живая былина. С. 8. Мнение А.Т.Шашкова, что Мансурова сопровождали в Сибирь ермаковцы во главе с атаманом Иваном Грозой (Грозой Ивановым), доставившим в Москву царевича Маметкула, безосновательно. Скорее такое поручение выполняли казаки, которые отвозили Маметкула в Москву (Копылов Д.И. Ермак. Иркутск, 1989. С. 173). Взгляд же, что раз в челобитной еще одного сподвижника легендарного «наставника» казаков Гаврилы Иванова говорится о его участии в закладке Тюмени, основавший ее отряд Сукина и Мясного встретился с ратниками Мансурова (Внукова О.В. Формирование первых сибирских гарнизонов... С. 78), нужно признать недоразумением.

¹¹ ПСРЛ. Т. 36. С. 96. Согласно ПЛ, остяки осаждали Мансуровский городок зимой, а весной воевода оставил его (Там же. С. 135, 136). Не исключено, что остяков возглавлял тогда не Лугуй, а «большой» кодский князь Алач, который после гибели Ермака и возвращения его уцелевших соратников на Русь мог отказаться от признания зависимости от «московского царя», что сделал в начале 1580-х гг. (Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI — первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004. С. 10), и попытаться стать полновластным правителем земель бассейна нижней Оби. В таком случае считать его «верным подданным и наместником Москвы» (Балюк Н.А. Крепость святого сына // Сибирский исторический журнал. 2004. № 1. С. 33) на первых порах не приходится.

Как и соратники Ермака, Мансуров вернулся на Русь северным уральским путем — через Сось и Пустозерск (Зубков К.И. Русский путь в Сибирь (опыт геополитического анализа) // Верхотурский край в истории России. Екатеринбург, 1997. С. 8).

¹² Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995. С. 93.

¹³ Гневаш Лугохин известен как сын боярский, дьяк, затем дворецкий новгородского Софийского дома 1570—90-х гг. (Греков Б.Д. Избр. тр. М., 1960. Т. 3.

С. 167; М., 1960. Т. 4. С. 51. Ср.: С. 329; Селин А.А. К происхождению приказной бюрократии Великого Новгорода в 1611—1617 годы // Генеалогия на Русском Севере: история и современность: Сб. ст. междунаrod. науч. конф. Архангельск, 2003. С. 101—103). Пока затруднительно решить, одно ли это лицо или нет с «начальным человеком» (но не воеводой, как писал Н.Н.Оглоблин) Обского городка.

¹⁴ См., напр.: Никитин Н.И. Начало казачества Сибири. М., 1996. С. 6; Очерки истории Югры. С. 121; Шашков А.Т. Начало присоединения Сибири. С. 41; Балюк Н.А. Крепость святого сына. С. 34; Солодкин Я.Г. Мансуров Иван Алексеевич // Большая Тюменская Энциклопедия. Тюмень, 2004. Т. 2. С. 260; Пузанов В. Годовальщики Сургута и Березова // Югра. 2005. № 12. С. 54; Березово... С. 57. Отмечено, что гарнизон Мансуровского городка сыграл значительную роль в основании Сургута (Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 90, 92). Вряд ли стоит повторять вслед за Н.Н.Показаньевой, что в этом гарнизоне, целиком переведенном в Сургут, наверняка встречались бывшие вольные казаки (Показаньева Н.Н. К истории казачества Сургута // Сургут в отечественной истории: Сб. тез. докл. и сообщ. II межрегион. науч. конф. Сургут, 2003. С. 30).

¹⁵ Со времен князя Самара... С. 148.

¹⁶ Сергеев В.И. Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых русских городов // Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М.Н.Тихомирова. М., 1967. С. 175.

¹⁷ Пузанов В.Д. Военная служба годовальщиков в Сибири в XVII веке // Северный регион: наука, образование, культура. 2005. № 1 (11). С. 97; Он же. Годовальщики в Сибири в XVII в. // Вопросы истории. 2009. № 2. С. 133. Заметим, что вопреки мнению исследователя, выражение «годовать» означало не только нести службу в течение года, но и проводить год, как например, восточные купцы в Тюмени в конце XVI в. См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 150.

¹⁸ Шашков А.Т. Строительство русских острогов в Сургутском уезде в конце XVI — начале XVII в. // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях: Тез. окружной науч.-практ. конф. Сургут, 2003. С. 32; Скульмовский Д.О. «Годовая служба» в сибирских городах и острогах на рубеже XVI—XVII вв. // Науч. тр. аспирантов и соискателей Нижневарт. гос. гуманит. ун-та. Вып. 4. Нижневартовск, 2007. С. 65.

¹⁹ Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 273.

²⁰ Балюк Н.А. Крепость святого сына. С. 34. Оценка Мансуровского городка как первого «государева» города в Сибири (Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. С. 18. Ср.: С. 27) кажется преувеличением. В отличие, скажем, от Александровой слободы (см.: Рыков Ю.Д. Еще раз к вопросу о городском статусе Александровой слободы в эпоху царя Ивана Грозного // Государство и общество в России XV — начала XX века: Сб. ст. памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007. С. 122—158), основанное Мансуровым укрепленное поселение не успело превратиться в город, а вскоре было заброшено.

²¹ Резун Д.Я. Куда и с кем ушли казаки после гибели Ермака? // Изв. Сибир. отделения АН СССР: Сер. обществ. наук. 1981. Вып. 3. № 11. С. 20.

Глава 3

СТАНОВЛЕНИЕ ШКОЛЬНОЙ СИСТЕМЫ НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1810 — НАЧ. 1880-х гг.

Первые попытки организации школьного обучения на Севере Западной Сибири относятся еще к XVIII в. Однако их вряд ли можно признать в полной мере удачными. Лишь в следующем столетии по инициативе властей, при участии приходских священников, интеллигенции, меценатов повсеместно (в том числе и в таком удаленном и слабо заселенном регионе как север Тобольской губернии), активизируется работа по распространению школьного образования.

Начало системе образовательных учреждений на территории края было положено в правление Александра I. Еще в январе 1803 г. им утверждаются «Предварительные правила народного просвещения», в соответствии с которыми народное образование должно было состоять из четырех ступеней. Низшую представляли приходские училища, предназначенные преимущественно для крестьян. Обязанность их открытия на государственных землях возлагалась на местное духовенство и «почетных жителей». На следующей ступени находились уездные училища, которые следовало организовывать по-возможности в каждом уездном городе. Третью ступень занимали гимназии, четвертую — университеты.

Согласно принятому в 1804 г. Уставу учебных заведений, подведомственных университетам, целью создания уездных училищ являлось: 1). «Приготовить юношество для гимназий, если родители пожелают дать детям своим лучшее воспитание»; 2) открыть детям различного состояния необходимые познания, сообразные состоянию их и промышленности». Надзор за училищем должен был осуществлять смотритель — чиновник не ниже 9 класса «Табели о рангах»¹. Во всяком уездном училище должно было быть два педагога.

Первым учебным заведением, которое было создано на Севере Западной Сибири на основании вышеуказанного Устава, стало организованное 30 августа 1818 г. Березовское уездное училище.

Сохранились позднейшие свидетельства, рассказывающие о его торжественном открытии: «Утром учащиеся и учащие собирались

в здание училища, откуда шли в церковь к литургии, после которой в училище направлялся крестный ход. На открытии присутствовали представители правительственных и общественных учреждений и от всех сословий. После молебна говорились речи о пользе просвещения, а учащиеся выражали благодарность за открытие учебного заведения. Тут же собирались пожертвования на училище деньгами и книгами. Такие пожертвования собирались ежегодно на торжественных актах. Вечером в день открытия уездного училища зажигалась иллюминация»².

Одновременно с уездным в том же 1818 г. в Березове создается и мужское приходское училище (первоначально — приготовительный класс при уездном училище) — своего рода низшая ступень начального образования, предназначенная для детей непривилегированных сословий. Оно находилось под надзором штатного смотрителя, имело одного учителя. В 1844 г. приготовительный класс был отделен от уездного училища.

В 1828 г. был издан новый «Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве Университетов: Санкт-Петербургского, Московского, Казанского, Харьковского».

Каждый тип школы приобретал законченный характер и был предназначен для определенного сословия. Преемственная связь между учебными заведениями, введенная в 1804 г., была отменена и доступ детей податного сословия в среднюю и высшую школу затруднен. Положительным моментом в новом Уставе было увеличение сроков обучения — в уездных училищах он возростал до трех лет.

Уездные училища, предназначенные для детей купцов, ремесленников, мещан и других городских жителей, не относящихся к дворянству, стали теперь трехклассными учебными заведениями. В них преподавались следующие предметы: Закон Божий, священная и церковная история, российский язык, арифметика, геометрия до стереометрии и без доказательств, география, сокращенная всеобщая и русская история, чистописание, черчение и рисование. Преподавание физики и естествознания было прекращено.

В первый учебный год в Березовское уездное училище был набран 1-й и приготовительный классы. С 1819/20 учебного года число классов увеличилось до двух. В 1838 г. училище было реорганизовано в соответствии с уставом 1828 г. 7 августа 1842 г.

был открыт еще один класс — третий. С этого времени училище стало располагаться в собственном одноэтажном деревянном доме, купленном в 1839 г. за 800 руб. серебром (2470 руб. 52 коп. ассигнациями) у наследников купца Струнина³. Здесь же находилась квартира штатного смотрителя. Старое здание, в котором училище размещалось с момента своего открытия, было продано в 1848 г. за 900 руб. ассигнациями.

Дом, построенный из кедрового леса в 1823 г., по своим размерам был вполне приспособлен для учебного заведения. Однако в ночь на 17 июня 1847 г. по неизвестной причине он сгорел. Училище временно пришлось перевести в частный дом, снятый за 144 руб. в год у отставного сотника Буторина.

С мая 1853 г. училище располагалось в новом доме, который по ходатайству директора Тобольских училищ с разрешения министра народного просвещения разрешено было купить у титулярного советника Булыгина за 1614 руб. 28,5 коп. серебром. Еще 400 руб. были выделены для проведения ремонта и окончательной отделки⁴. Приготовительный класс оставался в старом флигеле, не пострадавшем от пожара.

По сведениям, предоставленным директором училищ Тобольской губернии в январе 1869 г., в здании училища имелось 7 комнат: одна большая была отдана под женскую школу, три меньших — под классы уездного училища, две самых маленьких — под библиотеку и архив. Для мальчиков и девочек были сделаны отдельные входы. Кроме того, во дворе находился флигель, предназначенный для мужского приходского училища, состоявший из коридора и одной комнаты⁵.

Заведывание училищем возлагалось на штатного смотрителя. Он же отвечал за состояние других образовательных учреждений края. Такое же совмещение обязанностей было свойственно и следующему уровню управления образовательными учреждениями: директор Тобольской гимназии одновременно ведал также учебными заведениями на территории губернии. Он, в свою очередь, подчинялся Главному инспектору училищ Западной Сибири, находившемуся в Томске. Главный инспектор назначался министерством народного просвещения по договоренности с генерал-губернатором.

Большой вклад в развитие народного образования в крае, изучение его истории и культуры внес известный просветитель,

краевед, педагог Николай Алексеевич Абрамов. С 1842 по 1849 гг. он занимал должность штатного смотрителя Березовского уездного училища. В 1837 г. библиотека училища насчитывала лишь 164 тома⁶. Благодаря стараниям Н.А.Абрамова фонды библиотеки существенно пополнились. В 1845 г. в ней имелось уже 378 сочинений в 586 томах, в 1846 г. — 388 в 613 томах⁷, к 1860-м гг. — до 1500 томов, а к концу 1880-х гг. — 1007 сочинений в 2013 томах в фундаментальной библиотеке и 160 сочинений в 443 томах в ученической библиотеке⁸.

Помимо книг на русском языке, в библиотеке имелась литература на греческом (26 экз.), латинском (6 экз.), французском (13 экз.), немецком (8 экз.), итальянском (1 экз.), татарском (1 экз.) языках. Руководство училища не жалело денег на приобретение новых книг, ежегодно выделяя на эти цели весьма значительную сумму. Н.А.Абрамов проявил хозяйственную сметку: деньги на приобретение книг — это проценты с суммы, собранной Абрамовым и положенной «для обращения» в Московскую сохранную казну. Часть книг была приобретена у жителей Березова, Сургута, Тобольска⁹. В качестве учебников использовались: по географии — «Обозрение земного глобуса с кратким обозрением России» профессора Главного педагогического института А.Г.Ободовского, по истории — пособие профессора Петербургского университета Н.Г.Устрялова.

С.А.Белобородовым выявлено около 60 названий книг библиотеки Березовского уездного училища. Среди них можно отметить «Деяния Петра Великого» И.И.Голикова, «Руководство к всеобщей истории» Ф.Лоренца, «История государства Российского» Н.М.Карамзина, «Начертание естественной истории» В.Ф.Зуева, «Курс математики» Э.Безу, «Всеобщее землеописание» И.Ф.Гакмана и И.Ф.Яковкина, «Новейшее землеописание Российской империи» Е.Ф.Зябловского, «Словарь юридический» М.Д.Чулкова, «Театр судопроизводства, или Чтение для судей и всех любителей юриспруденции» и др.¹⁰

По данным на 1845 г., в училище преподавали Дмитрий Яковлевич Русаков — из податных Тобольской губернии, выпускник уездного училища в Тобольске (русский язык, рисование и черчение); Капитон Александрович Мамин — сын обер-офицера, выпускник Тобольской гимназии (история, география, чистописание); Алоизий Иванович Лабунский — уроженец Могилевской губернии,

произведенный в 1825 г. в дворянское звание, выпускник Бобруйского пятиклассного уездного училища (арифметика и геометрия); Михаил Егорович Ямзин — местный казак, урядник, выпускник Березовского уездного училища (приготовительный класс). Должность законоучителя на протяжении нескольких десятилетий занимал протоиерей И.М.Заборовский. Среди других педагогов можно отметить Николая Кожевникова, Василия Чемесова. Жалованье учителя получали в размере 210 руб. 15 коп. серебром в год. Смотритель училища — 280 руб. 20 коп. серебром и бесплатную казенную квартиру, педагог приготовительного класса — 75 руб. серебром. Всего же, по данным на 1846 г., на училище выделялось в год 1524 руб. 98 коп. серебром¹¹. К 1880-м гг. эта сумма возросла до 2664 руб. в год.

В 1826 г. в Березовском училище обучалось 35 учеников¹². На конец 1837 г. в Березовском уездном училище состояло 65 учеников (в том числе 51 в приготовительном классе)¹³. В 1845 г. в училище обучался 91 чел. (из них 47 — дети казаков)¹⁴. В 1946 г. — 97 (из них 47 в приготовительном классе, в том числе: 47 — дети казаков, 12 — чиновников, 17 — мещан, 3 — крестьян, 1 — духовенства, 3 — купцов, 10 — инородцев, 1 незаконнорожденный)¹⁵, на 1 января 1849 г. — 88 (из них 3 инородца)¹⁶. Всего же с 1843 г. по 1848 г. в училище состояло 108 мальчиков (в том числе 2 самоеда и 10 остяков)¹⁷. Дальнейшая динамика численности учащихся выглядит следующим образом: 1853 г. — 52, 1858 г. — 57, 1859 г. — 52 (в том числе 30 в приготовительном классе), 1862 г. — 52, 1864 г. — 46 (в том числе 20 в приготовительном классе), 1879 г. — 66¹⁸.

Возраст учеников 1-го класса колебался от 9 до 15 лет, 2-го — от 10 до 16 лет, 3-го — от 11 до 16 лет. Возраст учеников приготовительного класса (приходского училища) колебался от 8 до 11 лет.

Стараниями местного мещанина Михаила Максимовича Панаева с ноября 1843 г. при училище существовало «частное воспитательное заведение для инородческих детей». Приют размещался в «особом удобном доме», принадлежавшем М.М.Панаеву. Содержание обходилось в 405 руб. и еще 50 руб. выделялось «надзирателю»¹⁹. 4 июня 1846 г. М.М.Панаев был награжден серебряной медалью на Анненской ленте с надписью «за усердие» за выделение средств и организацию содержания инородческих детей в Березовском уездном училище²⁰.

Первоначально в «воспитательном заведении» состояло 8 остяков и 2 самоеда. В 1846 г. один из мальчиков умер. Двое детей обучались в уездном училище, а семеро — в приготовительном классе. Ясачные остяки Григорий Спиридонов и Прокопий Нестеров поступили в училище 2 ноября 1843 г., крещеный самоед Иван Нобе — с 17 сентября 1843 г.²¹ В приготовительном классе Березовского училища в 1845/46 учебном году состояли ясачные остяки Алексей Нестеров, Лазарь Омелев, Михаил Уткин, Амос Уткин, Филипп Яптин, Филипп Сидоров, некрещеный самоед Иойде Варщепов.

Примечательно, что представители коренной национальности по всем предметам показывали положительные результаты. В то время как среди детей русских казаков и мещан нередко встречались «двоечники». Наибольшие успехи в обучении показывали И.Нобе (все 4), Нестеров и Спиридонов (все 3, лишь по поведению 4).

Однако уже к началу 1849 г. число коренных жителей сократилось в училище до трех, а к 1853 г. до двух.

В 1848 г. Березов посетил архиепископ Тобольский и Сибирский Георгий (Ящуржинский). Он испытал учащихся на знание Закона Божия, молитв, церковных песнопений и, по словам Н.А.Абрамова, остался весьма доволен: «По окончании испытания, продолжавшегося более трех часов, преосвященнейший благодарил меня — штатного смотрителя Березовских училищ, за успехи учеников»²².

О некоторых особенностях преподавания и обучения можно составить представление по фрагменту «Ведомости об успехах и поведении учеников Березовского уездного училища» за 1845/46 учебный год, составленной Н.А.Абрамовым:

«По 1-му классу. Пройдена Краткая Священная История и Краткий Катехизис. Из Российской грамматики первая часть ее до словосложения. Из арифметики первая часть. Из Всеобщей географии: введение в географию и общее обозрение пяти частей света. Писали прописи на бумаге по двум графам. Рисовали... неполные части человеческой фигуры. Чертили с таблиц Франкёра...

По 2-му классу. Из Пространного Катехизиса пройдено с начала до третьей части и Надежды Христианские. Из Российской грамматики прошли вторую часть ее и занимались практическим

разбором и письмом по диктовке. По Арифметике вторую часть до отношений и извлечение квадратных и кубических корней. Из Всеобщей географии: политическое обозрение государств Европы и занимались очерком оных. Из Всеобщей истории: краткое обозрение оной и занимались хронологией по методу Язвинского. Писали прописи на бумаге по одной и двум графам. Рисовали с рисунков... полные и неполные части человеческой фигуры, чертили по правилам Франкёра колонны: тосканскую, дорическую, ионическую, коринфскую.

По 3-му классу. Из Пространного Катехизиса пройдена третья часть оного и повторена священная история ветхого и нового Завета. Из Российской грамматики занимались практическими упражнениями, разбором басней и краткими сочинениями периодов, писем и описаний. Из Арифметики: об отношении, пропорциях, простом и сложном тройном правиле, о возвышении в степень и о извлечении квадратных и кубических корней. Из Геометрии с начала до Стереометрии: Из Русской истории: краткое обозрение оной и занимались хронологией по методу Язвинского. Из Российской географии: краткое обозрение оной. Из Всеобщей географии: политическое обозрение государств Азии, Африки, Америки и Австралии и занимались очерком оных. Писали прописи на бумаге по одной графе. Рисовали с рисунков... полные части человеческой фигуры, чертили по руководству Франкёра ордена: тосканский, дорический, ионический, коринфский и сложный или римский»²³.

В подготовительном классе Березовского уездного училища писали прописи мелом на доске и на бумаге, изучали Краткий Катехизис, числа, читали книги славянской и гражданской печати, изучали четыре действия арифметики.

В Сургутском крае в силу его малолюдности и отдаленности, «заштатности» города Сургута пришлось ограничиться низшей, первой ступенью учебных заведений. 28 января 1835 г. здесь открывается казачья школа, фактически работавшая по программе приходского училища. В школе в обязательном порядке проходили обучение дети казаков с восьми лет: «перед началом учения сотенные командиры собирали мальчиков, достигших означенного возраста к себе в канцелярию вместе с их родителями и переписав всех детей поименно, отправляли при особой препроводительной

бумаге в школу»²⁴. Дом для училища пожертвовал отставной хорунжий Андрей Ефимович Туполев. Это было деревянное здание из трех комнат, две из которых использовались под классы. При школе имелся небольшой двор без усадебной земли. На средства А.Е.Туполева были изготовлены столы, скамьи, стулья, повешены и покрашены в черный цвет классные доски.

Школа существовала согласно высочайше утвержденным: Уставу о сибирских городских казаках от 22 июля 1829 г. и Положению о Тобольском пешем казачьем батальоне и конном полку от 21 октября 1849 г. В административном и финансовом отношении она находилась в ведении Тобольского воинского начальника. Последний, в свою очередь, подчинялся начальнику штаба Западно-Сибирского военного округа. В «учебном отношении» казачьей школой управлял штатный смотритель училищ Березовского и Сургутского округов.

«Благомыслящий священник Кайдалов», окончивший тобольскую семинарию, по приглашению начальника отделения тобольского общего губернского управления надворного советника Соколова «изъявил полную свою готовность обучать казачьих детей» безвозмездно, до того времени, пока не будет изыскан правительством источник финансирования. Управляющий Тобольской губернией статский советник Копылов, «пользуясь таковым случаем благотворительного учреждения учебного заведения», распорядился обучаться в нем детям «прочих обывателей». Одновременно архиепископу Афанасию было направлено ходатайство за его разрешением исполнять священнику Кайдалову должность учителя с сохранением его в прежней должности. Соколов на собственные средства закупил комплект учебников, прописей и других ученических принадлежностей на 40 учеников²⁵.

В первые годы существования школы обязанности учителя исполнял священник Андрей Яковлевич Кайдалов. С 1838 г. за священнослужителями было оставлено лишь преподавание Закона Божия, прочие предметы вели гражданские лица. В помощь Кайдалову в город был направлен окончивший курс гимназии казачий писарь Бармин. С 30 марта 1850 г. на протяжении более чем двух десятков лет законоучителем был священник, благочинный Сургутских церквей Василий Кайдалов. Остальные предметы вели: сначала «уволенный из гимназии ученик» (впоследствии Сургутский

казначей) Дмитрий Бигаев, а с 1 марта 1844 г. до 1870 г. — «обучавшийся в Тобольской гимназии до второго класса» зауряд-хорунжий (позднее — старший урядник) Алексей Андреевич Туполев (сын А.Е.Туполева)²⁶. Алексею Андреевичу в 1861 г. было 34 года, соответственно, родился он около 1827 г. А.А.Туполеву преподавание засчитывалось как часть действительной службы. Он же из собственных средств оплачивал все расходы на содержание казачьей школы. В дальнейшем учителями назначались местные казаки «по наряду» или же священно-церковнослужители. Известно, что в 1870 г. педагогом являлся дьячок Иоанн Покровский. Обязанности попечителя исполнялись ротным командиром сотником Невзоровым. Сторож назначался из казаков «по наряду».

Школа состояла из одного класса, разделенного на два, а с 1842 г. на три отделения. Преподавался обычный для начального учебного заведения того времени набор предметов: Закон Божий, русская грамматика, арифметика (до десятичных дробей), чтение, письмо. Учебное время составляло лишь 12 часов в неделю. Занятия велись с 9 до 11 часов утра. В педагогической практике широко применялся ланкастерский метод взаимного обучения, при котором наиболее успешные ученики занимаются с отстающими.

Сохранились достаточно подробные сведения об общей численности учащихся Сургутской казачьей школы²⁷. В 1838 г. один из учащихся относился к сословию «ясашных» (скорее всего — из числа представителей коренного населения). В 1848 г. и 1852 г. среди учеников насчитывалось двое остяцких детей, содержащихся за счет А.Е.Туполева. Однако абсолютное большинство составляли дети местных казаков, крестьян и мещан. В 1846 г. из 66 учеников 18 показали хорошие успехи в учебе, 25 — «достаточные», 13 — средние, 10 — слабые²⁸.

Деятельность Сургутской мужской школы упоминается в отчетах настоятелей местной миссии за 1860—70-е гг., а также в журнале о результатах ревизии училищ Березовского округа. В 1869 г. в ней обучались 60 мальчиков, в 1870 г. — 46, в 1872 г. — 48, в 1876 г. — 42²⁹, в 1879 г. — 40, в 1880 г. — 45³⁰.

Разница в численности, представленная в отчетах тех или иных должностных лиц, возможно, объясняется различиями между списочным составом учащихся и числом детей, реально посещавших

школу, а также временем предоставления документации. Из опыта других школ известно, что в течение года могло выбыть или вновь поступить в школу до 10—15 учащихся.

При казачьей школе имелось небольшое собрание книг. По данным на середину 1840-х гг., в нем было в наличии 42 «исторических» и «нравоучительных» сочинения и 11 учебных пособий, а к 1861 г. уже 116 томов 97 названий³¹. «Неизлишним считаю упомянуть, что в Сургутское приходское училище перешло немало книг из бывшей казачьей школы, — отмечалось в материалах ревизии за 2—3 сентября 1897 г. — Часть из них записана в фундаментальную библиотеку, большая часть нигде не значится, и хранится в углу прихожей»³². В отчете Тобольской дирекции за 1846 г. указывалось, что «Недостаток в учебных пособиях имеет Сургутская казачья школа по случаю незначительности средств, получаемых на содержание этого заведения от Тобольского городского полка»³³.

О литературе, использовавшейся учащимися Сургутской казачьей школы, можно составить определенное представление по сохранившемуся «Каталогу книг фундаментальной и ученической библиотек Сургутского мужского приходского училища» от 8 сентября 1897 г. В этом каталоге специально выделена литература, поступившая из казачьей школы. Судя по всему, в ней преобладали издания религиозно-нравственного содержания. Однако вполне возможно, что книги подобного направления были целенаправленно оставлены в приходском училище, а остальные за ненужностью списаны.

В каталоге упоминаются: 20 экз. Евангелия, 3 экз. псалтыри, 11 экз. апостольских посланий, а также такие работы как «Краткая Священная история для народных школ», «Благочестие в хижине», «Грех не безделица», «Сказание об Абалакской иконе», «104 рассказа из Священной истории», «Берегись первой чарки», «О суетном уповании» и др.

Кроме того можно отметить басни И.А.Крылова, сочинение Н.А.Абрамова «Догадки о значении имен некоторых мест Тобольской губернии», «Путешествия русских людей в чужие земли» этнографа и археографа И.П.Сахарова (возможно, первое издание 1837 г.), «Обозрение земного глобуса с кратким обозрением России» А.Г.Ободовского³⁴.

В первые два года школа не имела стабильного финансирования. Канцелярские расходы и освещение оплачивал А.Я.Кайдалов, небольшие суммы выделялись Сургутским заседателем. В 1838 г. на содержание Сургутской казачьей школы назначается ежегодное пособие в размере 200 руб. ассигнациями, что соответствовало 57 руб. 14,5 коп. серебром³⁵. По сведениям П.Киреева, из этих денег 120 руб. шло на жалованье учителю и 80 руб. на хозяйственные нужды и канцелярские принадлежности³⁶. В 1848 г. расходы сократились до 22 руб. 85 ³/₄ коп., а с 1851 г. до 15 руб. серебром в год³⁷. Помимо этого у школы имелся небольшой собственный капитал в размере 326 руб. 30³/₄ коп., собранный от сделанных в разное время пожертвований. Деньги были положены в банк под 6% годовых с тем, чтобы получаемая рента расходовалась на текущие нужды.

В 1869 г. Тобольский пеший казачий батальон был упразднен. В результате возникли серьезные проблемы с финансированием Сургутской казачьей школы. Военное ведомство отказалось брать ее на свой баланс. Как сообщал начальник штаба Западно-Сибирского военного округа Главному инспектору училищ, «я не нашел никаких источников к содержанию школы в г.Сургуте». Делался вывод, что училище должно перейти в ведение Министерства народного просвещения³⁸. Однако последнее было весьма ограничено в средствах, и поэтому на протяжении длительного времени инициатива военных не находила поддержки. Данный вопрос обсуждался нескольких лет. В конечном счете, был найден следующий выход из, казалось бы, тупиковой ситуации.

Выяснилось, что одно из начальных учебных заведений губернии — Заводо-Екатерининское — подлежит скорой ликвидации из-за закрытия предприятия, при котором оно существовало. Директор училищ Тобольской губернии предложил использовать освобождающиеся средства на обеспечение Сургутской казачьей школы.

Вопрос рассматривался последовательно в соответствующих инстанциях: Главным инспектором училищ Западной Сибири, генерал-губернатором, Министерством народного просвещения, департаментом экономии Государственного совета. Последний согласился с данным предложением и своим «Мнением» положил: «Ассигнуемую по финансовым сметам Министерства Народного

Просвещения сумму по 346 руб. в год, на содержание Заводо-Екатерининского приходского училища в Тобольской губернии, по закрытию сего училища 1 июля 1877 г., предоставить Министерству Народного Просвещения обратить с того же срока на содержание казачьего начального училища в г.Сургуте той же губернии»³⁹. 1 февраля 1877 г. документ получил одобрение императора. С этого момента казачья школа переходит в непосредственное подчинение МНП и получает стабильную финансовую поддержку со стороны государства.

Развитие системы сельских учебных заведений регламентировалось рядом законодательных актов и распоряжений. Так, Устав духовных консисторий 1841 г. предписывал епархиальным правлениям заботиться об открытии церковно-приходских школ. Императорский указ 1842 г. повелевал Министерству государственных имуществ оказывать финансовую помощь открытию приходских школ в своих землях. Циркуляром Министерства государственных имуществ 1842 г. предусматривалось преобразование всех действовавших в казенных селениях школ в приходские.

Создание системы сельских начальных образовательных учреждений, относящееся к периоду правления Николая I, во многом связано с личностью и инициативой благочинного Березовских церквей протоиерея Иоанна Матвеевича Заборовского.

О нем известно, что закончил ТДС, рукоположен в священники в 1828 г., с ноября 1830 г. стал служить в градо-Березовской Богородице-Рождественской церкви, преподавал Закон Божий в Березовском народном училище, с 1834 г. стал благочинным градских и уездных церквей. В то же время (1841 г.) ему было поручено крещение идолопоклонников всего Березовского округа.

Во время инспекционной поездки протоиерей посетил Ларьякскую волость, где по его предложению 19 декабря 1842 г. открывается церковная школа. В отчете епископу Тобольскому он писал: «...в проезде чрез селения прихода Ларьятскаго села заметивши, что прихожане остяки против других подобных им и известных ему скромны характером и особенно привержены к Христианской вере». По словам протоиерея, остяки «изъявили беспрекословное полное свое желание» отдать детей в обучение грамоте и представили 6 мальчиков. Преподавание было поручено дьячку Ларьякской Знаменской церкви Петру Вергунову в его доме

«без платежа денег», а надзор за учением — приходскому священнику Василию Вергунову, который должен был стараться об умножении учеников и каждый месяц предоставлять сведения о числе учащихся и их успехах. Заботу об обеспечении новых учеников учебными пособиями и их оплату протоиерей взял на себя. Им было отправлено «на первый раз в... Ларьякскую школу 5 экземпляров букваря, для обучения остяцких детей грамоте»⁴⁰, а также прописи и «начатки христианского учения». Еще 20 букварей для учеников школы приобрел и отослал на свои деньги епископ Тобольский и Сибирский Владимир (Алявдин).

В 1843—1844 г. число учеников в Ларьякской школе возросло до восьми. П.Вергунову назначается жалование в размере 20 руб. серебром в год. За обучение не брали никакой платы «с тем намерением, чтобы прочие инородцы всего прихода охотнее решались отдавать своих детей для обучения грамоте»⁴¹.

Из донесения епископа в Синод в 1843 г. следовало, что успехи в школе были немалые: некоторые дети выучили «четырёхсложные склады, а другие двухсложные», «обучающиеся ныне мальчики по испытанию его протоиерея читают твердо и правильно», появились новые кандидаты в ученики. Но многие из них были сиротами, малоимущими. Поэтому протоиерей просил взять их на казенное содержание.

14 июля 1845 г. И.М.Заборовский при очередном посещении Ларьяка провел испытание обучавшихся в школе мальчиков: «показалось, что некоторые из них кончили буквари, другие — после букварей прошли и начатки христианского учения и читают весьма удовлетворительно. Также замечено, что все те ученики имеют способность к письму, и некоторые из них пишут прописи по двум графам мелом на досках весьма твердо»⁴². За открытие школы в селе Ларьякском Консистория объявила благочинному благодарность.

Во время следующей инспекционной поездки в 1844 г. И.М.Заборовский отметил успехи недавно организованной школы в с.Юганском: «Поселянская школа состоит из 14 учащихся мальчиков 7 остяцких и 7 русских, учитель их местный священник Иоанн Тверитин занимается обучением как видно из успехов учеников рачительно». Он «на свой же счет устроил в ней классические столы и скамьи, к этому еще безмездно содержит на свой

кошт пять остяцких мальчиков, по бедному состоянию их отцов». Юганская школа располагалась в помещении, выделенном И. Тверитиным из собственной квартиры.

Проезжая через Ваховский и Верхне-Лумпокольский приходы, Березовский благочинный «с помощью местных священноцерковнослужителей успел убедить прихожан их остяков на заведение школ и при их церквах. Прихожане остяки изъявляя ему свое желание, просили поимянно записать их мальчиков, которых они согласны отдать для обучения грамоте, а имянно: в Верхнелумпокольском 10 мальчиков, а в Ваховском одиннадцать»⁴³. Учителями согласились быть верхнелумпокольский священник Вергунов, ваховский священник А. Кайдалов и пономарь В. Вергунов.

Однако далеко не всегда при приеме детей на обучение духовенство действовало методами убеждения, о чем свидетельствует рассказ финского путешественника М. Кастрена, относящийся к 1845 г.: в Верхне-Лумпокольске «устроена недавно, как на Вахе, Югане и во многих других местах, школа для обучения остяцких детей. Кстати расскажу здесь, что со мною случилось по поводу именно этой школы, когда мы пристали к Магионским юртам... остяки пришли ко мне жаловаться на своего священника и духовного пастыря, который всем прихожанам велел отдать ему детей для надлежащего обучения и воспитания, что они никак на это не соглашались и что, несмотря на это, он все-таки взял в школу двух мальчиков из Магионской волости. Я стал было объяснять им, что это делается для их же пользы, но они не хотели слушать, повторяли только, что и отцы их, и они сами верно служили царю, не умея ни читать, ни писать»⁴⁴. По данным на 1848 г., в Юганской школе обучалось 8, в Ларьякской — 8, в Ваховской — 7, в Верхне-Лумпокольской — 6 дети хантов⁴⁵.

Еще одна начальная школа для инородческих детей была создана настоятелем Кондинского монастыря игуменом Арсением (Куликовским) — ранее иеромонахом Воронежского Митрофанова Благовещенского монастыря. Решение об организации школы было принято еще 6 июня 1836 г. Постановление Св. Синода гласило: «Для обращения и утверждения в вере остяков, кондийский монастырь ... обратить в миссионерский и завести в нем первоначальное училище для остяцких детей (на первый раз хотя человек на 10), в котором они обучались бы только закону Божию

и русскому языку, чтобы со временем могли служить толмачами для миссионеров и помощниками в делах миссии ... просить о назначении из государственного казначейства ... на содержание 10 учеников — 1000 р. асс. [рублей ассигнациями]»⁴⁶. Практическая работа в этом направлении начала вестись лишь после укомплектования Кондинского монастыря подготовленными миссионерскими кадрами — приглашенными из Европейской России. В 1844 г. игумен Арсений отправился в поездку по инородческим юртам для набора детей в эту школу. По-видимому, не без помощи местной гражданской власти настоятелю монастыря удалось «склонить несколько инородческих семейств к добровольному согласию отдавать своих детей в училище»⁴⁷.

В Кондинской школе дети находились на полном казенном содержании. Для этого, как уже отмечалось, из казны выделялось ежегодно 1000 руб. ассигнациями. Жили они в настоятельских кельях рядом с комнатой игумена. Для присмотра и ухода за детьми был нанят отставной казак Старков. Учащиеся получили от монастыря специально для этой цели изготовленные кровати, тюфяки, подушки и простыни, по три пары белья, халаты, шаровары и казакины, сапоги. Однако помещения для занятий, как и сам монастырь, находились в плачевном состоянии. Крыши во всех монастырских строениях текли, окна требовали поправки, полы пришли в ветхость и т.д.

Учебная программа состояла из чтения по-русски и церковнославянски, письма, арифметики, изучения катехизиса и Священной истории, церковного пения. Занятия проводились с 8 до 11 и с 14 до 17 часов. Предполагалось, что в свободное время дети могли бы заниматься различными ремеслами: портновским, сапожным, столярным и др. Учителями при школе состояли в 1844—1845 гг. иеромонах Мелетий (выпускник низшего отделения Тобольской духовной семинарии), в 1846 г. — иеромонах Аверкий (выпускник Воронежской духовной семинарии), с 1867 г. — иеромонах Иосиф (бывший студент Тобольской духовной семинарии), с 1869 г. — священник Евгений Кузнецов (в монашестве Евграф, выпускник Тобольской духовной семинарии), в 1874 г. — иеромонах Венедикт (обучался в Санкт-Петербургском топографическом училище) и иеромонах Анастасий II (обучался в риторическом классе Орловской семинарии)⁴⁸, в 1884 г. — иеромонахи Афанасий и Евграф⁴⁹.

В первое время отмечаются определенные успехи в обучении детей остяков: «Мальчики скоро привыкли к русскому языку, хорошо выучились читать и писать, а затем приступили к изучению и закона Божия. Зимой с 1845 на 1846, или с 1846 на 1847 год о.Арсений некоторых между ними привозил с собою в Тобольск, где один из них в какой-то большой праздник, после литургии, в присутствии многих посетителей, говорил перед преосвященным Георгием речь, был слегка испытываем владыкою в знании краткого катехизиса и св. истории и вскоре затем посвящен им в стихарь»⁵⁰.

Однако постепенно монастырская община пришла в упадок, ее штаты не укомплектовываются, начальное образование при монастыре не получает дальнейшего развития. Уровень подготовки учащихся был низким, о чем свидетельствовала ревизия, проведенная священником П.Поповым в начале 1880-х гг.: «Из числа пяти инородческих мальчиков, находившихся на лицо при настоятеле, и, вероятно «лучший», не ответил мне ни на один вопрос, хотя я неоднократно обращался к нему с тем же вопросом в присутствии самого учителя Евстрата, который настаивал, сердился на безответственность своего питомца, не мог также добиться я от него что-либо прочесть или пропеть»⁵¹. П.Попов пришел к выводу, что Кондинское училище «не приносит надлежащей пользы», само обучение неприятно для родителей и мучительно для детей⁵². Сохранились также впечатления о Кондинской школе, оставленные финским путешественником А.Алквистом, относящиеся к 1877 г.: «В самом монастыре содержится школа, где полдюжины остяцких и самоедских детей учатся читать и писать по-русски, их обучают также счету и религиозной истории, при этом они привыкают к внешним обрядам культа ... Монастырь, кажется, стремится лишь к тому, чтобы денационализировать доверенных ему учеников и довольствуется привитием им вышеназванного небольшого объема знаний. После окончания курса воспитанник становится в лучшем случае вакцинатором, младшим писцом и т.д.»⁵³. К 1885 г. школа прекратила свое существование. За 40 лет, с 1844 по 1885 гг. в ее стенах проходили обучение 134 остяка.

В 1844 г. настоятелем Кондинского монастыря игуменом Арсением при активном содействии «торгующего крестьянина»

Василия Васильевича Сургутскова, учреждаются школы в селах Белогорье (Троицкое), Сухоруково и Малый Атлым. На 1848 г. в них обучалось, соответственно, 8, 10 и 10 остяцких детей. Учителями согласились быть дьякон Василий Пономарев, священник Иван Пономарев и дьякон Дмитрий Попов⁵⁴. В д.Елизаровой, кроме того, была создана школа для детей местных русских крестьян. По сведениям Н.А.Абрамова, в 1848 г. в ней обучалось 12 чел. (10 русских и 2 остяка)⁵⁵.

В 1846 г. (по данным Н.А.Абрамова — в 1847 г.) священником Петром Поповым в Обдорске в его собственном доме была открыта школа для инородческих детей. Эта школа существовала, прежде всего, благодаря частной инициативе ее создателя. В ней проходили обучение 13 русских и 1 остяцкий мальчик.

Уровень подготовки здесь был выше, чем в Кондинской школе. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что ее выпускниками являлись священник Николай Герасимович Герасимов (из ненецкого рода Югомпелик, выпускник Тобольской духовной семинарии), псаломщики Чечурин и Собрин, лекарский ученик Собрин (второй).

В 1861 г. происходит преобразование Обдорской школы в смешанную приходскую. В 1868 г. в ней числилось 29 мальчиков и 13 девочек⁵⁶. Учебный год продолжался с 15 сентября по 23 декабря и с 15 января по 7 июня.

По данным на 1876 г., в Обдорске упоминаются уже две школы — мужская, насчитывавшая 50 учеников (в том числе 16 ненцев и 2 ханта, остальные — дети крестьян, казаков и мещан); женская, в которой обучалось 18 девочек (из них 3 ненецких девочки)⁵⁷. В первой преподавали Закон Божий, священную историю, чтение и чистописание, во второй — грамоту и рукоделие. Дети аборигенов, прежде чем быть допущенными в школу, направлялись в подготовительное отделение для овладения русским языком. В начале 1880-х гг. школа в Обдорске была закрыта, во многом по причине смерти ее организатора и руководителя игумена Аверкия⁵⁸. Вместо нее открывается училище Министерства государственных имуществ. В 1884 г. его попечителем состоял купец 2-й гильдии Федор Карпов, законоучителем — священник Владимир Гажицкий, учителем — «уволненный в запас из армии вольноопределяющийся» Адриан Шешуков⁵⁹.

В эпоху либеральных реформ Александра II возникла необходимость в дальнейшем совершенствовании начальной школы. Происходят определенные сдвиги, получившие дальнейшее развитие уже в пореформенный период. Среди них в первую очередь следует отметить появление женского образования.

Однако первая попытка была предпринята несколько раньше, еще на рубеже 1840—50-х гг. 21 апреля 1849 г. с разрешения Тобольской дирекции народных училищ была открыта «школа для девиц» в г.Березове. Она помещалась в доме учительницы. На 1849/50 учебный год в школе состояло 11 учениц, на 1850/51 г. — 8 (4 купеческого, 1 мещанского, 3 казачьего сословия, «поведения все весьма скромного»), успехи хорошие продемонстрировала 1 ученица, достаточные — 3), на 1852/53 учебный год — 8 (3 купеческого, 2 мещанского, 3 казачьего сословия)⁶⁰. Дети обучались чтению, письму, начаткам христианского учения, основам арифметики и грамматики, рукоделию. Учебники выдавались из библиотеки уездного училища⁶¹. Однако это небольшое учебное заведение просуществовало не очень долго.

Следующая попытка связана с организацией одноклассного женского приходского училища, учрежденного в 1860 г. городским обществом Березова. В этом же году было приобретено здание школы. Его пожертвовал надворный советник, заседатель городского суда, затем — городничий Павел Николаевич Михалев: «Я, чувствуя вполне признательность к начальству как за воспитание мое, так и моего сына в Тобольской гимназии на казенном содержании, считаю для себя возможным пожертвовать купленный мною в 1854 г. у Тобольского мещанина Петрова дом...»⁶². Однако из-за небольших размеров пожертвованного здания его решено было сдавать в аренду, а уроки проводить в одной из комнат уездного училища.

У истоков этих начинаний стоял опять же И.М.Заборовский. Именно он обратился ко всем жителям города с призывом жертвовать средства на вновь открываемую женскую школу, а также отдавать в нее своих дочерей. 30 октября 1860 г. был дан благотворительный спектакль, сборы с которого в размере 50 руб. также пошли на школьные нужды.

И.М.Заборовскому за открытие в городе Березове женской школы и «приобретение в пользу ее 344 руб. и под помещение ее

удобного дома», 27 мая 1861 г. было передано благословение Святейшего правительствующего Синода и пожалован орден Св. Анны 3-й степени за благочинническую службу. В феврале 1862 г. он был пожалован орденом Св. Анны 2-й степени как законоучитель (в этой должности состоял с 1832 г.) и штатный смотритель Березовского уездного училища, инициатор и организатор создания сельских школ Березовского округа в 1840-х гг. «для обучения грамоте остяцких детей». Протоиерей И.М. Заборовский также неоднократно получал «архипастырскую признательность и благословение», благодарность от духовной консистории за «ревностное содействие по предмету остяцких училищ», награждался набедренником, скуфьею, наперсным бронзовым крестом на Владимирской ленте в память войны 1853—1856 гг., серебряным позолоченным крестом.

Появление женских школ было одним из ярких проявлений изменения отношения горожан к народному просвещению. В это же время, с 1852—1861 гг., сеть женских учебных заведений охватила большинство городов Западной Сибири: Ялуторовск, Тобольск, Курган, Омск, Тару, Ишим, Тюмень, Барнаул.

По словам священника Березовского Воскресенского Собора Василия Тверитина, в 1854 г.: «Стремление к образованию, подражание новому замечается между всеми сословиями и обоим полом. Оно обнаруживается в общенародной грамотности, в нарядах и головных уборах... В школах новое поколение охотно учится грамоте, большею частью у церковного причта»⁶³.

Какие мотивы двигали горожанами, которые на свои средства, личным трудом участвовали в деле организации первого на Обском Севере женского учебного заведения?

1. Изменение социальной роли женщины. Во второй половине XIX в. перед ними открывались другие пути участия в общественной жизни. Получение образования должно было способствовать этим переменам.

2. Пример губернского центра, где в 1852 г. открывается девичье приходское училище, реорганизованное через несколько лет в Мариинскую женскую школу.

По заключению автора статьи ТГВ, «прогрессивный взгляд на образование» березовцев доказывает их благотворительность в пользу женской школы, денежные средства которой «год от году значительно увеличиваются».

Материальная поддержка была необходима для существования большинства учебных заведений в то время, так как государство финансировало лишь гимназии и уездные училища, а школы для девочек находились на самообеспечении. Первоначально училище не финансировалось городским обществом и существовало исключительно на частные пожертвования. Немалый вклад в его материальную поддержку вносили отдельные меценаты. В частности, с 1863 г. в течение ряда лет ежегодно по сто рублей на училище жертвовал окружной исправник полковник Гинц⁶⁴. Еще один источник средств — устройство разного рода благотворительных мероприятий, сборы с которых шли на нужды школы. Так, 8 сентября 1863 г. в здании уездного училища состоялся «бал-базар». За счет продажи входных билетов, овощей с пришкольного огорода, различных напитков и закусок было получено 90 руб. Несколькими днями ранее продажа вязаний, вышивок воспитанниц училища позволила выручить 47 руб. 50 коп.⁶⁵

Занятия в Березовском женском приходском училище начались 20 октября 1860 г. Первоначально преподавание велось учителями Березовского уездного училища безвозмездно. Здесь же некоторое время, до обустройства пожертвованного П.Михалевым здания, располагалась и сама школа «в отдельных комнатах от классов уездного училища». В конце 1860 г. в школе состояло 10 девочек. К 1 января 1863 г. число учениц возросло уже до 44, а в 1869 г. сократилось до 31.

Среди учащихся практически не было представителей податных сословий. Так, на 1 января 1864 г. из 34 учениц 33 принадлежали к сословиям купцов и почетных граждан, и 1 ученица — к духовенству⁶⁶.

Вторая в крае женская школа была открыта в Сургуте в 1862 г. в доме местного священника Василия Кайдалова, который взял на себя обязанности преподавателя. Его сестра Олимпиада обучала девочек рукоделию. Программа обучения состояла из чтения книг церковной и гражданской печати, чистописания, Закона Божия, арифметики, церковного пения, рукоделия.

В дальнейшем В.Кайдалов оставался законоучителем, а все остальные предметы (грамота, письмо, арифметика) вел соляной пристав Бигаев. В 1870 г. в женском училище педагогами состояли священник Александр Крылов и дочь чиновника Елена

Харламова. Среди учащихся не было представителей коренных жителей.

В середине 1860-х гг. для Сургутской женской школы отставным чиновником Иваном Туполевым (старшим братом А.А.Туполева — преподавателя казачьей школы) на собственные средства был выстроен дом. Школа преобразуется в училище 2-го разряда МНП с 3-годовалым сроком обучения. Цель подобных училищ, согласно положению 1858 г., заключалась в том, чтобы «сообщать ученицам то религиозное, нравственное и умственное образование, которое должно требовать от каждой женщины, в особенности же от будущей матери семейства». В училищах 2-го разряда преподавались: Закон Божий, русская грамматика, сокращенная русская история и география, начала арифметики, чистописание и рукоделие. Сургутское женское училище 2-го разряда существовало за счет случайных поступлений, преимущественно пожертвований меценатов. Кроме того, 10 руб. в год выделяло местное городское общество.

Деятельность Сургутского женского училища упоминается в отчетах настоятелей местной миссии за 1860—70-е гг., а также в журнале о результатах ревизии училищ Березовского округа. В 1869 г. в ней обучалось 25 девочек, в 1870 г. — 28, в 1872 г. — 26, в 1876 г. — 26⁶⁷, в 1879 г. — 20, в 1880 г. — 14⁶⁸.

Однако в документах первой половины 1880-х гг. информация о Сургутском женском училище 2-го разряда уже не приводится. Связано это с тем, что И.А.Туполев и его супруга (попечительница школы) Е.Ф.Туполева «по изменившимся торговым обстоятельствам» больше не могли нести бремя расходов на ее содержание. В результате в августе 1880 г. вынуждена была уволиться учительница. Некоторое время преподавание всех предметов велось бесплатно священником В.Калугиным⁶⁹. Как следствие, к середине 1880-х гг. мужское приходское училище МНП осталось единственным учебным заведением в Сургутском крае.

В 1874 г. (по другим источникам — в 1875 г.) была открыта школа в с.Реполовском Самаровской волости. Данное учебное заведение, а также существовавшая некоторое время школа в селе Шеркалы, находились в подчинении Министерства государственных имуществ (МГИ). На практике это фактически означало, что содержаться они должны за счет местных земских сборов, т.е.

самого населения. В учебном же отношении данные школы находились в ведении Министерства народного просвещения. На основании Высочайше утвержденного мнения Государственного совета от 22 апреля 1877 г. на их содержание должно было отпускаться по 200 руб. на жалованье учителю, по 60 руб. — законоучителю и 50 руб. — на учебные пособия. Последняя статья расходов, как правило, в полном объеме никогда не исполнялась.

В каждом из названных училищ имелось по одному педагогу (не считая законоучителя из местных священников). Причем в Шеркальском из-за их частой смены процесс обучения неоднократно прерывался. В 1880 г. в Реполовской школе состояло 18 мальчиков и 6 девочек, в Шеркальской — 14 мальчиков и 11 девочек⁷⁰. В первом из них учителем являлся выпускник Омской учительской семинарии Александр Гурьев, законоучителем — священник Александр Миловидов, попечителем — крестьянин Петр Худяков. Во втором попечителем был купец Федор Новицкий, законоучителем — священник И.Кузнецов, учителем — также выпускник Омской учительской семинарии Алексей Карпов⁷¹.

Церковная школа в с.Самарово была открыта в 1848 г.⁷² Как отмечалось в отчете Тобольской дирекции за 1848 г., «Березовский купеческий внук Василий Сургутский выстроил деревянный дом для Самаровского сельского училища, стоящий до 400 руб. серебром»⁷³. Школа содержалась на средства церкви с платой от крестьян в размере 1 руб. за ученика в пользу учителя, располагалась в 100 сажнях от храма. По свидетельству земского заседателя Кондинского участка Березовского округа А.В.Титова от 1877 г., В.В.Сургутсов также приобрел для Самаровской школы мебель (как и для Сухоруковской и Мало-Атлымской), «вошел в сношение с московскими книгопродавцами, которые и стали доставлять ему все необходимые учебные пособия»⁷⁴. В библиотеке Самаровского училища имелось на 1 января 1880 г. 832 экземпляра книг 132 названий. В 1858 г. школа перешла в ведение МГИ и МНП. Соответственно, финансировалась она за счет земских сборов и пожертвований⁷⁵.

Об училище в первые годы его существования мы можем судить по описанию Х.М.Лопарева, основанному на личных впечатлениях: «Училище помещалось около церкви в сажнях пяти от часовни св. пророка Илии. Это был маленький одноэтажный

домик с двумя отделениями: передней, где стоял огромный ларь с березовыми розгами, и собственно классной комнаты с длинными столами и скамьями»⁷⁶. В 1875 г. для школы было построено новое здание, имевшее 3 комнаты. По сведениям Н.А.Абрамова, первоначально в Самаровской школе состояло 15 учеников⁷⁷. Позднее число учащихся увеличивается. На 1869 г. в ней обучалось 35 мальчиков⁷⁸, в 1879 г. — 27 мальчиков и 7 девочек, в 1880 г. — 36 мальчиков и 9 девочек⁷⁹.

На протяжении нескольких десятилетий Закон Божий в Самаровской школе вел протоиерей Нестор Иванович Вергунов. Он родился около 1836 г. Окончил Тобольскую духовную семинарию еще в 1854 г. Дальнейшая его жизнь была непосредственно связана с Тобольским Севером. В 1855 г. Нестор Иванович был рукоположен в священники, а в следующем году направлен настоятелем в Самаровскую Покровскую церковь. С 8 марта 1856 г. он становится законоучителем в местной сельской школе, пробыв в этой должности более 50 лет. О педагогической деятельности Н.И.Вергунова вспоминал Х.М.Лопарев, писавший, что «Нестор знал свое дело»⁸⁰. С 1872 г. Н.И.Вергунов занимает должность благочинного нескольких волостей Тобольского уезда. Заслуги Нестора Ивановича нашли признание со стороны светских и церковных властей. Он был награжден орденами Св. Анны 3-й ст., Св. Анны 2-й ст., Св. Владимира 4-й ст., серебряным наперсным крестом. Много лет (с 1875 по 1901 гг.) попечителем школы являлся известный меценат, предприниматель Василий Трофимович Земцов.

Х.М.Лопарев рассказывает и о своеобразных особенностях обучения в сельских начальных училищах предреформенного периода:

«На печке этой [классной] комнаты лежал слепой старичок Трофим Яковлевич Козлов, из ссыльных солдат. Этот человек учил нас азбуке... Читаешь, бывало, с указкою в руке псалтырь и произнесешь слово неправильно, — тотчас с печки слышится наставнический голос Трофима Яковлевича. Зашумим ли в училище сверх меры, раздразим ли старика, Трофим Яковлевич спускается с печки и размахивал палкою по комнате, причем летели на пол книжки и чернильницы. Жалованья он не получал и довольствовался доброхотными подаяниями: хлебом, пищею и питием. В училище, кроме того, были еще “старшие” и “дневальные”... Они “прослушивали” наши “проучки” и если мы знали не твердо,

заставляли учить еще... Во время урока Закона Божия царила мертвая тишина. Все должны были собраться до прихода священника, и горе тому, кто опаздывал. Самое легкое если его ставили на колени у печки или на скамейке; обыкновенно же опоздавшего драли за уши и давали плюхи мощною рукою или били линейкою... лентяя разлагали у печки и один или двое, смотря по вине, с двух сторон пороли розгами на глазах у всех и лишь изредка в передней... Нас драли за все, за всякую мелочь: сломаешь ли грифель — пороть, разобьешь ли стекло — драть, не приготовишь ли урока — порка, опоздал — заушение...»⁸¹.

Тем не менее, результаты такого обучения Х.М.Лопаревым оценивались положительно: «Закон Божий, т.е. Ветхий и Новый Завет, краткий Катехизис и основные понятия о богослужении знали все твердо... Из училища не исключали за лень, буйство, или неспособность, а заставляли учиться, и каждый из нас был отрываем из школы вследствие нужд хозяйственных, без всяких свидетельств, но с твердым знанием св. Писания, четырех правил арифметики, чтения (по-славянски) и письма»⁸².

Также весьма положительно писал о результатах обучения в Самарово директор училищ Тобольской губернии, проводивший его инспекцию в 1869 г.: «Самаровское училище по усердию и способностям преподавателей и по степени успехов учащихся оставляет по себе приятное впечатление»⁸³.

Во многом аналогичные формы обучения применялись и в Сургутской казачьей школе. Как свидетельствовал в 1869 г. директор училищ Тобольском губернии, «Обучение чтению идет по старинной азбучной методе; умеющие читать — читают механически, монотонно, не замечают своих ошибок и потому, очевидно, читают без понимания. Обучение письму, судя по некоторым представленным мне образцам, идет очень удовлетворительно. Обучение арифметике также механическое: умственных упражнений нет. Вызванный мною к доске ученик, не ожидая моего вопроса и предполагая, что я жду от него изложения заданного урока, начал наизусть говорить совершенно монотонно выученную им слово в слово из задачника довольно сложную арифметическую задачу и бойко приступил было уже к механическому ее разрешению. Но, когда я, остановив его, несколько варьировал ту же самую задачу, то оказалось, что ученик и не понимает выученной им наизусть задачи»⁸⁴.

В Сургутском женском училище 2-го разряда обучение шло примерно такими же методами и с такими же результатами: «Девочки читают более толково и менее механически, чем мальчики. Зато пишут — немногие и то — дурно, а в арифметике дошли до таблицы умножения. Вообще, в ответах их видна робость, неразвитость, неумение объясняться, учение по книге»⁸⁵.

Свой скептический взгляд на преподавание наук в уездном центре высказала на страницах своих дневниковых записей Э.Фелинская, которая за революционную деятельность в 1839 г. была выслана на два года в г.Березов. Она сообщает с некоторой долей иронии о ежегодном публичном экзамене в училище: «Собравшись в один коллектив все чиновники и вся местная аристократия слушают сквозь дрему вопросы учителя и ответы учеников, которые им абсолютно непонятны»⁸⁶.

Э.Фелинская придерживалась невысокого мнения о стремлении березовцев к получению образования, что было якобы обусловлено легкостью «зарабатывания жизненных удобств» на Сибирском Севере, поголовным занятием его обитателей промыслами, освобождающим «родителей от чрезмерной заботы о будущей судьбе детей». Для мальчиков, по наблюдениям Э.Фелинской, достаточно уметь немного «читать да записывать долги остяков», а для девочек приобретение таких знаний рассматривается «как излишняя прибавка к воспитанию». Поэтому в березовском дневнике ссыльной есть следующая запись: «Образование детей, которое стоит у нас так дорого, но чаще всего лежит мертвым капиталом, также не слишком беспокоит жителей Березова»⁸⁷.

Настоятель Кондинского монастыря игумен Арсений так описывал используемые им в местной школе педагогические приемы: «он, игумен, слегка начинает приобучать к русскому наречию вытверживанием употребительнейших слов и вместе пища мелом на доске литеры, обучает их вытверживать и писать оные, дабы этим способом несколько ознакомить их с российской грамотою»⁸⁸.

Долгое время среди методов воздействия на нерадивых учеников применялись розги, таскание за уши и т.п. Уже в 1870-х гг. подобные «воспитательные приемы» стали постепенно изживаться. В частности, сохранилось относящееся к осени 1875 г. дело о жалобе отставного казака г.Березова Герасима Павловича Тарасова на законоучителя уездного училища священника Василия

Чемесова по поводу избияния розгами его восьмилетнего сына. Мальчик был наказан по несправедливому обвинению в сочинении записки «дурного содержания». Жалоба завершалась заявлением отца о том, что он растит ребенка «не для того, чтобы иметь в своей семье урода или калеку»⁸⁹. После непродолжительного разбирательства В.Чемесову и «за слабый надзор» штатному смотрителю Н.Кожевникову был объявлен строгий выговор. Такого рода эксцессы заставили обратить самое серьезное внимание на урегулирования вопроса о методах дисциплинарного воздействия на учащихся.

В течение 1876—1877 г. в Западно-Сибирском учебном округе идет разработка «Правил о взысканиях с учеников уездных училищ». Собственные проекты было предписано прислать каждому из штатных смотрителей Тобольской губернии. Среди прочего поступили следующие предложения: выгонять нарушителей из класса (в одном из проектов), ставить на колени в классе (в четырех проектах), «в виде исключения» допустить наказание розгами (в одном проекте).

На это последовали возражения директора Тобольских училищ: удаление ученика из класса — не наказание, а результат «неспособности учителя управлять классом»; на колени в принципе можно было бы ставить, но не более чем на полчаса; розги же хотя и употребляются в некоторых развитых странах, в частности, в Англии и Германии, но у нас не нужны «ввиду недостаточного развития самих педагогов в низших наших училищах и в особенности из опасения дабы не возвратиться к прежнему постоянному и нередко бездушному употреблению этого наказания»⁹⁰.

В окончательном варианте, утвержденном генерал-губернатором 11 августа 1877 г., за основу были взяты правила о взысканиях для гимназий и прогимназий МНП от 4 мая 1874 г. Согласно этим правилам, преподаватель мог применить следующие наказания: выговор; стояние на месте во время урока за скамьей, у доски, в углу или у дверей класса; одиночное сидение в классе; отделение от товарищей на определенное время; оставление в училище на 1 час после уроков.

Если указанные меры не помогали, штатный смотритель или педагогический совет назначали: выговор с занесением в штрафной журнал, арест на срок до 8 часов с оставлением на хлебе

и воде, как в учебное, так и в праздничное время, под наблюдением служителя.

Кроме того, педагогический совет мог наложить арест на срок до одних суток, снизить отметку по поведению, лишить освобождения от платы на полугодие (если таковая взималась). В качестве крайней меры допускалось увольнение из школы — временное или полное — с правом или без права поступления в другие учебные заведения⁹¹.

Таким образом, правилами не предполагались какие-либо методы прямого физического воздействия на учащихся, что было связано с процессом гуманизации образования.

В целом же динамика развития образовательных учреждений Тобольского Севера может быть представлена в следующем виде.

На конец 1840-х гг. на Севере Западной Сибири действовало несколько школ разных ведомств.

Министерство народного просвещения:

Березовское уездное училище, Березовское мужское приходское училище (приготовительный класс);

Военное министерство:

Сургутская казачья школа;

Святейший Синод:

Ларьякская, Верхне-Лумпокольская, Ваховская (Локосовская), Юганская, Троицкая (Белогорская), Сухоруковская, Мало-Атлымская, Самаровская, Кондинская, Елизаровская школы.

Во всех школах (без учета школ г.Березова) состояло 196 мальчиков.

Однако уже с конца 1840-х — начала 1850-х гг. происходит постепенное закрытие некоторых сельских начальных школ в Сургутском крае. В частности, в Ларьяке школа прекратила свое существование в 1857 г. Многие училища неоднократно закрывались, затем вновь открывались, что было связано преимущественно с их нестабильным финансированием, отсутствием квалифицированных педагогических кадров. В результате к 1862 г. общее число учащихся сократилось до 132 (из них 52 — в Березовском уездном училище с подготовительным классом)⁹².

На 1 января 1880 г. на территории Тобольского Севера действовало несколько школ различных типов.

Министерство народного просвещения:

Березовское уездное училище, Березовское и Сургутское мужские приходские училища, Березовское и Сургутское женские приходские училища;

Министерство государственных имуществ:

Самаровское, Сухоруковское, Юганское, Нижне-Лумпокольское, Шеркальское, Реполовское училища;

Святейший Синод:

Обдорская и Кондинская миссионерские школы.

К 1884 г. ситуация изменилась следующим образом:

Министерство народного просвещения:

Березовское уездное училище, Березовское и Сургутское мужские приходские училища, Березовское женское приходское училище;

Министерство государственных имуществ:

Самаровское, Сухоруковское, Обдорское, Шеркальское, Реполовское, Елизаровское училища;

Святейший Синод:

Кондинская миссионерская школа.

На 1884 г. во всех школах Березовского и Сургутского округов обучалось 72 мальчика и 25 девочек. Так как по официальным данным в округах проживало 18543 мужчины и 17423 женщины, количество учащихся по отношению к общей численности населения составляло 1 к 371 (в том числе 1 к 257 для мужчин и 1 к 697 для женщин). По этим показателям Север Западной Сибири уступал губернии в целом. На всей территории края соотношение населения к учащимся составляло 1 к 194 (1 к 120 для мужчин и 1 к 537 для женщин)⁹³.

Подводя предварительные итоги, следует указать, что сдерживающим фактором, тормозившим развитие школьной сети в рассматриваемый период, служило то обстоятельство, что численность русского населения за пределами нескольких крупных населенных пунктов была пока еще крайне незначительной. Основной контингент сельских школ — дети «инородцев». Их родителями не осознавалась необходимость овладения грамотой. В школьном обучении не виделось никакой практической пользы. Опыт подсказывал им с большой осторожностью относиться к разному

рода нововведениям, способным подорвать устои традиционного образа жизни, нарушающим духовную связь между поколениями. Политика же российского правительства с давних времен исходила из того, что какое-либо насилие по отношению к коренным жителям недопустимо. Если они не хотят учиться грамоте, то настаивать не стоит. Еще в 1836 г. Тобольский губернатор писал преосвященному Агафангелу: «В недавнем времени, именно в 1828 г., гражданское начальство и само старалось убеждать инородцев ... об отдаче детей в училища, которые предполагалось учредить нарочно для них в Сургуте и Обдорске; но никакие убеждения на них не действовали... в настоящее время нет никакой надежды убедить инородцев отдавать детей своих для обучения русскому языку и Закону Божию»⁹⁴. Поэтому неслучайно, что в школы попадали в основном сироты или дети из бедных семей, являвшиеся для родственников обузой, лишним ртом.

Миссионеры были глубоко убеждены в необходимости распространения грамотности для укрепления хантов в православной вере, для подготовки своего рода «туземных христианизаторов». Однако предпринимаемые усилия не всегда были успешны. Как отмечалось в отчете о деятельности Сургутской миссии за 1869 г., В.Кайдалов во время своих поездок «старался расположить остяков к отдаче детей в Сургутское или в другие приходские училища, однако в сем последнем случае остяки отнеслись совершенно холодно, отзываясь, главным образом, неимением средств содержать своих детей в училище»⁹⁵. О таком же очень осторожном отношении к обучению детей со стороны остяков, как уже отмечалось, писал М.А.Кастрен.

«...Объехали всю инородческую Балыкскую волость, — отмечалось в отчете Сургутской миссии за 1872 г., — где после исполнения случившихся треб священник в беседе своей на их языке... внушал им об образовании их детей, приводя незатейливые, применяясь к их понятиям, доводы. Некоторым предлагалось даже готовое содержание в продолжение учения, на каковое некоторые изъявили готовность, но детей пока еще не представили. Не знаем, почему до сих пор остяк боится грамоты, как заразы, и ни за что не соглашается произвольно отдать своего ребенка в училище...»⁹⁶.

Ситуацию могло изменить длительное совместное проживание с русскими, что было осуществимо только через расширение сети

небольших русских поселений в крае, а затем аккультурацию и даже частичную ассимиляцию аборигенов.

Другой вариант развития событий, возможный в то время лишь гипотетически, — организация национальных школ, с обучением на местном языке, приспособление программ обучения к реалиям Тобольского Севера. К этому способу решения проблемы образования коренных жителей мы приближаемся только сейчас. В XIX в. для его реализации не было ни подготовленных кадров, ни средств, ни политической воли. О том, что именно в таком направлении надо развивать образование, свидетельствует проект, предложенный директором училищ Тобольской губернии в 1852 г. Автор проекта, четко осознавая объективные факторы, отвращающие коренных жителей от отдачи детей в школы, предлагал следующий вариант образовательной реформы: создать в Березове, Обдорске, Сургуте «общие квартиры» для «инородческих» детей с тем, чтобы помимо изучения чтения, письма, Закона Божия, арифметики они могли под руководством опытных остяков упражняться в стрельбе из лука и «приучались бы владеть всеми орудиями, необходимыми для звериных промыслов». Следовало также добиваться, чтобы они не отвыкали от общения на родном языке. Далее необходимо было наиболее способных учеников направлять для продолжения обучения в Тобольскую гимназию, а после ее окончания — в Казанский университет. Причем опять же предполагалось, что они не должны забывать родного наречия, для чего с детьми должен был находиться постоянно кто-либо из соплеменников. По возвращении в родные места они бы послужили «примером благодетельных последствий, проистекающих от просвещения»⁹⁷.

Данный проект, хотя и не был реализован, тем не менее, свидетельствует о том, что некоторыми представителями передовой интеллигенции уже вполне осознавались верные пути распространения образования среди коренных жителей края.

Еще одной серьезной проблемой, мешавшей развитию системы образования на Тобольском Севере, являлось отсутствие стабильного финансирования (за исключением Березовского уездного училища). В большинстве случаев приходилось полагаться на добровольные пожертвования местных жителей, энтузиазм работавших почти без всякой оплаты педагогов. В качестве примера можно привести Сургутского казака А.А.Туполева, не только более

20 лет безвозмездно исполнявшего обязанности учителя, но еще и тратившего собственные средства на содержание школы и некоторых малоимущих учеников. Недостаточный уровень заработной платы служил одной из причин высокой текучести кадров даже в уездном училище: «Учителя... ежегодно сменялись и переводились в другие округа, где и жизнь дешевле, и есть возможность найти private занятия и соответствующее общество. Случалось так, что в уездном училище должности учителей по целым годам оставались вакантными, даже должность смотрителя училищ много лет замещалась не педагогами, и ее пришлось возложить на благочинного местных церковей протоиерея о. Заборовского»⁹⁸.

Церковь не могла регулярно выделять средства на школы, ограничиваясь небольшими единовременными субсидиями. Местные источники были очень скудны. Как отмечал И. М. Заборовский, «от самих инородцев требовать пособия на содержание школы нет никакой надежды по их бедности, а более — по их еще незнанию пользы от учения»⁹⁹. На русское население из-за его малочисленности также нельзя было рассчитывать. Реальную помощь могло бы оказать лишь государство. В сентябре 1845 г. Иоанн Заборовский предложил Тобольскому губернатору назначить казенное содержание Ларьякской школе в размере 2 тыс. руб. в год ассигнациями. Однако на эту и другие аналогичные просьбы последовал отказ, мотивированный тем, что, во-первых, свободных средств на содержание школ нет, а во-вторых, коренные жители «изъявляют неудовольствие, что священно- и церковнослужители принуждают их отдавать в оные всех своих детей...». Такое насилие со стороны духовенства признается «стеснительным для инородцев»¹⁰⁰. В стеснительном финансовом положении находилась и Обдорская школа. Лишь в 1859 г. на ее содержание по просьбе П. Попова архиепископом Феогностом выделяется 200 руб. единовременного пособия. Губернатор же П. Попову в средствах отказал. Таким образом, не получая реальной поддержки от светской власти, начальное образование в сельской местности края не могло получить достаточного развития.

Необходимо указать и на господство в большинстве школ устаревших методов обучения, основанных на механическом зазубривании. Связано это было с тем, что, как правило, педагогами являлись люди, не имевшие специального образования. Они учили

детей так, как когда-то много лет назад учили их самих. Современные методики преподавания были им совершенно не известны. Контроль за деятельностью начальных учебных заведений носил эпизодический характер. Штатный смотритель Березовских училищ имел возможность побывать в находившихся за пределами Березова школах лишь раз в несколько лет.

Таким образом, 1810-е — начало 1880-х гг. могут рассматриваться как время зарождения и становления образовательных учреждений в крае. Однако шаги, предпринимаемые в данном направлении, были пока еще робкими и непоследовательными, опиравшимися не на систему продуманных мер, а осуществлявшимися в виде различных спорадических инициатив православной церкви, государственной власти или представителей местной интеллигенции и предпринимателей.

Примечания

¹ См.: Устав учебных заведений, подведомственных университетам // Школа Тобольской губернии в XVIII — начале XX вв. Тюмень, 2001. С. 70—72.

² С.Г. Предстоящий юбилей // Сибирский листок: 1912—1919. Тюмень, 2003. С. 88.

³ Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г.Тобольске» (далее — ГУТО ГА в г.Тобольске). Ф. 5. Оп. 1. Д. 126. Л. 89.

⁴ Там же. Л. 92 об.

⁵ Государственный архив Томской области (далее — ГАТО). Ф. 125. Оп. 1. Д. 299. Л. 4.

⁶ См.: Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Коллективная монография. Ч. 5 / Под ред. Я.Г.Солодкина. Нижневартовск, 2010. С. 98.

⁷ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 5. Оп. 1. Д. 119. Л. 8.

⁸ Из отчета по управлению уездными училищами и городскими по положению 31 мая 1872 г. Западно-Сибирского учебного округа по Тобольской дирекции училищ за 1888 г. // История Югры в документах из Томска (Государственный архив Томской области). Томск, 2006. С. 227.

⁹ См.: Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории... С. 111.

¹⁰ Белобородов С.А. Библиотека Березовского уездного училища (материалы для реконструкции собрания) // Культурное наследие Азиатской России: Материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса. (г.Тобольск, 25—27 ноября 1997 г.). Тобольск, 1997. С. 142—143.

¹¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 5. Оп. 1. Д. 120. Л. 53 об.

¹² Березово (Очерки истории древности до наших дней). Екатеринбург, 2008. С. 241.

- ¹³ См.: Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории... С. 97.
- ¹⁴ Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в.: Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 121—123.
- ¹⁵ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 5. Оп. 1. Д. 119. Л. 3; Д. 120. Л. 54.
- ¹⁶ Там же. Д. 122. Л. 96.
- ¹⁷ Абрамов Н.А. Георгий Ящуржинский, архиепископ Тобольский и Сибирский (1845—1852 гг.) // Странник. 1868. Т. 3. № 8. Отд. 1. С. 78.
- ¹⁸ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 33. Л. 7, 42; Д. 128. Л. 51—52; Д. 203. Л. 33 об. — 34, 38 об. — 39; Д. 720. Л. 51 об. — 52.
- ¹⁹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 5. Оп. 1. Д. 120. Л. 86.
- ²⁰ См.: Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории... С. 103.
- ²¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 5. Оп. 1. Д. 119. Л. 71—76.
- ²² Абрамов Н.А. Георгий Ящуржинский... С. 66.
- ²³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 5. Оп. 1. Д. 119. Л. 73—76.
- ²⁴ Киреев П. Школы в Сургуте // Сибирская торговая газета. 1901. № 122, 123.
- ²⁵ См.: Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. С. 106.
- ²⁶ Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь... С. 123.
- ²⁷ См.: Цысь В.В. Сургутская казачья школа // Югра. 2009. № 1.
- ²⁸ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 5. Оп. 1. Д. 120. Л. 87.
- ²⁹ Отчет о деятельности миссий, состоящих в Тобольской епархии, за 1872 г. // Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII—XIX вв.: Источники / Сост., авт. предисл. и коммент. В.Я.Темплинг. Тюмень, 2006. С. 241, 274, 280; Из журнала о результатах ревизии училищ Березовского и Тобольского округов директором училищ Тобольской губернии в январе 1869 г. // История Югры в документах из Томска. С. 209.
- ³⁰ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 720. Л. 51 об. — 52.
- ³¹ Там же. Д. 128. Л. 137.
- ³² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6. Л. 22.
- ³³ Там же. Д. 120. Л. 11.
- ³⁴ Там же. Д. 6. Л. 11—14 об.
- ³⁵ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 334. Л. 12—13.
- ³⁶ Киреев П. Школы в Сургуте.
- ³⁷ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 334. Л. 12—13.
- ³⁸ Там же. Л. 5.
- ³⁹ Там же. Л. 32.
- ⁴⁰ Цит. по: Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов XVII—XX вв. Екатеринбург; Салехард, 2005. С. 275—276.
- ⁴¹ Предложения от 25 сентября 1845 г. протоиерея Иоанна Заборовского Тобольскому губернатору о содержании школы в с.Ларьякском // История Югры в документах из Томска. С. 168.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов... С. 277—278.

- ⁴⁴ Кастрен М.А. Сочинения в двух томах. Т. 2: Путешествие в Сибирь (1845—1849). Тюмень, 1999. С. 77—78.
- ⁴⁵ См.: Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь... С. 269.
- ⁴⁶ Сулоцкий А. Жизнеописание Афанасия, архиепископа Тобольского и Сибирского // Странник. 1867. Январь. С. 49.
- ⁴⁷ Цит. по: Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов... С. 272.
- ⁴⁸ Козлов З. Исторический очерк одноклассной церковно-миссионерской Кондинской школы за 65 лет (с 1844—1909 г.) ее существования // Школьный листок при ТЕВ. 1910. № 16. С. 122.
- ⁴⁹ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 1032. Л. 119 об.
- ⁵⁰ Сулоцкий А. Жизнеописание Афанасия... С. 55.
- ⁵¹ Цит. по: Белич И.В. История становления учебно-воспитательных учреждений для детей народов севера (на примере северных самодийцев): Дис. ... канд. пед. наук. Тобольск, 1999. С. 63.
- ⁵² Рапорт протоиерея П. Попова о предоставлении путевого журнала по обозрению церкви Березовского уезда // Из истории Обдорской миссии: Источники / Сост. В.Я.Темплинг. Тюмень, 2004. С. 123.
- ⁵³ Алквист А. Среди хантов и манси. Пугевые записи и этнографические заметки. Томск, 1999. С. 124.
- ⁵⁴ См.: Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов... С. 275.
- ⁵⁵ Абрамов Н.А. Георгий Ящуржинский... С. 78.
- ⁵⁶ См.: Вануйто В.Ю. Культурное развитие Обдорского севера в XVIII — начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005. С. 19.
- ⁵⁷ Отчет о деятельности православных миссий Тобольской епархии за 1876 г. // Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII—XIX вв. С. 292.
- ⁵⁸ См.: Мавлютова Г.Ш. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX — начало XX века). Тюмень, 2001. С. 88—89.
- ⁵⁹ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 1032. Л. 157 об.
- ⁶⁰ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 5. Оп. 1. Д. 123. Л. 5; Д. 125. Л. 90.
- ⁶¹ Там же. Д. 126. Л. 96.
- ⁶² Письмо от 6 августа 1860 г. надворного советника П. Михалева штатному смотрителю Березовских училищ И. Заборовскому о пожертвовании дома для вновь открываемой в г. Березове женской школы // История Югры в документах из Томска. С. 184.
- ⁶³ Тверитин В. Тобольской губернии город Березов: местные этнографические описания // Подорожник: Краеведческий сб. Вып. 3. Тюмень, 2005. С. 23.
- ⁶⁴ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 299. Л. 6.
- ⁶⁵ ТГВ. 1863. № 41. Неофиц. часть. С. 349.
- ⁶⁶ Из ведомости о числе учителей и учащихся в женских учебных заведениях Тобольской губернии за 1863 г. // История Югры в документах из Томска. С. 198.
- ⁶⁷ Отчет о деятельности миссий, состоящих в Тобольской епархии, за 1872 г. С. 241, 274, 280; Из журнала о результатах ревизии... С. 209.
- ⁶⁸ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 720. Л. 51 об. — 52.
- ⁶⁹ Там же. Д. 795. Л. 1.
- ⁷⁰ Там же. Д. 720. Л. 52 об. — 53, 55 об. — 56.

- ⁷¹ Там же. Д. 1032. Л. 157.
- ⁷² ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 483. Оп. 1. Д. 1. Л. 167. В очерке Н.А.Абрамова, посвященном епископу Георгию Яшуржинскому, в качестве даты основания называется 1845—1846 гг. (См.: Абрамов Н.А. Город Тюмень: Из истории Тобольской епархии. Тюмень, 1998. С. 308). Так как данный очерк был написан в 1868 г., возможно, известный краевед уже не мог точно указать дату создания школы.
- ⁷³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 5. Оп. 1. Д. 122. Л. 16 об.
- ⁷⁴ Титов А. Где тонко — тут и рвется: Заметка о Березовском крае // Подорожник: Краеведческий альманах. Тюмень, 2005. Вып. 1. С. 92.
- ⁷⁵ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 720. Л. 49 об. — 50.
- ⁷⁶ Лопарев Х.М. Самарово: Село Тобольской губернии и округа: Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. Тюмень, 1997. С. 145.
- ⁷⁷ Абрамов Н.А. Город Тюмень. С. 308.
- ⁷⁸ Из журнала о результатах ревизии... С. 215.
- ⁷⁹ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 720. Л. 51 об. — 52.
- ⁸⁰ Лопарев Х.М. Самарово. С. 146.
- ⁸¹ Там же. С. 145—146.
- ⁸² Там же. С. 146.
- ⁸³ Из журнала о результатах ревизии... С. 216.
- ⁸⁴ Там же. С. 207.
- ⁸⁵ Там же. С. 209.
- ⁸⁶ Фелиньская Э. Путешествие из Тобольска в Березов // Подорожник: Краеведческий альманах. Тюмень, 2005. Вып. 6. С. 97.
- ⁸⁷ Там же. С. 31.
- ⁸⁸ Цит. по: Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов... С. 272—273.
- ⁸⁹ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 526. Л. 2—3.
- ⁹⁰ Там же. Л. 18 об.
- ⁹¹ Там же. Л. 22—23 об.
- ⁹² Там же. Д. 128. Л. 31—32.
- ⁹³ Там же. Д. 1032. Л. 119 об. — 120.
- ⁹⁴ Цит. по: Странник. 1870. Т. 2. № 12. С. 422.
- ⁹⁵ Отчет о деятельности миссий, состоящих в Тобольской епархии за 1869 г. // Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII — XIX вв. С. 189.
- ⁹⁶ Отчет причта Сургутской мисси о работе в 1872 г. // Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII — XIX вв. С. 262—263.
- ⁹⁷ Представление от 1 апреля 1852 г. директора училищ Тобольской губернии генерал-губернатору Западной Сибири о распространении просвещения среди коренного населения Березовского края // История Югры в документах из Томска. С. 177—178.
- ⁹⁸ Там же. С. 68.
- ⁹⁹ Предложения от 25 сентября 1845 г. протоиерея Иоанна Заборовского... С. 169.
- ¹⁰⁰ Проект отношения от 27 апреля 1846 г. генерал-губернатора Западной Сибири обер-прокурору Святейшего синода графу Протасову о содержании школ в приходах Березовского округа и принудительном наборе остяцких детей в школы // История Югры в документах из Томска. С. 1.

Глава 4

ИЗ ИСТОРИИ БЕРЕЗОВСКОГО УЕЗДНОГО УЧИЛИЩА

Вопросы образовательной политики правительства Российской империи в Западной Сибири волновали исследователей еще в конце XIX — начале XX вв. Предметом их внимания было состояние народного образования в Тобольской губернии¹, крупных городах Зауралья, например, Тюмени², и небольших уездных городках³. Появившиеся в последнее время диссертационные исследования внесли определенную ясность в малоисследованные проблемы становления образовательного пространства севера бывшей Тобольской губернии. Следует обратить внимание на работы И.С.Сковородиной⁴, Е.М.Червяковой⁵, В.С.Сулимова⁶. Е.М.Червякова систематизировала и проанализировала документы, касающиеся становления профессионального образования в Тобольской губернии. Привлекая многочисленные документальные источники, автор справедливо связывает развитие профессионального образования с экономическими потребностями региона в период модернизации российской экономики на рубеже XIX—XX вв. В.С.Сулимов исследовал проблемы светского школьного образования Тобольской губернии этого же периода. Названные исследователи ввели в научный оборот многочисленные, ранее неизвестные, архивные материалы по истории образования в Западной Сибири, ими сформирована значительная источниковедческая и библиографическая база обозначенной темы.

При значительных достижениях в разработке ряда конкретных вопросов становления и развития системы образования Западной Сибири остается немало проблем, которые относятся, прежде всего, к более раннему периоду. Как правило, в поле зрения исследователей попадают наиболее известные учебные заведения, находившиеся в крупных городах и сыгравшие значительную роль в становлении системы образования города или региона. Проблемы же развития образования Севера Западной Сибири первой половины XIX в. остаются не исследованными.

Серьезного подхода требует изучение истории развития образования в труднодоступных, оторванных от губернских центров

городах, в том числе в г.Березове. Необходимо отметить, что роль этого города в формировании образовательного и в целом культурного пространства на Севере Западной Сибири остается оцененной не в полной мере. К тому же и проблема возникновения г.Березова оставалась до последнего времени в историографии дискуссионной⁷.

Работы последних лет известного историографа и сибиреведа Я.Г.Солодкина окончательно разрешили спорные вопросы о времени его основания⁸. Критически проанализировав большое количество сложившихся на этот счет мнений, гипотез, догадок, Я.Г.Солодкин аргументированно пришел к бесспорному выводу: «анализ сохранившихся источников позволяет заключить, что Березов был построен в 1593 году»⁹.

Отметим, что именно в этом городе в 1818 г. было открыто уездное училище, создание которого следует рассматривать как следствие реформы образования императора Александра I. Этот факт особенно важен на фоне незначительного количества образовательных учреждений во всей Сибири. Так, в 1803 г. министр народного просвещения граф П.В.Заводовский в своем отчете привел сведения, которые позволяют судить о развитии образования на необъятных просторах Сибири. В семи училищах, которые действовали в Тюмени, Туринске, Томске, Нарыме, Таре, Енисейске и Тобольске, обучались всего 193 ученика.

Официальные цифры свидетельствуют о том, что в Западной Сибири образовательная среда формировалась гораздо более медленными темпами, чем в европейской части. Можно представить, как этот процесс развивался в отдаленных, неосвоенных северных районах Тобольской губернии. Сложная ситуация в образовании этого региона явилась следствием отдаленности территорий, отсутствия заинтересованности правительства в строительстве учебных заведений в населенных пунктах ввиду малочисленности их населения, нехватки губернских финансовых средств.

Известный сибирский ученый Н.М.Ядринцев связывал возможности развития образования в Сибири с появлением местной интеллигенции. По этому поводу он писал: «Создание в Сибири образованного класса из лиц, преданных своему краю и изучивших свои местные нужды и дело, является желательным и должно рассматриваться как необходимое условие преуспевания окраины.

Рост, развитие, богатство и слава колонии лежат в зиждительных и творческих силах сильного общества»¹⁰.

Ряд делопроизводственных материалов, в том числе журналы с результатами инспекций по обозрению образовательного процесса, состояния архивов, финансовых средств, ремонта и перемещения учебных заведений, отложились в архиве Министерства народного просвещения (далее — МНП). Документы Березовского уездного училища являются редким и ценным источником по истории деятельности единственного образовательного учреждения уездного уровня в северной части Западной Сибири.

После организации Березовского училища оно разместилось в доме, пожертвованном Березовским обществом. Помещение было небольших размеров, но смогло обеспечить в первые два десятилетия нормальный ход учебного процесса и удовлетворяло потребности горожан в образовательных услугах. Но так как здание, в котором находилось училище, обветшало и стало тесным, начальство в 1838 г. предложило купить для училища деревянный дом, который принадлежал «наследникам умершего купца Николая Струнина». Сыновья Н.Струнина Василий и Григорий оценили свой дом в 3000 руб. ассигнациями. Началась переписка с канцелярией Тобольского гражданского губернатора. Губернское начальство согласилось выделить из казны на покупку дома 2800 руб. Но дело осложнялось необходимостью получения разрешения Правительственного сената, на чем настаивала Березовская дворянская опека. Вопрос был направлен в Главное управление Западной Сибири (г.Омск), а оттуда 9 марта 1840 г. в МНП¹¹, куда вскоре (31 марта) и поступило.

В документе содержится информация о том, что училищное начальство в присутствии Березовского городничего и исправника произвело осмотр дома и пришло к выводу, что он «удобный и прочный», а по составленной исправником смете затрат на поправку «некоторых повреждений» потребуется помимо покупной суммы еще 3008 руб. Эту же стоимость дома подтвердили Березовский городской купеческий и мещанский староста совместно с оценщиком, о чем и составили «особый отзыв». Таким образом, официальные лица сходились на том, что «дом этот со всеми при нем службами, судя по обширности его, прочности и вместимости», стоит в пределах названной выше цены. Экономическая же

сумма, принадлежащая училищу, составляла 5500 руб. Недостающую сумму директор училищ губернии рассчитывал получить от экономии расходов, да и само исправление дома на первый раз достаточно было «допустить на половину той суммы, какая означена по смете»¹². Исходя из изложенного, Министра народного просвещения просили дать согласие на покупку указанного дома и ремонт его в будущем. К документу прилагалось описание дома, позволяющее воссоздать в том числе и облик части г.Березова, так как в нем подробно описывается его месторасположение относительно других сооружений, упоминаются архитектурные сооружения, находившиеся рядом с домом. К тому же, можно судить о планировке дома, предназначавшегося для зажиточной семьи Березова, назначении комнат, хозяйственных построек, устройстве отопления: «Место принадлежащее ему ровное, с южной имеет 21 сажень, с западной 24, также с восточной и северной сторон. С южной стороны (вблизи его) Воскресенский Собор, с северной площадь, с западной через улицу дом титулярного советника Кашпирова (фамилия трудно читаемая, поэтому может иметь неточности в написании. — *В.М.*), а с восточной от которого отстоит в 12 сажнях: в длину почти в корпус 8 сажень, в ширину 9 сажень 10 четвертей и в высоту 2 сажени 8 четвертей, огорожен с двух сторон дощеным забором длиною на восточную сторону 54 сажени, на южную 12 сажени на северную и западную стороны обнесены бревенчатым забором на первую 9 сажень 4 четверти на вторую 18 сажень. Имеет трое ворот, одни на южную, а двое на восточную сторону.

В доме верхнего этажа 6 печей, из коих одна стряпная с чугуновой плитою на шестке, а прочие 5 голландские с вьюшкой одной заслонкой и пятью дверцами, дверей простых 9, все они на простых крючках и петлях, столярной работы 9, из них четверо с замками, а прочие 5 без замков.

В нижнем этаже 1 печь с заслонкой и вьюшкой, 5 дверей с крючьями, петлями и накладками, а у прочих дверей полотен не навешено.

Первый жилой флигель длиною $7\frac{1}{2}$ сажени, шириною 3 сажени 9 четвертей, высоты $2\frac{2}{3}$ сажени, имеет два этажа, в верхнем одна голландская печь с вьюшкой и дверцами, простых дверей 4 и столярной работы.

Нижний этаж разделен на три части, а именно: погреб (затем два слова трудночитаемые. — *В.М.*) дверей простых с крючьями, петлями и накладками четыре.

Второй сарай длиною 5 сажени и 10 четвертей, шириной 3 сажени 2 четверти, ширины 23,2 сажени. Имеет два отделения, а именно: верхнее, в котором один сарай, одна дверь створная с крючьями, петлями и накладкой. В нижнем отделении хлев и конюшня, дверей с крючьями, петлями и накладкой две.

Изба в ширину с восточной стороны 4 сажени и 4 четверти, в длину 4 сажени, в высоту 1 $\frac{1}{3}$ сажени, в ней одна пекарная печь с вьюшкой и заслонкой, а на шестке чугунная плита, дверей с крючьями и петлями 6, а с накладкою 2.

Изба с банею, как в ширину, так и в длину имеет 4 сажени, в высоту 1 $\frac{1}{2}$ сажени. Печей две, одна избная, а другая банная и обе с вьюшками и заслонками, а банная с железным листом для оката воды. Дверей в бане с крючьями и петлями две, а на одной полотна не навешено. При бане находится котел чугунный, вмещающий в себя около 10 ведер. Дверей в избе с крючьями и петлями 4, а на одну полотна не навешено. Подписал исправляющий должность смотрителя протоиерей Николай Кайдалов»¹³.

Предназначенный к покупке дом был двухэтажным, обнесен оградой, к тому же имел дополнительные многочисленные хозяйственные постройки.

План дома 3 апреля был направлен архитектору департамента МНП с предписанием — дать «заключение, как о предполагаемой покупке, так и перестройке означенного дома»¹⁴. Вскоре, 19 апреля, архитектор Щедрин представил рапорт следующего содержания: «Дом наследников купца Струнина, назначаемый к покупке для Березовского уездного училища, весьма поместителен, классные комнаты в нем могут быть расположены довольно удобно, а цену, прошенную за него, я нахожу сходною, что же касается до сметы, составленной не в надлежащем порядке, мною в точности проверена, но судя по обширности дома и по количеству назначенных работ, сумма, исчисленная в оной 3008 руб., довольно умеренна, о чем сим на предписание Департамента от 3 апреля за № 3461 честь имею представить»¹⁵.

Председательствующему в Совете Главного Управления Западной Сибири 2 мая 1839 г. было направлено разрешение на покупку

дома Н.Струнина за 2800 руб. и предлагалось «приказать составить новую смету по форме, признанной в Главном Управлении путей сообщений и публичных зданий»¹⁶, и предоставить вместе со «справочными ценами», которые сложились на месте.

Вскоре, 31 марта 1840 г. дом был куплен, и уездное училище переехало в добротное, просторное здание. Вопрос же о его ремонте затянулся на годы. Только 29 января 1844 г. в МНП поступила информация «о справочных ценах», которые «были приняты в соображение при составлении»¹⁷ новой сметы. При этом генерал-губернатор Западной Сибири спрашивал разрешения употребить на ремонт экономические суммы училища¹⁸. Дело повторно (19 марта 1844 г.) было направлено на проверку архитектору, который 21 марта этого же года подготовил рапорт: «В доме, купленном для Березовского уездного училища, как видно из дела, уже произведены некоторые исправления в комнатах, означенными в плане литерами С, Д, Е и J, также проконопачены стены и вставлены стекла в переплеты, а по сему в смете, ныне представленные исчисления только на те работы, кои произвести еще необходимо и которые разрешать можно...»¹⁹.

Министерское начальство давало согласие на производство ремонтных работ на общую сумму 172 руб. 65 коп. серебром, а на уже произведенный объем строительных работ (на плане обозначены литерами С, Д, Е и J) представить сметы со «всеми нужными для поверки приложениями и сведениями из какого источника употреблена по оной, какая именно сумма и с чьего разрешения»²⁰. На направленной в министерство информации об исправлениях, произведенных в комнатах Березовского уездного училища²¹, и смете расходов²² была начертана резолюция: «Сделано отступление от предписания Министерства. Чтобы составлена была общая смета, исправленная по форме. Смета, здесь предложенная, сделана не по форме. Не сделано было торгов, а допущен хозяйственный способ, но издержки не превышали разрешенных Губернатором, а потому можно принять это отношение только к обозрению, так как правильность производства постройки будет рассмотрена Контролем. Подлинные же приложения не прикажете ли препроводить прямо в дирекцию»²³.

Все строительные работы и цены были проверены членами Березовского частного Окружного Управления 30 июня, о чем ими

было составлено свидетельство²⁴, где перечислены все виды работ, с указанием цен за материалы и платы мастерам.

Но в этом добротном доме училище функционировало недолго. В 1847 г., как свидетельствует официальное уведомление Главного управления Западной Сибири от 25 февраля 1850 г. за № 351, направленное Министру народного просвещения²⁵, «сгорел до основания бывший в Березове дом уездного училища»²⁶. Одновременно П.Д.Горчаков информировал Министра о том, что по его распоряжению управляющий Тобольской губернией представил ему составленные и уже рассмотренные и утвержденные губернской строительной комиссией смету и план нового здания. Вместе с домом предполагалось построить и флигель, предназначенный для смотрителя училища. Общая сумма затрат оценивалась в 3 000 руб. серебром.

Уже 23 марта (уведомление получено 20 марта) за подписью П.А.Ширинского-Шихматова было составлено отношение на имя Главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями графа Клейнмихеля с поручением — изучить суть вопроса и направить по инстанции «кому следует». Проект документа составил директор департамента МНП П.И.Гаевский²⁷, к нему были приложены: чертеж на одном листе плана дома, смета расходов на его строительство, пояснительная записка и донесение штатного смотрителя Березовского училища за № 277. Поручение Министра изучалось до октября и только 21 числа был дан ответ из Департамента искусственных дел Главного управления путей сообщения и публичных зданий. При этом возвращались документы по полученной описи, но чертежей плана здания было уже два — один новый, составленный в Департаменте. 2 ноября было направлено отношение за № 10767 генерал-губернатору Западной Сибири, в котором просили сделать распоряжение «об исправлении по сему новому проекту сметы»²⁸ и после проверки начать постройку нового дома для училища, по окончании строительства известить и предоставить информацию о количестве потраченных средств. По смете, представленной 14 июля 1851 г., оказалось, что необходимо было 4354 руб. 80 коп. серебром. Эта сумма рассматривалась как «значительная издержка, несоразмерная ни с назначением предположенного к постройке здания, ни с местными способами Березовского училища»²⁹.

Поэтому к строительству так и не приступили, изыскивая другие варианты. Пришли к мнению, что целесообразнее купить готовый дом и приспособить его под нужды училища. 9 мая 1852 г. в МНП была направлена выписка из журнала заседания Совета главного управления Западной Сибири, состоявшегося 30 апреля, где было принято решение, что целесообразнее купить готовый дом у титулярного советника Булыгина, о чем и спрашивали разрешение в министерстве. Покупка дома оценивалась в 1614 руб. 28½ коп., при этом необходимо было провести его перепланировку под нужды учебного заведения и ремонт, на что требовалось еще 400 руб. Всего необходимо было немногим более 2 000 руб., что почти на треть меньше первоначальной суммы, необходимой на постройку нового здания. Предполагалось к тому же выручить часть средств от продажи отдельных «ветхих строений, оставшихся от пожара»³⁰ и принадлежавших Березовскому уездному училищу.

После пожара в 1848 г. Березовский мещанин М.М.Панаев³¹ изъявил «желание пожертвовать для училища собственный свой деревянный дом»³² стоимостью 1300 руб. На этот раз пожертвование не было принято в связи с тем, что М.М.Панаев состоял под судом (Эти действия подпадали под ст. 804 Свода законов Т. 10 (издание 1842 г.) о том, что «пожертвования не должны быть противны правилам заведений, которым жертвуются суммы, ст. 604 и 605, где делалась оговорка, что порочные люди могут делать приношения с целью получения награды от правительства, «дабы прикрыть тем прежние свои поступки сравниться с отличными в обществе людьми: что не только воспрещается в сем случае ходатайствовать о наградах таковых людей, но и принимать от них пожертвования»³³).

Таким образом, было три варианта: строительство нового дома или покупка одного из двух зданий (раз нельзя принять пожертвование от М.М.Панаева, то можно купить), стали выбирать менее затратное. После предварительного осмотра дома М.М.Панаева, сделанного еще в 1848 г. сразу же после пожара, выяснилось, что на его исправление необходимы были средства около 1 000 руб. Общие издержки, таким образом, составили бы всего 2300 руб., а училище приобрело бы «для себя удобное помещение». Сообразуясь с этими расчетами, директору училищ Тобольской губернии

П.М.Чигиринцову было поручено 6 октября 1851 г. во время ежегодного обозрения училищ губернии договориться с М.М.Панаевым на счет продажи предложенного дома «с уступкою против покупной его цены или хотя за ту же самую цену». Если можно договориться по цене, следовало оценить перепланировку дома для помещения в нем училища. Если же не удастся достичь договоренности на указанных условиях и будет признано «действительно необходимым устройство для тамошнего уездного училища особого казенного здания», тогда следовало бы «изыскать все средства к возможному сокращению излишнего на сей предмет расхода ближайшею проверкой правильности цен, показанных в смете»³⁴.

Надворный советник П.М.Чигиринцов 1 апреля 1852 г. доложил генерал-губернатору Западной Сибири, что после осмотра дома М.М.Панаева он нашел, что цена его «сильно преувеличена», к тому же он «весьма мал, неудобен и для окончательной отделки и пристройки потребовал бы значительных издержек». Хозяин не изменил своего намерения о пожертвовании, но так как он сам находился «под судом по 4-м весьма неблагоприятным делам», дар не мог быть принят³⁵. К тому же, как выяснилось, дом не мог быть продан, так как находился под залогом у тюменского мещанина Голенецкого.

Училище же после пожара было переведено и продолжало функционировать в «весьма старом, холодном и тесном доме», на наем которого ежегодно тратилось 114 руб. 28 коп. серебром³⁶. Инспектирующий, взвесив все обстоятельства на месте, пришел к мнению, что немалые издержки за наем «ничтожного дома» для училища, как и постройка нового дома, требовавшая значительных средств из-за дороговизны материалов, неприемлемы. Поэтому был склонен к покупке недавно построенного дома у Булыгина, который был «весьма поместительным и прочным» за 1614 руб. 28½ коп. серебром. К тому же здание было построено «со всей хозяйственной предусмотрительностью» и требовало только обшивки, покраски ее, полов, дверей и окон. На покупку для этого материалов и сами работы требовалось всего 400 руб. серебром. На его площадях можно было «удобно разместить» приходское и уездное училища и квартиру для штатного смотрителя. На основании устава учебных заведений смотритель обязан проживать в доме училища. Изложив эти обстоятельства, инспектирующий

приложил план дома, фасад, подписку об уступке его и смету предполагаемых дополнительных расходов. Средства на все упомянутые расходы предлагалось взять из экономической суммы училища, которая состояла в билетах 2264 руб. 28½ коп. серебром³⁷. К этому можно было прибавить суммы, которые расходовались ежегодно на наем помещения для училища, а также возможные деньги, предполагавшиеся от продажи с аукциона сохранившихся сооружений училища, оцененных примерно в 200 руб. С учетом этих сумм покупка с ремонтом дома Булыгина должна была обойтись всего в 1814 руб. 28½ коп. серебром против затрат по смете в 4354 руб. 80 коп. серебром на возведение нового дома по плану, составленному в департаменте. Экономическая выгода налицо. В подписке, данной Булыгиным, перечислялись постройки, продававшиеся с домом и составлявшие единое целое хозяйство: прирубленная к дому кухня и отдельно стоящая кухня во дворе, баня, погреб, два амбара, конюшня и два хлева³⁸. Булыгин понес значительные затраты на покупку земли под все перечисленные строения, а возводил дом хозяйственным способом и, по его словам, израсходовал 2700 руб. Но, даже уступая в ущерб себе дом с постройками почти в 1000 руб., брал дополнительные обязательства, руководствуясь своим убеждением в «пользе воспитания юношества». Они заключались в следующем: окончание строительства, обшивка тесом снаружи ворот, постройка двух крылец к каждой из упомянутых кухонь. В одной из кухонь, прирубленной к дому, нужно было настлать белые полы и выложить в ней печь³⁹. На эти строительные работы также требовались значительные средства. Но так как у Булыгина в Березове не было других квартир, он ставил условие остаться в доме до августа 1852 г.

Рассмотрев все обстоятельства, Совет Главного Управления признал покупку дома Булыгина «для казны весьма выгодной» и направил ходатайство на имя Министра народного просвещения о разрешении покупки.

Училище вскоре переехало в новое здание. А в декабре 1852 г. директор училищ Тобольской губернии П.М.Чигиринцов, стараниями которого и было приобретено новое помещение, инспектировал училище и проводил испытания учеников. Журналы проверки затем были направлены в Тобольское общегубернское управление, а оттуда 27 апреля 1853 г. по инстанции в Департамент

МНП. Примечательно, что на документе стоит резолюция, вероятно, написанная директором Департамента: «К сведению и в материалы для отчета. В журналах обозрения нет ничего такого, чтобы заслуживало особенного внимания»⁴⁰. Сегодня же эта информация служит важным источником о состоянии образовательного процесса в середине XIX в., наборе учебных дисциплин, основном содержании предметов, материальном состоянии учебного заведения, качестве подготовки учащихся, профессиональном уровне и социальной принадлежности учителей, состоянии библиотеки. Журнал свидетельствует, что проверка началась 26 декабря в присутствии генерал-губернатора⁴¹. Случай очень редкий, можно сказать, исключительный.

В училище, как и в прежние годы, были организованы приготовительный класс — 20 учеников, первый — 14, во втором — 12 и третьем — 5. «Все ученики были найдены в полном порядке.

В приготовительном классе были зафиксированы следующие результаты: в чтении церковной и гражданской печати — все ученики читают хорошо, но в то же время было сделано замечание, касавшееся «правильного произношения слов». В началах христианского учения о Символе веры и молитве господней, а также в арифметике о счислении, сложении и вычитании целых чисел — отвечали удовлетворительно. По чистописанию пишут порядочно».

В отдельных случаях генерал-губернатор сам задавал вопросы. Итоги проверки учащихся представлены в таблице 1.

Таблица 1

Итоги проверки учащихся Березовского уездного училища в 1852 г.⁴²

Класс	Предмет	Раздел	Уровень подготовки
Первый	Закон Божий	Из всей священной истории Ветхого Завета	На вопросы, предложенные Его Превосходительством, по всем предметам и на испытаниях, мною произведенном, отвечали хорошо
Второй		Из пространного Катехизиса о первых четырех членах Символа Веры	Хорошо

Класс	Предмет	Раздел	Уровень подготовки
Третий		Из пространного Катехизиса о Надежде и заповедях Блаженства	Хорошо. Молитвы знают и религиозные обязанности исполняют в точности
Первый	Русский язык	Об именах существительных, прилагательных и о местоимениях	Удовлетворительно
Второй		О согласовании слова	Хорошо
Третий		В правописании	Очень хорошо
Первый	Арифметика	В сложении и вычитании именованных чисел	Удовлетворительно
Второй		В четырех действиях с простыми дробями	Хорошо
Третий		В пропорциях и тройном правиле	Хорошо
Первый	География	В математической географии	Изрядно
Второй		О Европейских государствах	Удовлетворительно
Третий		О губерниях Российской Империи, лежащих на Севере и Западе	Хорошо
Третий	Геометрия	О прямолинейных и подобных фигурах	Изрядно
Второй	История	В древней истории	Изрядно
Третий		В русской истории до царствования Иоанна III	Удовлетворительно
Во всех классах	В знании молитв		Молитвы знают
	В чтении		На чтение необходимо обратить особое внимание и в особенности на правильность произношения
	В письме		Пишут хорошо
	В черчении и рисовании		Чертят и рисуют порядочно

На следующий день, 27 декабря, проверялись материальное и финансовое состояние училища. В результате было зафиксировано, что ценные билеты, хранившиеся в окружном казначействе, предъявлены полностью. Наличными было 61 руб. 56³/₄ коп., билетами — 2264 руб. 28¹/₂ коп. Приход и расход фиксировался в прошнурованных книгах. Продажная библиотека в количестве 99 экз. на сумму 23 руб. 47 коп. была на месте. Фундаментальная библиотека в порядке, состояла из 541 названия в 1027 томах. Учебные пособия состояли из 24 номеров, но состояние их было таково, что проверяющий в качестве рекомендаций записал, что они «требуют добавления» и замены «старых новыми». Архив и училищное имущество было найдено в порядке.

В этот же день осмотрели в очередной раз сохранившиеся после пожара строения, которые предложены к продаже. Отчет содержит сведения о преподавателях училища, штат которого состоял из 6 человек. Н.А.Абрамов проработал в Березовском училище семь лет и был переведен в Тюмень, на должность же смотрителя был назначен титулярный советник Петр Александрович Лукин. Он характеризовался как «весьма способный и усердный», отмечено его старание в продолжение всего срока службы, начатой при прежнем смотрителе, по привлечению в училище остяцких и самоедских детей⁴³ и вообще в развитии сети сельских школ в Березовском крае. Законоучителем был священник Василий Федорович Тверитин, он исполнял обязанности «старательно». Учитель арифметики и геометрии Гаврило Константинович Загурский, вероятно, не имел высоких учительских качеств, так как «обязывался более усовершенствоваться в способе преподавания». Учитель же русского языка Абрам Львович Ярцев произвел благоприятное впечатление и был отмечен в «усердии и исполнительности». Учитель истории и географии Никанор Тимофеевич Каренин был усерден, но ему были даны рекомендации «обратить более внимание на преподаваемые им предметы и на уничтожение буквального изучения уроков». Учителю приготовительного класса Алексею Ивановичу Адонину посоветовали «обратить полное внимание на правильное чтение и письмо»⁴⁴. Следовательно, штат учителей был укомплектован полностью, все они обладали высокими нравственными качествами. Профессионально-педагогических навыков у ряда преподавателей не доставало,

что было следствием отсутствия системы подготовки педагогических кадров.

Во время инспекции генерал-губернатор с директором училищ посетили Березовскую школу для девиц, где было всего 8 учениц. Учительницей там была Елена Прокопьевна Козлова — дочь умершего пятидесятника, которая характеризовалась как «весьма старательная». Ученицы проходили также проверку по чтению, по результатам отмечено, что «читают хорошо», но был отмечен недостаток в «выговоре», молитвы знают, по началам христианского учения обнаружили удовлетворительные знания, пишут хорошо, навыки в рукоделии отвечают «потребностям домашнего быта». Кроме того, отмечена «заботливость»⁴⁵ учительниц рукоделия (множественное число свидетельствует о том, что их было несколько). Эти скудные сведения дают интересные знания о развитии женского образования в Березовском крае.

Вероятно, по пути в Березов инспектирующий посетил Кондинский монастырь и бывшую при нем школу. Журнал проверки указывает на дату проверки учеников — 23 декабря. Все 14 учеников были остяцкими детьми и «наружно бодры и здоровы». Школа находилась «под непосредственным ведением игумена Арсения». «Ученики прошли испытания по изучаемым предметам и показали следующие результаты: в чтении — некоторые ученики читают правильно, другие только привыкают к русскому выговору; необходимейшие молитвы знают; по основам христианского учения — отвечали удовлетворительно, такие же знания показали и по основам арифметики и грамматики, писали весьма порядочно. Пели изрядно по церковному обиходу, составленному Львовым». При положительном впечатлении от школы проверяющий высказал практическую рекомендацию о том, что «весьма полезно было бы обучать учеников разным мастерствам употреблений в домашнем быту и упражнять остяцких детей в промыслах, необходимых для будущего им существования»⁴⁶. Обращает на себя внимание факт распространения грамотности среди местного инородческого населения, важную роль в этом просветительском деле играла русская православная церковь. Церковь не только вела миссионерскую деятельность по христианизации инородцев, но и закладывала основы просвещения, а в местах, отдаленных на сотни километров от городов, была единственной

возможностью получить навыки грамотности. Кроме игумена Арсения в монастыре преподавали иеромонахи Аверкий и Милетий, исполнявшие свои обязанности «с усердием»⁴⁷.

На обратном пути из Березова, 30 декабря проверялась Обдорская школа, в которой насчитывалось 12 учеников, характеризовавшихся как «приученные к порядку». Отмечено: что ученики «читают порядочно»; молитвы знают; основы христианского учения отвечали удовлетворительно; в начальных основаниях арифметики и грамматики отмечены порядочные успехи; писали все изрядно; пели порядочно по церковному обиходу, составленному Львовым. Обращает на себя внимание короткая запись в виде рекомендации: «Отраднo было среди невежественных остяков и самоедов в таком отдаленном крае услышать народный гимн “Боже Царя храни”, пропетый учениками школы довольно стройно»⁴⁸. Примечательно, если в Кондинском монастыре 14 учеников обучали 3 преподавателя, то в Обдорской школе преподавал один священник Петр Попов, характеризовавшийся «старательным и полезным для учащихся».

Следовательно, можно констатировать, что образовательное пространство в Березовском крае постепенно расширялось, при этом в него вовлекалось все больше местного населения, в том числе и девочки. В учебных заведениях в Березове, Конде и Обдорске среди учеников были дети местных народов.

Беда российских городов, и не только уездных, в том, что они были построены, в основном, из дерева и поэтому часто горели. Не избежало этой трагедии и здание, где располагалось уездное училище. С момента открытия оно разместились в пожертвованном Березовским обществом доме, затем был куплен дом Н.Струмилина, который отвечал все возрастающим требованиям, но он в 1847 г. сгорел. После пожара был приобретен новый дом Булыгина, прослуживший до 1860 г., когда было возбуждено ходатайство о его ремонте.

История Березовского уездного училища является замечательной страницей в системе образования на Севере Тобольской губернии. Оно сыграло значительную роль в распространении грамотности, там впервые стали обучать детей инородцев. Следовательно, училище являлось необходимой частью культурной среды не только самого города, расположенного за сотни верст от губернской столицы, но и прилегающих территорий.

Примечания

¹ Чудновский С. Наши учебные заведения. Школы в Сибири // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1888. № 12; Маляревский Г.Я. Очерк истории и современного состояния народного образования в Сибири. СПб., 1896; Он же. О мерах к улучшению дела народного образования в Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1899. № 11. С. 1—58; Арефьев Н. За пределами Европейской России. Земская школа как просветительница Сибири // Северный Вестник. 1896. № 7. С. 331—365; Соколов Е.Ф. Положение начального народного образования в Тобольской губернии за 1896—1897 учебный год (Статистический очерк) // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1898. Вып. 9. С. 81—112; Уманец С. Общественные заботы о народном образовании в Сибири // Исторический вестник. 1899. № 8. С. 614—627; Ангарский М. Нужды начального образования в Сибири // Молодая Сибирь. 1909. № 9. С. 53—66.

² Лысов А.П. Народное образование в Тюменском округе в 1897 году. Тюмень, 1898; Он же. Народное образование в Тюменском округе в 1898 году. Тюмень, 1899.

³ Палопежеицев Н.И. Народное образование в городе Ялуторовске и Ялуторовском округе: историко-статистический очерк // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1893. № 1. С. 1—12; № 2. С. 13—66.

⁴ Сквородина И.С. Развитие низшего и среднего профессионального образования в Западной Сибири в конце XIX — нач. XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2003.

⁵ Червякова Е.М. Источники по истории профессионального образования Тобольской губернии второй половины XIX — начала XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2005.

⁶ Сулимов В.С. Светское школьное образование Тобольской губернии конца XIX — начала XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Тобольск, 2006.

⁷ Миненко Н.А. Русское население Нижнего Приобья в XVIII — первой половине XIX в. (источники, динамика, размещение и сословный состав) // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973. С. 245—246; Леонтьев В.М. Источники и литература об основании и застройке г.Березова конца XVI — начала XVIII в. // Источниковедение городов Сибири конца XVI — начала XIX в. Новосибирск, 1983. С. 18—19, 22.

⁸ Солодкин Я.Г. О датировке «поставления» Березова и Кетска // Северный регион: наука, образование, культура. 2003. № 1 (7). С. 125—127; Он же. Когда был заложен Березов? // Сибирский исторический журнал. 2004. № 1. С. 38—42.

⁹ Солодкин Я.Г. Когда был заложен Березов? С. 42.

¹⁰ Цит.: Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1994. Т. II. Ч. 2. С. 273.

¹¹ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 733. Оп. 83. Д. 198. Л. 1.

¹² Там же. Л. 1 об.

¹³ Там же. Л. 3—3 об.

¹⁴ Там же. Л. 4.

¹⁵ Там же. Л. 5.

¹⁶ Там же. Л. 6.

¹⁷ Там же. Л. 7.

¹⁸ Запись в ведомости Березовского уездного училища за декабрь 1843 г. свидетельствует, что экономические суммы составляли к 1 января 1844 г. наличными 139 руб. 98 6/4 коп. и билетами 2021 руб. 42 4/7 коп. (РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 198. Л. 8).

¹⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 198. Л. 10.

²⁰ Там же. 11 об.

²¹ Главное Управление Западной Сибири. 30 июня 1844 года № 1695 г. Омск. «Господину Министру Народного Просвещения. Управляющий Тобольской Губернией донес ныне мне что необходимые поправки в комнатах Березовского уездного училища, а именно: исправление потолков и полов, оконпачивание стен и вставка стекол произведена на счет остаточных от покупки дома экономических сумм училища с употреблением на то 86 руб. 37 4/7 коп. серебром. С разрешения исправляющего должность Тобольского Гражданского Губернатора по составленной учителем Калмыковым смете в 97 руб. 22 6/4 коп. серебром. Имея честь уведомить о том Ваше Высокопревосходительство на отношение от 8 минувшего апреля за № 3135 препровождаю у сего смету на означенные исправления вместе с планом дома (смотреть рисунок 1), свидетельством о произведенных работах и отчетом о расходе денег. Генерал-Губернатор Западной Сибири Генерал от Инфантерии П.Д.Горчаков» (РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 198. Л. 12—12 об.).

²² «Примерная смета на поправку в доме умершего купца Струнина пяти комнат, означенных в плане под литер.: b, c, d, e и f января 6 дня 1842 года (эта поправка необходима для первоначального помещения во всем купеческом доме). В комнате под литер. b нужно сколотить пол и прибить плинтуса. В комнате под литер. c надобно перебрать пол и переменить под ним балки с прибавкою новых плах и прибить кругом плинтуса. В комнате под лит. d нужно перебрать полы с прибавкою новых плах переменить под ними балки и прибить плинтуса, также перебрать потолок, прибавив потолочины на новую балку, потому что старая ветхая и тонкая. В комнатах под лит. e и f потребно сколотить полы, прибавив плинтуса, а потолки в этих двух комнатах заменить новыми, также вырубить стену поделив d. На все эти поправки нужно круглого лесу длиной 3 сажени в отрубе 6 вершков потребно 20 штук по 17 ¼ коп. каждое, будут стоить на серебро 3 руб. 42 6/4 коп. Лосковых плах для полов потолков и плинтусов длиной от 2 ½ до 3 сажени шириною от 7 до 7 ½ вершков толщиной 1 ½ вершка потребно 20 плах по 28 4/7 коп. каждая — 5 руб. 82 6/4 коп. Для поправки печей под лит. c нужно переменить свод и поправить верх оной, под лит. v надобно перебрать верх и замазать внутри для поправки боровой и трубы потребно колкого кирпича 150 штук на 2 руб. 78 4/7 коп. Глины 2 воза по 30 коп. за каждый — 60 коп. Пику 1 воз по 30 коп. — 30 коп. На конопатку стен из материала рабочих будет стоить 10 руб. Стекол 8 вершков. Потребно 120 по 14 2/4 за каждое — 17 руб. 14 2/4 коп. Итого на сумму серебром — 97 руб. 22 6/4 коп. Учитель арифметики Платон Калмыков» (РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 198. Л. 13—13 об.).

²³ РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 198. Л. 12.

²⁴ «Вследствие отношения г. Штатного Смотрителя Березовского уездного училища от 27 июня за № 190 мы, нижеподписавшиеся члены Березовского

частного Окружного Управления, 30 июня прибыв во вновь купленный училищный дом свидетельствовали произведенные в нем исправления и по свидетельству нашему оказалось:

1 Деревянные исправления: в комнате под литерою в не только сколочен пол и прибиты плинтуса как положено по смет, но еще перебран и под струг вычищен весь потолок, в комнате под литерою с не только перебран пол с прибавкою новых плах, переменены под ним балки и прибиты плинтуса, также и положены в некоторых местах новые плахи, в комнате под лит. d перебраны полы с прибавкою новых плах, переменены под ним балки и прибиты плинтуса, также перебран потолок и потолочины прибиты на новую балку, в комнатах под литерами e и f полы вновь перебраны, прибиты плинтусы, а потолок заменен новым, также вырублена стена под литером d, сделано вновь крыльцо и над ним на двух столбах зонт из тесу. На все эти поправки употреблено круглого лесу, длиною три сажени в отрубе 6 вершков пятнадцать штук, досковых плах длиною от 2 ½ до 3 сажень, шириною от 7 до 7 ½ вершков. Толщиною 1 ½ вершков девятнадцать плах. Бревна куплены по 16 коп. серебром, а плахи по 27 коп. серебром каждая. На сделание зонта над крыльцом употреблено шесть пиленных досок по 15 коп. серебром каждая. Для прибавки плинтусов употреблено сто, а для прибавки досок зонта над крыльцом тридцать четырехвершковых и четыре шести-вершковых гвоздей из коих первые по 10 коп. десяток, а другие по 4 коп. серебром штука. Четверым плотникам, работавшим кроме праздничных дней с 25 марта по 19 апреля, заплачена за показанные деревянные исправления самая выгодная по здешнему месту цена сорок семь рублей четырнадцать и две седьмых коп. серебром менее против сметы десятью рублями серебром.

2 Исправление печей. При разборе сводов оказались большие повреждения внутри печей нежели сколько предполагалось при составлении сметы, а потому хотя по сметному исчислению положено было ограниченное количество денег на исправление печей во вновь купленном для училища доме по непредвидимости внутренних повреждений, но штатный Смотритель не хотя беспокоить вновь начальство испрашиванием о прибавке суммы на сей предмет со всею хозяйственной утонченностью произвел следующие исправления: в печи комнаты под литером с перемещен свод и исправлен верх оной, в печи комнаты под литером в также переменен свод, хотя на смете его не было назначено, но нужда этого требовала, исправлен верх у сей печи и внутри ее вымазано глиной, поправлены все борова и трубы с употреблением 150 штук кирпича. За всю печную работу с материалом заплачено 3 руб. 68 4/7 коп. серебром, судя по многим исправлениям очень дешево.

3 Конопачение стен. Стены внутри и снаружи конопачены частью мохом, а более конопляными снастями и мережей, двух сил последних употреблено работчи около шести пудов по 85 5/7 коп. серебром за каждый. Всего на материал и за работу в 8 дней двум человекам заплачено 8 руб. 85 5/7 коп. серебром.

4 Вставка стекол. В летние оконные рамы вставлено шестьдесят стекол по 14 коп. серебром за каждое, а другие шестьдесят стекол оказались на лицо. Затем 20 стекол (не вставленных ныне за отлучкою мастера) вставлены будут в зимние рамы находящиеся на лице, а остальные 40 стекол помещены будут в предполагаемые к заведению девять зимних рам. Стекла куплены очень дешево,

потому что самая низшая цена оных в Березове 14 2/4 коп. без приноски и вставки мастером в окна, на что потребовалась бы особенная сумма до 7 коп. серебром на каждое стекло.

Все показанные исправления произведены прочно и материалы употреблены самые лучшие. В расходах на материалы и работы не только против смету не передержано от каждого рубля осталось в казне около 14 коп. серебром. В чем и свидетельствуем» (РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 198. Л. 16—16 об.).

²⁵ Этот пост в это время занимал граф П.А.Ширинский-Шихматов, известный своей фразой «еще не доказано, что философия может быть полезной, а вред от нее возможен».

²⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 70. Л. 1.

²⁷ Известен своим участием в разрешении публикации «Демона» М.Ю.Лермонтова (Отчет императорской Публичной библиотеки за 1892 г. СПб., 1895. Прилож., С. 82; Вацура В.Э. К цензурной истории «Демона» // М.Ю.Лермонтов: Исследования и материалы. Л., 1979. С. 410—414).

²⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 70. Л. 7.

²⁹ Там же. Л. 9.

³⁰ Там же. Л. 8.

³¹ М.М.Панаев 4 июня 1846 г. был награжден серебряной медалью на Анненской ленте с надписью «За усердие» для ношения на груди или в петлице за пожертвованные 1451 руб. серебром на содержание 10 инородческих мальчиков, обучавшихся в течение трех лет в Березовском училище (Митрофанов В.В. О неизвестных фактах по привлечению инородцев в Березовское уездное училище // Шатиловские чтения: материалы XIII краеведческой конференции (23 апреля 2010 г.). Нижневартовск, 2010. С. 39—43).

³² РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 70. Л. 9.

³³ Там же. Оп. 83. Д. 282. Л. 4.

³⁴ Там же. Оп. 84. Д. 70. Л. 10.

³⁵ М.М.Панаев и ранее был в противоречиях с законом, хотя и незначительных, например, в 1843 г. он был оштрафован на 30 руб. серебром за самовольный увоз в Обдорск мещанина Н.Савинова без паспорта на 4 месяца на рыбный промысел (Митрофанов В.В. О неизвестных фактах по привлечению инородцев... С. 41).

³⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 70. Л. 11.

³⁷ Из последней доставленной ведомости Березовского уездного училища за февраль 1852 г., подписанной помощником бухгалтера, видно, что экономическая сумма состояла в остатках к 1 марта наличными 214 руб. 61 3/4 коп. и билетами московского Опекунского Совета на 2264 руб. 28 1/2 коп. Итого: 2478 руб. 90 1/4 коп. (РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 70. Л. 15).

³⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 70. Л. 11.

³⁹ Там же. Л. 11 об.

⁴⁰ Там же. Д. 211. Л. 1.

⁴¹ Там же. Л. 2.

⁴² Там же. Л. 2 об., 3, 4.

⁴³ Именно в бытность Н.А.Абрамова смотрителем Березовского училища там впервые стали обучаться первые 4 мальчика-инородца — один самоед и три

остяка, затем их количество возросло до 10 человек (Митрофанов В.В. О неизвестных фактах по привлечению инородцев... С. 40—41).

⁴⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 211. Л. 5—6.

⁴⁵ Там же. Л. 4.

⁴⁶ Там же. Л. 5.

⁴⁷ Там же. Л. 5 об.

⁴⁸ Там же.

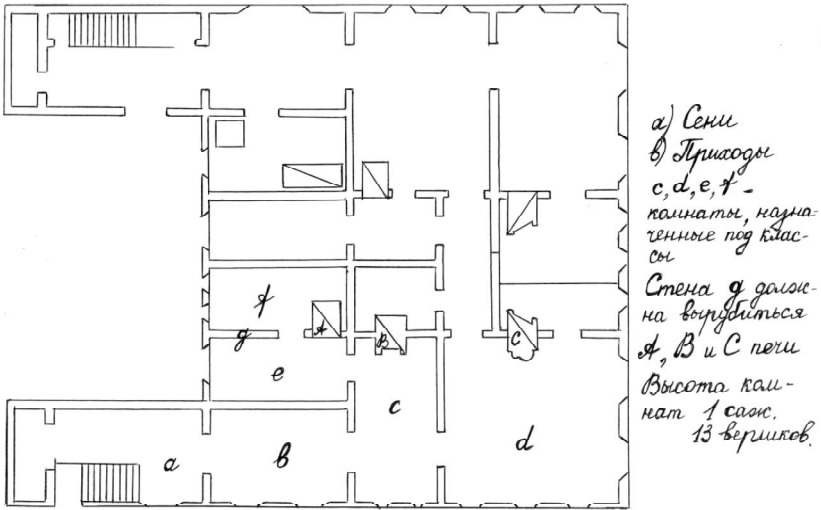

Рис. 1. План главного корпуса дома Н.Струнина, купленного для Березовского уездного училища, составленный учителем Калмыковым в январе 1843 года (РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 198. Л. 15)

Раздел 2

**ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ ОКРУГ
В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ**

Глава 1

ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО ЮГРЫ В 1920-е гг.

С конца 1923 г. Обь-Иртышский Север оказался в составе Уральской области. Решения в сфере землепользования и землеустройства, принимаемые уральскими областными организациями, распространялись и на Тобольский Север. Областной и окружные Отделы землеустройства Уральской области были окончательно организованы и приступили к работе в конце декабря 1923 г. Из документов, извлеченных из ЦДООСО, следует, что землеустроительный аппарат Уральской области был централизован и работал на самокупаемости¹.

Землеустройство на Урале, как на то указывает Л.В.Алексеева, стало проводиться с 1920 г., и к 1928 г. Областное управление осуществило значительную работу по учету имеющегося земельного фонда², что, полагаем, заложило основы для формирования системы государственного учета земель в области. Весь земельный фонд области распределялся по категориям земель. Исследования, проведенные Л.В.Алексеевой, Е.Ю.Барановым, В.В.Филатовым, свидетельствуют, что во второй половине 1920-х гг. земельные органы располагали системой показателей, характеризующих использование земельного фонда³.

В процессе аграрных преобразований в Сибири все земли делились на две части: трудовой и запасной фонды⁴. Трудовой фонд составляли крестьянские наделы, обрабатываемые собственными силами; запасной — свободные земли, не занятые крестьянами. Земли трудового фонда в передел не включались. Земли запасного фонда использовались для наделения безземельных и малоземельных крестьян.

Н.Д.Кондратьевым и Н.П.Огановским отмечалось, что в целом по стране до 1922 г. землеустройства в узком смысле слова в сущности не было: оно носило характер по преимуществу межевания. За пять лет, считая с 1919 г., было землеустроено 18,7% территории всей республики. На ближайшее время планировалось: 1) проводить землеустройство ускоренными темпами; 2) охватить землеустроительными работами 80 млн. десятин земли: 60 млн. десятин земли трудового пользования, около 12 млн. десятин

государственных земель и около 8 млн. десятин земель колониционного фонда. Вся землеустроительная работа рассчитана была на 20—25 лет⁵.

Исходя из проблем, сложившихся в землепользовании Уральской области, ОблЗУ определило главные направления землеустройства: это лесоустройство и регулирование земельных отношений с точки зрения использования пахотного фонда. Анализ документов ОблЗУ свидетельствует, что мероприятия этого ведомства до середины 1920-х гг. и землеустройство в области носили скорее стихийный характер, несмотря на попытку поставить землеустройство на плановую основу⁶. 24 декабря 1925 г. было издано Положение об Уральском областном земельном отделе⁷.

Отдел по землеустройству ведал также рыболовными угодьями в области, осуществляя надзор за их использованием⁸.

В 1925 г. была принята резолюция по отчету Уралобкома ВКП (б), в которой определялись задачи в области землеустройства, предусматривалось ускорение темпов проведения землеустроительных мероприятий. Работа по землеустройству ставилась в центр внимания земельных органов области, обязанных ликвидировать межселенную чересполосицу, дальнеземелье и запутанность земельных отношений, принять меры к окончанию работ по передаче лесов местного значения земельным обществам, упорядочить лесопользование и лесоустройство в лесах местного значения⁹.

По оценке Уралобкома ВКП(б), правовые основы регулирования земельных отношений, имевшихся в стране, создавали условия для реального землепользования. С этой целью Бюро Уралобкома ВКП(б) поручило Совещанию по работе в деревне разработать вопрос о земельных обществах, ускорить установление разверточных единиц и норм недробимости хозяйств, применительно к условиям соответствующих районов¹⁰.

С 1925 г. проведение землеустроительных работ в Уральской области планировалось осуществить с учетом распространения в будущем коллективных форм хозяйства¹¹. План проведения землеустроительных работ должен был быть представлен на утверждение в ОблИК. Землеустроительные работы проводились по заявкам от населения, которые подавались в РИК. Затем заявки направлялись в ОкрЗУ. Заявки единоличников не удовлетворялись,

если это не было вызвано естественными условиями. Для правильного проведения землеустройства была ускорена работа по установлению размеров хозяйств, норм их недробимости. Земельное регулирование (переделы, разделы дворов, трудовая аренда) проводилось только с санкции РИКа. Из докладных записок ОблЗУ о проведении землеустроительных работ в 1925 г. следует, что проводимые в области землеустроительные работы на то время носили характер межселенного землеустройства, а работы по внутриселенному землеустройству лишь начинали развиваться¹². Стоит подчеркнуть, что внутриселенное землеустройство непосредственно должно было привести к дифференциации крестьянских хозяйств в деревне.

Итак, на протяжении всего 1925 г. в Уральской области главное место в работе с крестьянством занимало землеустройство¹³. В докладе «О хозяйственном состоянии Уральской области за 1925 г.» отмечалось, что землеустройство в регионе шло медленными темпами¹⁴. В 1925 г. планировалось землеустроить 18—20 тыс. десятин, план был выполнен на 37%. Такая ситуация, по мнению руководящих органов, препятствовала переходу крестьян на многополье, которое напрямую зависело от землеустройства¹⁵.

Финансирование землеустройства в Сибири проводилось: а) из государственного бюджета; б) из местного бюджета; в) из ссудного кредита; г) из средств заинтересованных землепользователей¹⁶.

Документы свидетельствуют, что землеустроительные работы активизировались на Урале широким фронтом с 1926 г. К концу 1927 г. межселенным землеустройством было охвачено 44,5% и внутриселенным — 16,3% всех земель трудового пользования¹⁷. Из положения об Уральском областном земельном отделе следует, что трудовое землепользование осуществлялось в трех формах: товарищеской, общинной и подворно-участковой. Это предусматривалось и Земельным кодексом, но преобладало на Урале общинное землепользование, которое охватывало 92,35% земель, 6,5% земель приходилось на долю отрубов и хуторов и 1,2% — на долю колхозов¹⁸.

В ходе развернувшейся коллективизации на Урале землеустроительные мероприятия активизировались. Л.В.Алексеева, проанализировав осуществление землеустроительного процесса, пришла к выводу, что на 1 января 1930 г. землеустройство в Уральской

области все же не было завершено. Всего по Уралу к тому времени из общей площади земель было землеустроено 24,6%¹⁹.

В округах Северо-Западной Сибири новый этап в подготовке проведения землеустройства начался с момента вхождения ее территории в состав Уральской области. Накануне районирования на примере Сургутского уезда Тюменской губернии можно проследить некоторые факты землеустройства. Перед уездным земельным отделом стояли две задачи: во-первых, необходимо было составить планы землеустроительных работ, во-вторых, составить землеустроительные проекты²⁰. Можно предположить, что в 1923 г. на Севере начался новый этап землеустройства, носивший характер административно-подготовительного.

Главным Управлением Землеустройства и Мелиорации от 7 марта 1923 г. в Сургутский земотдел было отправлено инструктивное письмо, в котором доводились сведения о порядке утверждения землеустроительных проектов и планов к ним²¹. Главное управление требовало от Сургутского уездного земельного управления составления плана по землеустройству территории уезда. Указывалось назначение землеустройства, сообщалось о формах землепользования, аренде и передаче земли, предлагалась схема для составления землеустроительных проектов²². Землеустройство пытались проводить не только в отношении крестьянских хозяйств, но и в отношении учебных заведений в соответствии с положениями, изложенными в ст. 39—40 Земельного Кодекса²³.

В 1924—1929 гг. комплекс первичных мероприятий по землеустройству был продолжен. В плане по землеустройству Уральской области 1924 г. Тобольский округ по очередности был десятым. Планировалось землеустроить 111,524 десятины земли с проведением поволостного и межселенного землеустройства²⁴. Л.В.Алексеева утверждает, что в конце 1920-х гг. работы проводились исключительно по водоустройству и заключались в изучении водоемов для устройства рыбопромыслов²⁵. Проведенное исследование не позволяет согласиться с выводом Л.В.Алексеевой в полной мере, так как, наряду с водоустройством, осуществлялось охото- и лесоустройство территории.

Насаждение огородничества в регионе ознаменовалось выделением земель различным учреждениям и служащим. Комитет Севера при Тобокрисполкоме в постановлении от 24 января 1924 г.

предусматривал выделение соответствующих участков следующим туземным школам-интернатам: Карымской Кондинского района, Полноватской Березовского района, Юганской Сургутского района. По размеру участки должны были быть такими, чтобы школа-интернат могла обслуживать своим сельскохозяйственным инвентарем. Независимо от вида угодий необходимо было выделить по 1,5—3 гектара для огородничества и выращивания зерновых культур. Передача необходимых участков оформлялась особыми актами, которые затем высылались в Окрзу²⁶.

Наделение земель военнослужащих происходило на особых условиях. Тобольским Окружным Исполнительным комитетом 1 декабря 1925 г. Сургутскому Районному Исполнительному Комитету был направлен соответствующий документ, в котором сообщалось об изменении льгот в области трудового пользования и сельского хозяйства для военнослужащих и их семей, утвержденном СНК РСФСР 19 июня 1925 г.²⁷ Однако, сколько человек получили землю, к сожалению, не установлено. С середины 1920-х гг., как свидетельствуют документы, земля стала выделяться под строительство сельских поселений²⁸.

На примере Сургутского района можно представить все сложности землеустройства в регионе. 8 марта 1925 г. Заведующий ОКРЗУ сообщал Сургутскому районному исполнительному комитету, что согласно ст. 127 Земельного Кодекса размеры усадебных участков в селениях определялись постановлением большинства полноправных членов общества и должны быть одинаковы для всех дворов. При этом излишки или недостатки земли в усадебных участках дворов по сравнению с установленными размерами могли уравниваться в других угодьях, с принятием во внимание также качества земли. Усадьбою считалось застроенное место, огород, сад, гуменник и т.п.²⁹ В условиях Тобольского округа Окружное Земельное Управление могло рекомендовать следующие размеры: усадьба — 30x40 сажен, или 20x60 сажен, проулок — 6 сажен, улица не менее 10 сажен³⁰.

Из материалов Президиума Сургутского РИКа за 1925 г. следует, что в сельской местности порядок пользования землей устанавливался Земельным обществом, которое предписывало правила и условия переделов³¹. Ясных представлений о размерах выделенных площадей под усадьбу не имелось. Это подтверждается

Сургутской Земельной Комиссией, сообщавшей (протокол № 2 от 14 апреля 1925 г.) об отсутствии в законе конкретных норм, указывающих на передел земли крестьянского двора. В документе отмечалось, что ввиду наступления строительного сезона и сложных природно-климатических условий Севера следует положить в основу размеры уже существующих усадеб. 16 апреля 1925 г. Сургутская Земкомиссия обратилась в Окрземуправление с просьбой выслать руководящие указания по размерам площади земли для наделения крестьянского двора³².

Сургутский РИК 2 августа 1925 г. обратился в Окрземотдел с просьбой выслать для полного руководства Земельный Кодекс последнего издания со всеми к нему комментариями, все циркуляры и распоряжения центра, Облисполкома и ОКРисполкома по землеустройству в условиях Севера. В документе сообщалось, что «до сих пор крестьянство, владеющее землей и лесом без всякого раздела не весьма легко усвоит земельную политику, и возможно потребуется вести разъяснительную работу по созданию земельных обществ. Поэтому для проведения землеустройства в условиях Севера понадобится разрешение практических вопросов и указаний к ним самого Окрземотдела без которых невозможно проведение землеустройства на месте»³³. Следовательно, можно подчеркнуть, что в период 1924—1926 гг. вопросы землеустройства находились в центре внимания земельных комиссий, и поскольку нормативные акты и инструкции не могли разъяснить различные процедуры, это тормозило землеустроительные процессы.

Со второй половины 1920-х гг. наблюдался более широкий охват землеустроительными мероприятиями Тобольского Севера. Как справедливо отмечает Л.В.Алексеева³⁴, землеустроительные мероприятия проводились с большими трудностями. Применительно к Северо-Западной Сибири права на землю декларативно закреплялись «Временным положением об управлении туземными народностями и племенами северных окраин РСФСР» 1926 г., что выступало основным документом, регулирующим в регионе земельные отношения³⁵.

Таким образом, в 1923—1926 гг. землеустроительные мероприятия постепенно охватили Обь-Иртышье, хотя проблем в их осуществлении было немало.

Землеустройство в Тобольском округе активизировалось в 1927/1928 гг. и проводилось преимущественно в южных районах³⁶. По-прежнему в центре внимания оставались вопросы пользования рыбоугодьями.

В «Итогах работ по отдельным моментам ОкрЗУ за 1927—1928 гг.» отмечалось, что в 1927 г. водоустроительные и землеустроительные работы вступили в стадию реорганизации, и характеризовались комплексным выполнением всех мероприятий по земледоотводу и составлению водоустроительных проектов по всему Самаровскому и пяти сельсоветам Березовского района³⁷. Из документа все же неясно, был ли охвачен Березовский район водоустройством или нет.

Весьма актуальными были вопросы наделения угодьями туземного населения. Так, в докладной записке Тобольского Комитета Севера Уральскому Комитету Севера «О национальном районировании Тобольского Севера» от 20 июля 1927 г. подчеркивалось, что в первую очередь необходимо выделить угодья местному населению из числа народов Севера³⁸.

В выписке из протокола заседания расширенного пленума Комитета содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК о районировании и размежевании территорий коренных народов Севера от 7—13 марта 1928 г.³⁹ отмечалось, что первоначальное земельное и водное устройство малых народностей северных окраин рассматривалось как основа для районирования и их размежевания. По этому вопросу было принято постановление. Первоочередной задачей на тот момент считалось закрепление в пользование каждого рода и в управление соответствующего родового совета территории с расположенными на ней промысловыми угодьями. Только такое закрепление, считалось, могло способствовать более полному использованию естественных богатств северных окраин в интересах как туземного населения, так и всего СССР⁴⁰.

Первой стадией земельного и водного устройства туземцев должно было стать выявление фактически используемых ими промысловых угодий с возможно более точным обозначением границ соответствующей территории, для чего туземный совет организовал собрание. На собрании следовало выяснить не только находившиеся в пользовании рода промысловые угодья, но

и самовольно захваченные пришельцами, с указанием в протоколе обстоятельств захвата и личностей, осуществлявших захват, а также отметить необходимость захваченной территории для развития хозяйства рода. Границы родовых угодий уточнялись на ближайших собраниях районных съездов советов, в протоколах которых в результате проверки обозначались границы каждого туземного района. Все указанные материалы сосредоточивались в соответствующих комитетах Севера, где они проверялись, изучались, согласовывались и заносились в план. Выработанный план распределения промысловых угодий вместе с докладной запиской о спорных вопросах и о самовольно захваченных угодьях, с проектами постановлений о ликвидации захватов (где это признавалось необходимым), передавался на предварительное утверждение соответствующего исполкома⁴¹. После утверждения плана соответствующий исполком должен был выдать каждому родовому совету «грамоту» на трудовое использование, а райтузисполкому — на советское управление территорией в указанных в «грамоте» границах.

Комитеты Севера и органы советской власти должны были оказывать возможную помощь туземцам в охране их прав в пределах отведенных им территорий. Распределение угодий между семьями одного рода производилось согласно обычному праву. Правильность и целесообразность отводов территории и распределения угодий между родами и районами проверялись в комитете Севера, после чего план распределения исправлялся. Исправленные планы границ районов и народностей передавались после утверждения соответствующими и вышестоящими исполкомами на окончательное утверждение Президиума ВЦИК. После утверждения границ Президиумом ВЦИК старые «грамоты» заменялись новыми со ссылкой на соответствующее постановление Президиума ВЦИК⁴².

Принадлежность территории родов и туземных районов к территории той или иной административной единицы определялась местонахождением зимников для тундры (кочевое оленеводство) и летников для тайги (охота и рыболовство). Границы туземных районов не должны были пересекаться административными границами территории. Границы рекомендовалось передвинуть так, чтобы вся территория каждого туземного районного Совета (и, по возможности, территория каждой малой народности) находилась

в пределах одной административной единицы. Соответствующие исполкомы, по предложению комитета Севера, представляли планы передвижения границ в Президиум ВЦИК, который окончательно решал все возникающие в этом деле спорные вопросы⁴³.

Указанные выше мероприятия по распределению промысловых угодий и по их размежеванию являлись первой частью работы по земельному и водному устройству туземцев. Далее следовала длительная работа по изучению промысловых угодий с целью наибольшей их эксплуатации⁴⁴.

В операционный план землеустройства и североустройства Тобольского округа на 1928—1929 гг. были включены следующие мероприятия: 1) изучение прав и пожеланий населения; 2) выявление освоенности территории по картографическому материалу; 3) составление окончательных проектов; 4) выдача населению грамот — родовых земельных записей (актов).

В 1928—1929 гг. планировалось землеустроить 543 553 га, из них по Самаровскому району — 164 270 га, по Березовскому — 326 011 га (см. табл. 1⁴⁵).

Таблица 1

Планы по землеустройству северных районов Тобольского округа на 1928—1929 гг.

Вид землеустройства	Площадь (в га)
Гнездовое устройство	160 125 га
Межселенное	44 563 га
Сельхозугодья	339 865 га

Наиболее активно планировалось проводить сельскохозяйственное землеустройство с целью увеличения посевной площади, что обуславливалось аграрной политикой государства в конце 1920-х гг.

В целом план землеустройства предполагал охватить ничтожно малую часть территории региона.

ОКРЗУ ориентировал местные советы на преимущественное право коллективных хозяйств при водоустройстве территории и сдаче угодий в аренду. Землеустроительными органами среди населения велась работа по разъяснению проведения землеводоохотустройства⁴⁶.

При землеустройстве региона в 1925—1927 гг. Тобольским окружным земельным управлением были выявлены его проблемы: «1) ежегодный разлив рек; 2) недостаточное внимание общественности к землеустроительным мероприятиям; 3) противодействие землеустроительным мероприятиям со стороны кулацких элементов; 4) неукомплектованность аппарата; 5) перегруженность плана; 6) недостаточная увязка землемерного состава с административными органами и общественными организациями; 7) несвоевременная поставка рабочей силы и гужевого транспорта»⁴⁷.

Достижениями землеустройства признавались: «1) развитие внутриселенных и внутривоспользовательных работ; 2) улучшение качественного состава работ в землеустроительном и техническом отношении; 3) привлечение общественности к землеустройству как мероприятию государственного значения»⁴⁸.

В 1928 г. в Комитете Севера при ВЦИК РСФСР обсуждался вопрос о необходимости выделения и закрепления за каждым туземным родом промысловой территории. В том же году в Ларьякском туземном районе рыбопромысловые угодья были выделены в коллективный фонд. Туземцам была вручена землеотводная грамота, которая предоставляла право на пользование угодьями. По мнению Л.В.Алексеевой, это был первый пример мероприятий по землеводному устройству на Тобольском Севере во второй половине 1920-х гг.⁴⁹, который оформлен документально.

В июле 1928 г. ответственным за проведение землеустройства в Тобольском округе стал В.Г.Мальцев. Им был разработан план водного устройства территории. Он подчеркивал, что к началу работ в 1929 г. деньги не поступили и работы оказались под угрозой срыва. В.Г.Мальцев считал необходимым наличие двух условий для проведения водного устройства территории: законодательной базы и средств, однако ни того, ни другого в конце 1920-х гг. в Тобольском округе в достаточной мере не имелось. В отчете В.Г.Мальцева в УралОБЛЗУ от 20 февраля 1930 г. подчеркивалось, что работы по землеустройству представляли собой в конце 1920-х гг. «выборочное водоустройство, проходившее слабым темпом». Органы власти не уделяли должного внимания этому вопросу, а хозяйственные организации полностью игнорировали его. Работы не были обеспечены ни законодательно, ни денежными средствами, а также надлежащим персоналом и передвижным

транспортом. «Работы владели жалкое существование... велись тремя специалистами: А.И.Петяев, И.А.Васильев, А.Н.Виноградов»⁵⁰.

Проведение работ по землеустройству зависело от наличия сведений о территории края, таковые же являлись весьма скудными. Одной из проблем являлось определение границ районов, которые нужно было закрепить за туземцами для производства промысла⁵¹.

Споры из-за угодий были нередким явлением. В Сургутском районе в 1928 г. наблюдались факты самовольного заселения переселенцев и пользования ими угодьями туземного населения, что приводило к конфликтным ситуациям и спорам. Так, установлен факт, что без согласия земобщества Аксенов, Вторушин и другие, приехавшие из южных районов страны, поселились на территории юрт Сайгатинских и Чеускинских и стали стеснять туземное население в пользовании рыбоугодьями и прочими угодьями. Этот вопрос рассматривался административными органами, так как только они могли заниматься распределением угодий до проведения водоустройства. Этот спор решился тем, что переселенцам были выделены угодья и разрешено место проживания на этой территории. Согласно таким фактам ОкрЗУ приняло решение для всех сельсоветов северных районов: запретить вселение на территорию туземного населения без его согласия, а также без разрешения административных органов вплоть до проведения водоустройства. При согласии земельного общества оформлять вселение нужно «приговором» (договором), а при несогласии возбуждать ходатайство перед ОкрЗУ⁵².

Как свидетельствуют документы, начало комплексных работ по проведению землеустройства было положено отправкой двух экспедиций; одна в Березовский район, другая — в Самаровский район. Обе экспедиции приступили к работе в 1929 г.⁵³ Экспедиции 1929 г. подготовили материал для проведения первоначально землеводного устройства территории⁵⁴.

Жалобы населения по различным вопросам пользования угодьями имели довольно широкое распространение, что довольно хорошо отражено в документах. Так, в письме Тобольского Окружного Исполнительного комитета в Сургутский РИК от 1 января 1929 г. сообщалось, что «время от времени от туземцев поступают жалобы на захват угодий, какой либо спор или претензии на

получение угодий минуя обращения в туземный совет и райисполком». В документе разъяснялось, что «регулирование отношений угодьепользователей будет проводиться землеустроительным аппаратом ОкрЗУ в порядке экспедиционных обследований и закрепления угодий за их пользователями применительно к фактической осведомленности, но это мероприятие в 1929 году в предстоящий летний период охватит лишь Уватский, Самаровский и пять южных сельсоветов Березовского района. Следовательно, Кондинский, Сургутский, Обдорский и три северных сельсовета Березовского района полностью будут землеустраиваться в последующие годы, поэтому споры на этой территории откладывать на последующее время недопустимо»⁵⁵.

ОкрЗУ также рекомендовал РИКаМ проведение регулирования спорных вопросов по угодьепользованию в порядке приведения к соглашению спорных сторон, в нужных случаях путем рассмотрения дел в судебно-земельных районных комиссиях или в некоторых случаях административным порядком через санкцию Президиума или Пленума райисполкома⁵⁶. Ведению земельных комиссий подлежали все спорные вопросы, возникающие при землеустройстве и землепользовании, а также утверждение всех без изъятия проектов землеустройства⁵⁷.

По итогам проверки (ОкрЗУ и Прокуратуры Тобольского округа) выполнения закона о национализации земли от 3 июня 1929 г. были сформулированы выводы о том, что в районах Тобольского округа имеются нарушения земельного законодательства, в частности: «1) передача земель без надлежащего оформления одним лицом другому, особенно при продаже домов на усадебной площади, скрытая аренда и субаренда и т.п.; 2) неравноправие на землю граждан одного и того же общества (использовалась подушевая разверсточная единица, в обществах народов Севера женщины землей не наделялись)»⁵⁸. Этот документ красноречиво свидетельствует о многочисленных нарушениях аграрного законодательства.

В Тобольское Окружное Земуправление 28 августа 1929 г. было направлено распоряжение ОблЗУ, в котором разъяснялось письмо Отдела землеустройства НКЗ от 22 апреля 1928 г. за № 33-272-401-0422. Согласно этому распорядительному документу, рекомендовалось оказать помощь в землеустройстве бедняцким и маломощным

средняцким хозяйствам путем предоставления им льгот в оплате стоимости землеустроительных работ⁵⁹. Следовательно, к концу 1920-х гг. на Обь-Иртышском Севере отчетливо проявлялся классовый принцип при проведении землеустроительных работ.

Итак, в Уральской области землеустройство началось с 1925 г. и в основном носило характер межселенного, внутриселенное землеустройство только начинало разворачиваться. К 1927 г. межселенным землеустройством было охвачено примерно 45%, а внутриселенным более 16% земель трудового пользования, на 1 января 1930 г. было землеустроено примерно 25% земли области.

Подготовка землеустроительных мероприятий и проблемы в их осуществлении на Тобольском Севере отмечены уже в 1923 г. Однако землеустроительные мероприятия охватили Тобольский Север по сути лишь во второй половине 1920-х гг. и носили характер административно-подготовительный. Подготовительные работы по устройству территории Тобольского округа были начаты в 1927—1928 гг. Этими работами были охвачены Уватский, Самаровский и частично Березовский районы.

В ходе землеустройства на Обь-Иртышском Севере в 1920-е гг. осуществлялись попытки урегулирования пользования рыбными угодьями, насаждение огородничества и наделение земель военнослужащих, государственных организаций, образовательных учреждений, выделение земель под строительство сельских поселений, начало лесоустроительных работ.

Перед землеустройством Севера стояли задачи: 1) составление планов землеустроительных работ; 2) составление землеустроительных проектов. Однако в реальности планы составлялись и намечались в одни сроки, а выполнялись гораздо позже, составление землеустроительных проектов также замедлялось, что объяснялось рядом причин.

Сложность землеустройства в 1920-е гг. на Обь-Иртышском Севере объяснялась отсутствием на местах текстов законодательных документов для осуществления землеустройства, инструкций к ним (о непосредственном проведении землеустройства в районах), дефицитом денежных средств и специалистов.

Активизация землеустройства в конце 1920-х гг. проявилась в том, что были осуществлены первые комплексные мероприятия по землеводоотводу, распределению промысловых угодий, их

размежеванию среди туземного населения, устройству лесов местного значения.

В целом, в 1920-е гг. на Тобольском Севере землеустроительные мероприятия не носили системного характера, и землеустройство к 1930 г., как планировалось, не завершилось.

Примечания

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 326. Л. 27.

² Алексеева Л.В. О землеустройстве и землепользовании на севере Западной Сибири в 1920—1930-х гг. // Северный регион: наука, образование, культура. 2004. С. 108.

³ Баранов Е.Ю. Аграрное производство и продовольственное обеспечение населения Уральской области в 1928—1933 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002. С. 12; Алексеева Л.В. Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера в 1917—1947 гг. Трансформация хозяйственного уклада. Екатеринбург, 2003. С. 205—215; Филатов В.В. Сельскохозяйственное производство на Урале в конце 1920-х — начале 1940-х гг.: противоречия, трансформации. Магнитогорск, 2006. С. 26—44.

⁴ История крестьянства Сибири. Новосибирск, 1978. Т. 3. С. 29.

⁵ Кондратьев Н.Д., Огановский Н.П. Перспективы развития сельского хозяйства СССР. М., 1924. С. 26—27.

⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Л. 141.

⁷ Областной земельный отдел по плану и заданиям Наркомзема под руководством областного исполнительного комитета должен был осуществлять все мероприятия по организации сельского и лесного хозяйства. См.: Из положения об Уральском областном земельном отделе. 24 декабря 1925 г. // Официальный сборник декретов, постановлений, распоряжений и циркуляров Центральных и Уральских областных органов власти. 1925. № 22. С. 229—232.

⁸ Природные ресурсы, природопользование и охрана окружающей среды на Обь-Иртышском Севере (1919—1929 гг.): Сб. докладов / Сост. Е.И.Гололобов. Новосибирск, 2005. С. 234—235.

⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1. Л. 146.

¹⁰ Там же. Д. 356. Л. 3—4.

¹¹ Из положения об Уральском областном земельном отделе... С. 234—235.

¹² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 326. Л. 43.

¹³ Там же. Д. 1. Л. 80.

¹⁴ Там же. Л. 103.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Сибирская советская энциклопедия. ОГИЗ, 1931—1932. Т. 1 (2). С. 146.

¹⁷ Природные ресурсы... С. 234—235.

¹⁸ Алексеева Л.В. Сельскохозяйственное производство Уральской области в годы первой пятилетки (1928—1932): Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1998. С. 46.

¹⁹ Там же.

²⁰ ГА ХМАО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1. Л. 32.

²¹ Там же. Л. 34.

- ²² Там же. Л. 6.
- ²³ Там же. Л. 2.
- ²⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 326. Л. 47.
- ²⁵ Алексеева Л.В. О землеустройстве и землепользовании на Севере Западной Сибири // Землевладение и землепользование в России: Материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 2002. С. 306—307.
- ²⁶ Природные ресурсы... С. 273.
- ²⁷ ГА ХМАО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 21. Л. 37.
- ²⁸ Там же. Д. 33. Л. 26.
- ²⁹ Там же. Д. 28. Л. 21.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. Д. 32. Л. 8.
- ³² Там же. Д. 33. Л. 8.
- ³³ Там же. Д. 32. Л. 18.
- ³⁴ Алексеева Л.В. О землепользовании и землеустройстве на Тобольском Севере (вторая половина 1920-х — 1930-е гг.) // Землевладение и землепользование... С. 155.
- ³⁵ Документ № 18. Обращение ВЦИК и СНК к рабочим, крестьянам, инородческому населению и трудовому казачеству Сибири // Судьбы народов... С. 55.
- ³⁶ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. Р.-176. Оп. 1. Д. 142. Л. 3.
- ³⁷ Там же. Л. 3 об.
- ³⁸ Докладная записка Тобольского Комитета Севера Уральскому Комитету Севера о национальном районировании Тобольского Севера // Природные ресурсы... С. 133—134.
- ³⁹ Там же. Д. 70. Л. 451—453.
- ⁴⁰ Там же. Л. 452.
- ⁴¹ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф.Р.-176. Оп. 1. Д. 70. Л. 453.
- ⁴² Там же. Л. 450.
- ⁴³ Там же. Л. 453.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. Д. 209. Л. 21.
- ⁴⁶ Там же. Д. 142. Л. 184.
- ⁴⁷ Там же. Ф.Р.-197. Оп. 1. Д. 142. Л. 183.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Алексеева Л.В. О землеустройстве и землепользовании на Севере Западной Сибири // Землевладение и землепользование в России... С. 155.
- ⁵⁰ Там же. С. 148.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² ГА ХМАО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 48. Л. 48.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же. Ф. 49. Оп. 1. Д. 1. Л. 49.
- ⁵⁵ Там же. Л. 72.
- ⁵⁶ Там же. Л. 71—73.
- ⁵⁷ Там же. Д. 20. Л. 46.
- ⁵⁸ Там же. Л. 142.
- ⁵⁹ Там же. Л. 195—196.

Глава 2

ОЛЕНЕВОДСТВО В СИСТЕМЕ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1920-х гг.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В 1920-х гг. Советское государство стремилось принять меры по развитию промыслово-олeneводческого хозяйства в районах Севера РСФСР в контексте тех хозяйственных стратегий, которые были приняты за основу в годы НЭПа. Проблеме развития оленеводства Северо-Западной Сибири был посвящен ряд работ историков и экономистов, а также хозяйственных работников.

В первой половине 1920-х гг. доктор Шайн в статье «Падеж оленей на Тобольском Севере» писал: «Голоса представителей туземного населения о катастрофическом состоянии оленеводства докатились до окружного и областного съездов Советов»¹. Констатация тяжелого положения оленеводства однако не означала, что представители власти спешили оказать помощь Северу. Как известно, стремления органов власти и многочисленных хозяйственных и кооперативных организаций, а также частных предпринимателей были направлены на получение пушнины. Оленеводству отводилась скромная роль в системе хозяйства Тобольского Севера.

Периодически вопросы состояния оленеводства поднимались на различных собраниях и заседаниях партийных, советских и хозяйственных организаций Уральской области и Тобольского округа, о чем свидетельствуют архивные данные, собранные историками.

Одной из проблем изучения оленеводства является выявление численности кочевников и их стад.

В 1926 г. А.А.Дунин-Горкавич по заданию Тобольского Комитета Севера подготовил работу «О состоянии торговли на Тобольском Севере», в которой поместил раздел об оленеводстве. Он указал, что, по сведениям Тарасова, в 1913 г. на Ямале численность оленей составляла до 100 тыс. голов. Александр Александрович предполагал, что в Обдорском районе поголовье насчитывало 250—300 тыс. голов. Таким образом, установить точное количество стада в первой половине 1920-х гг. на Тобольском Севере не представляется возможным, так как исследователи приводили

сведения, которые весьма существенно отличались (от 100 до 300 тыс. голов)².

Свои коррективы в этом вопросе внесла Приполярная перепись 1926—1927 гг. До нее точных сведений о количестве оленей, дифференциации оленеводческих хозяйств и их численности на Тобольском Севере не было. Статистические данные по проблеме были изложены и проанализированы на страницах журнала «Хозяйство Урала» в 1928 г. Автор статьи В.Пиньжаков также поднимал вопрос и о возможности существования на Тобольском Севере промышленного оленеводства, а следовательно, и промышленного строительства, так как для тундровой полосы возможны лишь два вида крупного производства: по обработке рыбной продукции и продукции оленеводства, остальные виды обработки сырья самодовлеющего значения не имели, но могли укрепить и дополнить эти два остальных вида³. Вследствие этого он поднимал проблему численности оленьих стад на Тобольском Севере, ссылаясь в своей статье на данные проф. Грюнера, который указывает в своей работе 505 тыс. голов. Благоволин и Обдорская специальная комиссия останавливаются на цифре 450 тыс.; на той же цифре останавливаются налоговые органы Тобольского округа, включая в эту цифру 30% на недоучет (неучтенные хозяйства Ямала, неучтенный молодняк и телята) — пишет автор⁴. К сожалению, указывает В.Пиньжаков, не всегда авторы упоминают об основаниях приводимых ими цифр численности оленей. В частности, проф. Грюнер делает ссылку на статью Сосунова, дающего цифру 505 860 оленей, не приводя оснований, а ссылаясь на старые данные (с 1898 по 1912 гг.), Благоволин приводит отчетные данные Главного Ветеринарного Управления за 1912 г. Автор подчеркивает, что и Грюнер, и Благоволин, и Сосунов, в сущности, оперируют с цифрами Главного Ветеринарного Управления за 1904 и 1912 гг., чем и объясняется разница в 50 тысяч голов. Первая проведенная ЦСУ статперепись по Северу зарегистрировала 227 934 взрослых, а всего вместе с молодняком — 343 097 оленей, причем Д.Бобылев, зав. обработкой материалов статпереписи по Северу, на основе анализа переписного материала и полученных от участников переписи впечатлений, считает, что недоучет оленеводческих хозяйств может быть выражен в размере 5—10%, сокращение — примерно 30%⁵.

В результате этого анализа, пишет автор, возникают следующие сомнения и вопросы: 1. Насколько правильно отражают предварительные цифры переписи действительные отношения и числа, и не исказили ли туземцы картину, уменьшая количество оленей (в частности, важенок), увеличивая число павших и тревожных? 2. Возможно ли искать в оленеводстве сырьевую базу для промышленности? 3. Возможно ли безнаказанно менять соотношения возрастно-половых групп в стаде, не нарушая его устойчивого равновесия, способного противостоять даже массовым эпизоотиям?

Дать исчерпывающие ответы на поставленные вопросы, пишет В.Пиньжаков, возможно будет лишь при опубликовании материалов переписи и ряда изыскательских работ по Северу (Ямальская экспедиция, Обдорск, Бактинститут, Опорно-зоотехнический пункт, Гыдаямская экспедиция). И в связи с этим автор приводит следующие факты: работники переписи Севера отмечали стремление туземцев уменьшить цифры численности своих стад, их приплода и увеличить число травежа и падежа, так как они ждали в результате переписи введения налогов и отбирания оленей. В результате этого он приходит к выводу о том, что поправки на сокрытие выражаются в размере 30%, и по недоучёту 5%, что считается достаточным для уравнивания абсолютных цифр с предлагаемой действительностью⁶.

Сведения, представленные в различных источниках (со ссылкой на перепись 1926 г.) по численности оленей, весьма противоречивы. Перепись 1926 г. отметила явное преобладание по количеству оленей кочевых хозяйств над оседлыми. Среднее количество животных на одно хозяйство на Тобольском Севере у оседлых — 26, у кочевых — 169, отмечает в статье В.Пиньжаков⁷.

Этнограф-экономист В.П.Евладов, рассматривая состояние хозяйства Обдорского края, с горечью констатировал, что оленеводство почти не изучено, «олень выпал из поля зрения хозяйственных организаций». Чуть позже он предпринял попытку дать обзор состояния дел в оленеводстве Тобольского Севера 1920-х гг.⁸

В.П.Евладов писал, что оленеводы влачат жалкое существование, и оленеводство не играет никакой роли в уральском экспорте. Автор сетовал на непонимание аборигенами ситуации заготовок оленины. Им проводилось размышление зажиточного оленевода:

«Зачем оленей бить? Деньги мне не надо, их никто не видит, а олени гуляют — я на них смотрю, и ты видишь». Он считал, что поголовье насчитывало около 500 тыс. оленей. В.П.Евладовым была предпринята попытка установить экономические категории оленеводческих хозяйств. Он выделял пять групп хозяйств:

1. «Безоленные» — 5%;
2. «Малооленные» — 30% (стадо в пределах 150 голов);
3. Средняцкие — 45% (стадо от 150 до 400 голов);
4. Зажиточные — 15% (стадо 400-1200 голов);
5. Богатые хозяйства кулацкого типа — 5% (свыше 1500 голов)⁹.

Исследователь задавался вопросами: в какой степени оленеводство в современном его состоянии действительно доходно, какие факторы отрицательно влияли на него, в какой степени оно обеспечивало хозяйства оленеводов и могло ли представлять государственный интерес с точки зрения пушно-сырьевого экспорта. Будучи знатоком Севера, В.П.Евладов подчеркивал, что сама жизнь самоедского хозяйства целиком подчинена кочевничеству. Летом олени идут на Север, а зимой двигаются обратно, проходя через Обдорск, Хэ и пушно-заготовительные фактории хозорганизаций, выдвинувшихся в тундру на пути кочевания самоедов. Там сдают пушнину, продукты оленеводства и забирают продовольствие и товары промышленного производства по расчету или на полгода до весеннего своего прохода вниз, или на год, если не предполагалось весной проходить мимо факторий. Этим ограничивалось соприкосновение ненцев с другой цивилизацией. Автор сделал вывод, что оленеводство не играет сколько-нибудь значительной роли в экономике страны, а носит местное значение и эффективно лишь в группах зажиточных и бедняцких хозяйств¹⁰.

Краеведом М.М.Бродневым в 1950-м г. в статье «От родового строя к социализму» поднимался вопрос о выявлении численности кочевников и их стад. Исследователь пишет, что дореволюционных статистических данных по этому вопросу нет, и ссылается на данные Приполярной переписи 1926 г. Они свидетельствуют о том, что 78,3% кочевых хозяйств и 96,4% оседлых и полuosедлых хозяйств ненцев имели менее 100 голов оленей, а чтобы обеспечить среднюю семью кочевника транспортом, меховой одеждой и мясом, пишет краевед М.М.Броднев, в хозяйстве необходимо не менее 200—250 голов оленей. Опираясь на статистические данные

Приполярной переписи, автор статьи делает вывод о том, что среди кочевого населения $\frac{3}{4}$ хозяйств имели меньше 100 голов оленей. А если учесть, что у кочевников других источников дохода, кроме оленеводства и пушного промысла нет, то становится ясно, что преобладающее число кочевников-ненцев испытывало крайнюю нужду и многие из них попадали в зависимость к богатым оленеводам¹¹.

В 1960—70-е гг. вопросы развития оленеводческого хозяйства вновь стали подниматься в трудах историков. В.Ф.Ретунский в диссертационной работе рассматривал вопрос о восстановлении промыслово-олeneводческого хозяйства в 1920-е гг. В работе он писал о том, что по оленеводству не велось точного учета до Приполярной переписи. Проанализировав имеющиеся данные, он пришел к выводу, что большинство источников по вопросу численности поголовья оленей на Тобольском Севере достигло самого высокого уровня в 1912 г. и составило 505 870 оленей, в 1913 г. — 445 624 оленей. В 1924 г. насчитывалось более 152 тыс. оленей. В 1925—1926 гг. численность взрослых оленей колебалась в пределах 200—257 тыс., а с учетом молодняка — 400—450 тыс., т.е. почти уравнилась с поголовьем 1913 г. Автор, ссылаясь на эти данные, приходит к выводу о том, что достигнутые успехи в оленеводческом хозяйстве показывают также ошибочность мнения о том, что восстановительный период на Крайнем Севере начался с 1925 г., и якобы с этого времени Север стал втягиваться в социалистические преобразования. Фактически восстановительный период на Крайнем Севере начался, как и по всей стране, с переходом к НЭПу¹².

Вопросу положения оленеводческого хозяйства в начале 1920-х гг. в своих монографиях уделяли внимание историки М.Е.Бударин, В.А.Зибарев, В.Н.Увачан. Исследуя данную проблему, они пришли к выводу, что начавшееся в северных районах Уральской области национальное строительство выразилось в целой системе мероприятий советской власти по развитию и укреплению хозяйства у народностей ханты, манси, ненцев по реконструкции оленеводства и других промыслов.

Ссылаясь на постановление Обдорского райисполкома, М.Е.Бударин писал в своей монографии, что современное состояние оленеводства и других промыслов Обского Севера характеризуется

чрезвычайно низким как валовым, так и товарным выходом продукции, нерациональными методами ведения хозяйства, что требовало содействия советской власти¹³.

Первоочередной задачей в тех условиях рассматривалось выяснение состояния оленеводства. Для этого на Севере планировалось установить постоянный ветнадзор. Понятно, что один ветврач не мог обеспечить ветобслуживание на столь огромной территории. Необходимо было установить численность оленей, маршруты кочевков, обследовать места захоронения животных и т.п. Очевидно, что собрать столь обширную информацию в тех условиях не представлялось возможным, — пишет В.Н.Увачан¹⁴.

Историк Л.Е.Киселев в своей диссертационной работе затрагивает проблему дифференциации кочевых хозяйств аборигенов Севера по признаку обеспеченности их оленями. Автор в этом вопросе ссылается на данные Приполярной переписи Севера СССР в 1926—1927 гг. и делает выводы о том, что 3,1% хозяйств ненцев имели до 10 голов оленей. Это были самые беднейшие хозяйства, которые, как отмечает автор, не обеспечивали и десятой доли минимальных потребностей. 35,1% ненецких хозяйств имели поголовье, не обеспечивающее потребности семьи, 27,8% хозяйств имели минимальную потребность от 50 до 250 оленей. Они также относились к бедным хозяйствам, — делает вывод автор¹⁵. Средняцких хозяйств насчитывалось 7,5%, а кулацких — 8,1% всех ненецких хозяйств, где оленеводство являлось ведущей отраслью, — пишет историк¹⁶.

По итогам Приполярной переписи Л.Е.Киселев сделал выводы и о структуре валового дохода от отдельных отраслей хозяйства. Что касается оленеводства, то валовой доход от оседлых хозяйств составил 2,4%, от кочевых — 33,3%. На основе этих данных историк пришел к выводу, что аборигены Севера вынуждены были заниматься не одной, а одновременно несколькими отраслями хозяйства. Также данные свидетельствовали об отсутствии специализации хозяйства, его натуральном укладе и определяли комплексность¹⁷.

О положении в экономике ненцев Ямала в 1920-х гг. в своей коллективной работе в 1990-е гг. писали В.П.Харючи и Г.П.Петрова. Они отмечали, что за годы революции и Гражданской войны положение северных народов резко ухудшилось и требовало

безотлагательной помощи со стороны советской власти. Важнейшим условием выживания ненцев в тундре, как указывают авторы, было развитое оленеводство. Они ссылаются на данные переписи 1926 г. На Обском Севере 7% зажиточных оленеводов имели половину общего поголовья оленей. На долю 68,7% бедняцких хозяйств приходилось меньше чем по 100 голов на хозяйство. Авторы приходят к выводу, что более половины оленеводов были обречены на полуголодное существование. Всего в ходе переписи, пишут авторы, было взято на учет 289,9 тыс. голов оленей¹⁸.

Исследователи также приходят к выводу, что для восстановления хозяйственной деятельности, поддержки прежде всего традиционных отраслей хозяйства: оленеводства, охоты, рыболовства на Севере в 1920-е гг. было сделано очень многое. Но, как указывают исследователи, большие трудности возникали из-за отсутствия специалистов, знающих традиции и специфические условия ведения хозяйственной деятельности в суровых условиях Севера¹⁹.

В начале 2000-х гг. появились монографические труды и статьи, раскрывающие проблемы оленеводства в 1920-х гг.

Историк Л.В.Алексеева, рассматривая данные вопросы, ссылается на архивные материалы руководства Уралобласти за 1924 г., где было распространено мнение об оленеводстве как отрасли, переживающей глубокий упадок. Сокращение поголовья оленей, которое по сравнению с дореволюционным временем уменьшилось, по их данным, на 75% (что следует рассматривать как явное преувеличение), являлось при этом весомым аргументом. Однако реальных действий для выполнения намеченных мероприятий почти не предпринималось²⁰.

Изучив архивные материалы Тобольского окружкома ВКП (б) за июнь-июль 1924 г., исследовательница пришла к выводу, что «олeneводство находится в условиях ведения его примитивным способом. Твердый учет оленей сделать при обширности пространства и кочевом образе жизни оленеводов не представляется возможным. Предположительно, в Обдорском районе 140 500 голов»²¹. В материалах Тобольской окружной партконференции (сентябрь 1925 г.), как указывает Л.В.Алексеева, подчеркивалась необходимость изучения вопроса о возможности кредитования оленеводов Севера, высказывалась мысль снабжения оленеводов-бедняков ссудами, но все эти решения не были подкреплены

практическими действиями. Причинами, сдерживавшими развитие оленеводства, по их мнению, следовало, считать, как пишет историк, слабость экономических стимулов, падеж оленей, крупные «травежи» от волков и других хищников. Л.В.Алексеева приходит к выводу, что в целом в документах государственных организаций тех лет весьма определенно просматривается тенденция рассматривать одним из показателей развития оленеводства увеличение численности поголовья²².

Также одной из проблем в трудах Л.В.Алексеевой является выявление численности оленеводов-кочевников и их стад. Л.В.Алексеева в монографии «Взаимодействие хозяйственных систем Ямальского Севера в условиях НЭП и командно-административной экономики (1921—1929 гг.)» пишет, что источники содержат весьма противоречивые сведения по этому вопросу²³. Ссылаясь на данные Тобольского окружного Госполитуправления в Обдорском районе от 1925 г., историк приводит цифру в 21 481 человек. Из них, как указывает Л.В.Алексеева, коренное население составляло 19 400. Автор подчеркивает, что в 1924 г. численность самоедов по партийным источникам оценивалась в 11 658 человек, по данным переписи 1926 г. население Обдорского района насчитывало 20 тысяч, по другим сведениям той же переписи — 15 385 человек: самоедов — 7462, зырян — 4005, остяков — 3918²⁴. Именно эта часть населения Обдорского края, как пишет историк, вела традиционное комбинированное хозяйство, а самоеды Ямала преимущественно занимались кочевничеством.

Л.В.Алексеева, изучая в своей монографии вопрос развития оленеводства в системе традиционного хозяйства, приводит данные краеведа В.Т.Поспелова о социальной дифференциации хозяйств оленеводов. Он писал: «В 1923 г. количество оленеводческих хозяйств на Ямале, имевших стада оленей до 150 голов (беднейшие), достигало 72%, имевших до 500 голов (средняцкие) — 18,5% к общей численности хозяйств. Зажиточные хозяйства, каждое из которых владело стадом от 500 голов и выше, составляли 9,5%. Около 100 хозяйств имели от 1000 до 5000 голов скота, а родовые старшины Вануйто и Мабе — по 10000 оленей каждый»²⁵. Приведенные им сведения по имущественной дифференциации оленеводческих хозяйств весьма отличаются от тех, что представил в своих статьях В.П.Евладов в середине 1920-х гг., — пишет историк.

Показатели по оленеводству Ямала не могут отражать положение оленеводства в других частях Обского Севера, так как сегодня хорошо известно, что в экономической структуре хозяйства у разных территориальных групп ненцев роль оленеводства неодинакова. Так, А.В.Головнев выявил следующие типы оленеводства и численность голов оленей у населения Северо-Западной Сибири:

1. Тундровое крупностадное оленеводство, распространенное среди ненцев и северных ханты Полярного Урала, Ямала и Гыдына (200—250 голов);

2. Лесотундровое оленеводство, представленное ненцами и хантами криволезья от Урала до водораздела Таза и Енисея (до 100 голов);

3. Таежное оленеводство, характерное для хантов, северных селькупов и лесных ненцев (стада до 10—20, редко до 100 голов);

4. Горно-таежное отгонное животноводство, представленное предуральскими манси и хантами (до 200 голов)²⁶.

Наиболее важными и показательными характеристиками оленеводства являются размер стада, маршруты и амплитуда кочеваний, приемы выпаса, использование оленей и продуктов оленеводства. Идеалом оленеводческого хозяйства была большая семья с числом молодых мужчин-родственников в 6—7 человек активных работников. Для эффективного ведения оленеводства оптимальным вариантом считалось стадо в 2000—2500 голов, так как такое стадо лучше нагуливается, воспроизводится и управляется. Такое стадо составляло надежность отрасли. Если же не набиралось нужного количества оленей, то несколько хозяйств объединялись, собирали одно стадо и организовывали одно стойбище. Хозяйства со средним числом оленей получали возможность содержать собственных животных в благоприятных условиях и увеличивать поголовье²⁷.

О целях и результатах хозяйственной переписи Приполярного Севера СССР 1926/27 гг., характеризующей 1925/26 хозяйственный год, как о наиболее полном статистическом обследовании социально-экономического положения населения северных территорий бывшего СССР пишет в своей работе Е.И.Гололобов. Цели исследования проводимой переписи, отмечает в статье автор, были следующими: 1) изучение принципов и форм расселения, сравнительное изучение хозяйств северных народов, их

культурно-экономического состояния и распространенности отдельных основных элементов хозяйства; 2) выявление социально-экономической структуры северного промыслового хозяйства, распределение всех хозяйств по социально-экономическим группам, определение их удельного веса, качественная характеристика отдельных групп. По итогам этой переписи, как пишет исследователь, в качестве основных занятий были определены: оленеводство, рыболовство, морской зверобойный промысел, охота, сельское хозяйство²⁸.

Данные переписи, так или иначе, уточнили представления о численности поголовья, что позволяло государственным организациям ставить вопрос о его дальнейшем развитии.

Е.И.Гололобов считает, что оленеводческое хозяйство Обдорского района, несмотря на ряд крупных эпизоотий, все же имело свободные ресурсы, вовлечение которых в общий товарообмен давало возможность увеличить доходность традиционных хозяйств. Это обстоятельство, по его мнению, имело значение для сохранения охотничьих богатств региона, давая населению новый товарообменный фонд взамен монопольного положения пушнины²⁹. Продукты своего производства оленеводы обменивали на муку, соль, предметы обихода. Завоз товаров осуществлялся два раза в год. Неэквивалентный обмен нередко ставил население на грань выживания. К концу 1920-х гг. оленеводство, как и в прежние времена, играло существенную роль в жизни, прежде всего, ненцев Ямала, обеспечивая их привычное существование.

Н.Н.Троценко в своей статье пишет, что впервые проблеме состояния северного оленеводства было уделено внимание в январе 1924 г., после рассмотрения постановлений Обдорского райисполкома о том, что современное состояние оленеводства, рыболовства, пушного промысла Обского Севера характеризуется чрезвычайно низким как валовым, так и товарным выходом продукции, нерациональными методами ведения хозяйства. Советским правительством было решено создать в июне 1924 г., после упразднения Наркомнаца, Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера при ВЦИКе) с целью ликвидации хозяйственной отсталости на Крайнем Севере³⁰.

На рубеже 1920—30-х гг. уральское оленеводство вышло по численности поголовья на 2—3 место в СССР. Оленеводство Севера

находилось в частных руках, что в условиях назревавшей коллективизации весьма трудно вписывалось в стратегию развития. 60% поголовья сосредотачивалось в хозяйствах зажиточных оленеводов, имевших стада от 500 до 6000 голов. Взаимоотношения с бедными сородичами строились на традиционных принципах взаимопомощи и выручки. Более состоятельные соплеменники брали опеку над бедными, нанимали их на работу, за что кормили и содержали семьи, совместно кочевали, раздавали оленей на определенных условиях. Продавали оленей в кредит или сдавали в аренду. Эти взаимоотношения не устраивали советскую власть — она усматривала в них эксплуатацию. К началу 1930-х гг. обозначилась политическая линия в отношении зажиточных оленеводов, сводившаяся к их ограничению, изоляции, вытеснению, с тем чтобы вскоре осуществить их ликвидацию как класса³¹.

Примечания

¹ Алексеева Л.В. Взаимодействие хозяйственных систем Ямальского Севера в условиях НЭП и командно-административной экономики (1921—1929 гг.). Екатеринбург; Салехард, 2006. С. 41.

² Исследователь Севера Александр Дудин-Горкавич. М., 1995. С. 185.

³ Пиньжаков В. Оленеводство Тобольского Севера как сырьевая база северной промышленности // Хозяйство Урала. 1928. № 5—6. С. 148.

⁴ Там же. С. 148.

⁵ Там же. С. 149.

⁶ Там же. С. 158.

⁷ Там же.

⁸ Евладов В.П. Оленеводство Уральской тундры и экономическое расслоение самоедских хозяйств // Хозяйство Урала. 1928. № 5. С. 152.

⁹ Алексеева Л.В. Взаимодействие хозяйственных систем Ямальского Севера... С. 45.

¹⁰ Там же. С. 46.

¹¹ Броднев М.М. От родового строя к социализму // Советский этнограф. 1950. № 1. С. 97—98.

¹² Ретунский В.Ф. Предпосылки и начало перехода на некапиталистический путь развития народностей Северо-Западной Сибири 1917—1937 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Горький, 1967. С. 234—235.

¹³ Троценко Н.Н. О хозяйственном положении Тобольского Севера во второй половине 1920-х — начале 1930-х годов // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Вып. 5. Тюмень, 2003. С. 86.

¹⁴ Увачан В.Н. Годы, равные векам: Строительство социализма на Советском Севере. М., 1984. С. 75.

¹⁵ Киселев Л.Е. КПСС — организатор социалистических преобразований хозяйства и культуры народностей Севера (октябрь 1917 — июнь 1941 гг.): На материалах национальных районов и автономных округов Европейского и Сибирского Севера: Дис. ... д-ра ист. наук. Тюмень, 1980. С. 172.

¹⁶ Там же. С. 173.

¹⁷ Там же. С. 175.

¹⁸ Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа / Под ред. Н.В.Лукиной. Томск, 1999. С. 53.

¹⁹ Там же. С. 54.

²⁰ Алексеева Л.В. Взаимодействие хозяйственных систем Ямальского Севера... С. 42.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же. С. 40.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 41.

²⁶ Там же. С. 46.

²⁷ Там же. С. 47.

²⁸ Гололобов Е.И. Самодийское оленеводство в структуре экономики Тобольского Севера в 20-е годы XX века // Самодийцы: Мат-лы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2001. С. 106.

²⁹ Гололобов Е.И. Традиционные системы жизнеобеспечения таежной зоны Среднего Приобья в условиях социальных и экономических модернизаций // Проблемы истории Сибири XVI—XX вв.: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1 / Отв. ред. Я.Г.Солодкин. Нижневартовск, 2005. С. 168.

³⁰ Троценко Н.Н. О хозяйственном положении Тобольского Севера во второй половине 1920-х — начале 1930-х годов // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Вып. 5. Тюмень, 2003. С. 86.

³¹ Поспелов В.Т. Оленеводство и оленеводы Севера в первой трети XX века // Словцовские чтения. Тюмень, 2000. С. 252.

Глава 3

ЭТАПЫ ССЫЛКИ И КОЛИЧЕСТВО ССЫЛЬНЫХ КРЕСТЬЯН В ОСТЯКО-ВОГУЛЬСКИЙ ОКРУГ В 1930—1933 гг.

История массовых спецпереселений в советском обществе началась в 1930 г. с массовых депортаций крестьян в ходе так называемого «раскулачивания». Нигде и никогда ранее принудительные выселения огромных групп населения не проводились с таким размахом специальной государственной структурой, призванной принуждать людей ценой огромных человеческих жертв заселять и осваивать новые необжитые территории. Подавляющее большинство спецпереселенцев было принудительно депортировано на основании решений партийных и государственных органов. В отдаленные местности ссылались целые семьи, с грудными детьми и стариками, единственная вина которых состояла, как правило, в относительной зажиточности хозяйства по сравнению с другими односельчанами.

Массовые репрессии и террор в 1930—40-е гг. стали главным признаком тоталитарной власти в СССР, одним из проявлений которой стали раскулачивание и ссылка десятков тысяч крестьян с их семьями в отдаленные районы страны.

За последнее десятилетие о судьбах отдельных социальных групп и целых народов, подвергшихся массовым репрессиям, написано немало исследований и опубликован не один десяток работ, в том числе по проблемам крестьянской ссылки начала 1930-х гг.

Признанные научные авторитеты, историки-аграрники В.П. Данилов и Н.А. Ивницкий считали раскулачивание зажиточных крестьян одной из самых жестоких и массовых репрессивных акций сталинского руководства, ставшего фактором «сплошной» коллективизации крестьянских хозяйств¹.

В осуществлении террора против советского народа известный уральский ученый А.В. Бакунин выделял четыре этапа, первый из которых — это 1928—1934 гг. — когда осуществлялось массовое насилие над крестьянством и интеллигенцией в период подготовки, проведения сплошной коллективизации и борьбы за выполнение плана первой пятилетки².

Следствием «раскулачивания», как известно, стало массовое выселение крестьян и членов их семей в отдаленные, малозаселенные и плохо освоенные с экономической точки зрения районы СССР.

Н.И.Загороднюк полагает, что это неотъемлемая часть процесса коллективизации сельского хозяйства, в связи с чем переселение рассматривается ею как одно из направлений государственной политики спецколонизации (т.е. освоение необжитых и малообжитых районов Сибири и Дальнего Востока посредством насильственных переселений)³.

Известный сибирский ученый С.А.Красильников уверен, что в конце 1920-х гг. переселенческая политика переживала кризис, поскольку переселенческие органы не справлялись с задачей регулирования миграций. Исследователь подчеркивает, что «великий перелом» рубежа 1920—30-х гг. принес с собой радикальные сдвиги в стратегии, формах, методах и масштабах осуществления колонизационно-переселенческого движения⁴, с чем нельзя не согласиться.

С.А.Красильников выделил основные признаки в трансформации государственной политики освоения восточных районов страны, определив ее как колонизационно-переселенческую:

1. Произошла смена приоритетов, стала иной технология осуществления колонизации сибирских территорий;
2. На первое место вышла принудительная миграция, повлекшая перестройку системы управления колонизационно-переселенческими процессами;
3. Изменился состав мигрантов-переселенцев и характер их взаимосвязей с местным, особенно коренным, населением региона⁵.

А.В.Бакунин отмечал, что сплошная коллективизация и широкомасштабная репрессивная политика по отношению к крестьянству начали осуществляться уже с осени 1929 г., получив официальное оформление в документах начала 1930 г.⁶

Началом массового раскулачивания и высылки крестьян послужили официальные документы ВКП (б) и советского правительства. Постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г. раскулачиванию подлежало 3—5% крестьянских хозяйств (800—1 200 000)⁷.

В другом Постановлении ЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством»⁸ от 1 февраля 1930 г. отменялось действие закона о разрешении аренды земли и о применении наемного труда в единоличных крестьянских хозяйствах; разрешалась конфискация имущества и выселение кулаков.

Основными регионами вселения «раскулаченных» являлись: Северный край вместе с Карелией и Кольским полуостровом, Сибирь, главным образом ее северные районы, Урал, Казахстан и Дальний Восток. Кроме того, раскулаченные крестьянские семьи расселялись в засушливых неплодородных степях Северного Кавказа, южной Украины, а также горных районах Средней Азии⁹.

Н.А.Ивницкий в работе «Развертывание “сплошной коллективизации”»¹⁰, констатировал, что районами выселения «раскулаченных» были определены Северный край, Урал, Сибирь и Казахстан. Правда, в первоначальном плане, посланном в феврале 1930 г. Сталину, Сибирь и Казахстан не значились районами вселения «раскулаченных». 16 февраля 1930 г. Сталин телеграфировал секретарю Сибирского крайкома ВКП (б) Р.И.Эйхе о необходимости принятия 15 000 семей. Одновременно он требовал, чтобы Северный край принял 70 000 семей, а не 45 000, как предусматривалось первоначально. Уралу предписывалось разместить 20 000 семей вместо 15 по плану. По утверждению Н.А.Ивницкого, в первой половине 1930 г. было арестовано 140 000 человек. Следовательно, вместо 49—60 000, намечавшихся постановлением ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г., было арестовано, осуждено и заключено в концлагеря в 2,5—3 раза больше¹¹.

По постановлению ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. «О воспрещении самовольного переселения кулацких хозяйств и распродажи ими имущества» краевым, областным исполкомам советов и правительствам автономных республик было предоставлено право применять все необходимые меры для борьбы с крестьянами, объявленными кулаками, вплоть до конфискации имущества и выселения¹². Переселению подлежали крестьяне, отнесенные ко второй категории. Направления организации ссылки содержались в секретной инструкции, утвержденной 4 февраля 1930 г. Президиумом ЦИК Союза ССР¹³.

Исследователи в осуществлении крестьянской ссылки выделяют три этапа. Однако, применительно к различным регионам страны, хронологические рамки этапов существенно варьировались.

Первый этап — февраль 1930 — весна 1931 гг. Очевидно, что начало этапа совпадает с первой волной массового «раскулачивания», начавшейся в первой половине февраля 1930 г.

С.А.Красильников, определяя тот или иной этап крестьянской ссылки, проводит сопоставление между ключевыми терминами, которыми власть оперировала, когда речь шла о репрессированном и высланном в начале 1930-х гг. крестьянстве, и определенными ситуационными либо стратегическими изменениями политики директивных органов в отношении репрессированных крестьян¹⁴. Так, на первом этапе ссылки, согласно директиве Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» все репрессированные крестьяне делились на три категории, каждая из которых имела особое название в зависимости от применяемых к данной категории крестьян мер со стороны властей.

К первой (10% численности) был отнесен контрреволюционный актив, организаторы террористических актов и антисоветских мятежей. Крестьяне, отнесенные к первой группе, подвергались аресту, предавались суду.

Выявление и выселение кулаков этой категории возлагалось на органы государственной безопасности. К ней в судебном и внесудебном порядке (по решению «троек» в составе первого секретаря райкома партии, председателя исполнительного комитета и начальника ГПУ) применялись суровые меры наказания (заключение в исправительно-трудовые лагеря) вплоть до высшей меры.

Вторую категорию составляли по определению директивы крупные кулаки, бывшие полупомещики, выступавшие против коллективизации. Им предстояло выселение из районов сплошной коллективизации в северные и отдаленные регионы страны. Списки кулаков второй группы составляли местные органы власти согласно постановлениям общих собраний колхозников, батраков и бедняков после утверждения окружными исполнительными комитетами. Порядок расселения кулаков третьей категории также возлагался на окриспокомы. Эта наиболее многочисленная (до 80%) группа крестьян должна была быть расселена

в пределах районов на специально отводимых за пределами колхозов землях, как правило, худших в плодородном отношении¹⁵.

С.А.Красильников обращает внимание на то, что уже в данном документе введены и использованы следующие понятия, соответствующие упомянутым категориям: «арестованные» (первая), «высылаемые» (вторая), «расселяемые» (третья)¹⁶.

Хронологические рамки второго этапа ссылки крестьян и их семей охватывает весну 1931 — весну 1932 г. По утверждению Л.В.Алексеевой, на данном этапе осуществлялось наиболее массовое переселение крестьян¹⁷.

Со второго этапа крестьянской ссылки и до начала третьего, наряду с уже употребляемыми терминами, появляется и быстро становится наиболее употребляемым термин «спецпереселенцы». С.А.Красильников объясняет появление термина «спецпереселенцы» в качестве базового в начале 1930 г., что, по его мнению, может служить индикатором изменения или, точнее, смещения приоритетов власти в отношении перспектив использования труда репрессированного крестьянства.

В апреле 1930 г. была создана Всесоюзная комиссия по устройству выселяемых кулаков во главе с зампреда СНК СССР В.В.Шмидтом. На республиканском уровне появилась аналогичная по функциям комиссия под руководством тогдашнего наркома внутренних дел РСФСР В.Н.Толмачева. По мере усиления антикрестьянских репрессий термин «выселяемые» (из определенных мест) заменялся на «переселяемые» (в отдельные районы). В протоколах комиссий Шмидта и Толмачева появилось словосочетание «кулаки-переселенцы», которое уступает место более краткому и емкому — «спецпереселенцы». Эти лексические новации, считает С.А.Красильников, отражали схему мышления директивных органов. Последним было удобно обозначать принудительное перемещение значительных масс крестьянства привычной формулой «переселение» с добавкой «спец»¹⁸.

Временные рамки третьего этапа крестьянской ссылки — апрель 1932 г. — май 1933 г. Согласно постановлению заседания комиссии ЦК ВКП (б) по спецпереселенцам «О выселении кулаков» от 10 апреля 1932 г., говорилось о необходимости выселения 30—35 000 семей кулаков. При этом ОГПУ предлагалось дать указания на места «об особо тщательном подходе при выселении

кулачества»¹⁹. Данный период включал депортации в 1932 и 1933 гг. и завершился в мае 1933 г. принятием известного решения Сталина и Молотова о прекращении массовой высылки крестьянских семей²⁰. Н.И.Загороднюк правильно заметила, что разработка документов по вопросам спецпоселений в масштабах страны принадлежала Политбюро ЦК ВКП (б) (точнее — комиссии Андреева — Рудзутака), СНК СССР и ЦИК СССР²¹. На областном уровне эти задачи осуществляла Комиссия по устройству и хозяйственному использованию спецпереселенцев. Деятельность этой комиссии контролировалась ОГПУ и областными партийными органами.

В указанный период, как подчеркивает С.А.Красильников, терминология носила устойчивый характер. Однако уже весной 1933 г. на уровне директивных органов в оборот ввели новый термин — «трудпоселенцы», что отражало очередной виток в сталинской репрессивной политике, затрагивавшей на этот раз не только крестьянство, но и другие слои населения страны. На рубеже 1932—1933 гг. в верхних эшелонах власти встал вопрос об изменении социальной направленности репрессий. К тому времени первоначальным планам ОГПУ, направленным на сохранение категории «раскулаченных» для пополнения спецпоселений, не суждено было сбыться: уже в 1932 г. Политбюро фактически свело к минимуму амбициозные намерения ОГПУ продолжать массовые депортации крестьян. Но к 1933 г. развернулась крупномасштабная «чистка» городов от «деклассированного элемента», осуществлялась очередная «очистка» приграничных районов, а также «разгрузка» мест заключения и лагерей. Замкнув на себя все эти потоки принудительных миграций, ОГПУ оценивало их в цифрах, сопоставимых с высылкой крестьян 1930—1931 гг., и предлагало направить весь этот так называемый новый спецконтингент в единое русло. Спецпоселения с преимущественно крестьянским населением в целях колонизации северных и восточных территорий страны планировалось реформировать в трудовые поселения, весьма пестрые по составу. С.А.Красильников придерживается мнения, что ожидаемого эффекта власти не получили ни по масштабам, ни по результатам проведенной в 1933 г. акции²².

Постановлением СНК СССР от 8 июля и СНК РСФСР от 30 июля 1930 г. общее руководство спецпереселенцами было возложено

на Наркомзем РСФСР. Управление спецпоселками и установление в них режима, а также контроль за производственной деятельностью спецпереселенцев возлагался на НКВД и краевые (областные) исполкомы²³.

Одним из районов, предназначенных для размещения спецпереселенцев, стал север Уральской области, в состав которого входили национальные округа: Остяко-Вогульский и Ямало-Ненецкий.

Ссылка крестьян на Обь-Иртышский Север началась в феврале 1930 г. Первый этап продолжался в два приема — до навигации и с ее началом. Второй этап — весной и летом 1931 г. Третий этап крестьянской ссылки продолжился в феврале 1932 г.²⁴

Перед местными органами власти и ОГПУ встала задача развертывания сети поселений (комендатур и поселков). Вначале руководство страны полагало, что с задачей приема, размещения и трудоустройства ссыльных справятся местные органы власти. Однако, как показывает изучение документов, никакой подготовительной работы к приему ссыльных проведено не было. Это хорошо прослеживается на примере Тобольского округа.

Директивой Тобольского окружкома ВКП (б) от 10 февраля 1930 г. северные районы округа были определены местом ссылки раскулаченных крестьян (до 10—12 000 семей)²⁵. Планировалось до наступления летнего периода принудительным порядком вселить в дома крестьян Тобольска и его окрестностей не менее 3—4 человек, или по одной семье, чтобы пережить зиму и дожждаться навигации.

Проблему, связанную с возможностями округа по приему и размещению спецпереселенцев, в январе 1930 г. поднимал ответственный секретарь Тобольского окружкома ВКП (б) Игнатенко. В своем выступлении на заседании бюро Уралобкома ВКП (б) от 30 января 1930 г. он предлагал другим округам области: «взять этих кулаков для работы на лесозаготовках, а весной с первой навигацией перебросить для окончательного поселения в Тобольский округ...»²⁶. Вероятно, он понимал, что спецпереселенцам в условиях зимы явно грозит смерть. Условия транспортировки крестьян и членов их семей были чудовищными.

Первый этап крестьянской ссылки был представлен главным образом жителями сельскохозяйственных округов Уральской области (Шадринский, Тюменский, Курганский, Ишимский и др.).

16 февраля Тюменским окружкомом ВКП(б) была поднята к отправке 1321 семья — около 6000 человек, из них 1816 детей. Основным местом высылки для этих крестьян были определены с.Березово и с.Сургут²⁷. Представим некоторые свидетельства людей, переживших весь кошмар и ужас высылки: Т.П.Кайгородова (Коновалова): «Высылали поздно ночью, пришли как воры, человек пять, как раз те, кто работать не любил и хотел пожить за чужой счет. Действовали жестко, брать вещи с собой не разрешали: одну пару белья и ту, что похуже, даже икону не разрешили взять, бросили в печь. Вместо своих лошадей, дали хромую кобылу. Все добро было конфисковано. Из нашей деревни было сослано девятнадцать семей. Всех увезли за одиннадцать верст в Нижнюю Тавду, поместили в церкви, где мы сидели, пока не собрали обоз из таких, как мы, с округи. Через семь дней обоз пошел на Север... Была лютая зима. Почти все дети до трех лет умерли, хоронить их не разрешали, трупы складывали по обочине, заявляя, что все равно птицы склюют. Много умерло стариков. Их складывали на последнюю подводу, и после того как подвода наполнялась, хоронили»²⁸.

А.И.Лунина (выселена из Челябинского округа) вспоминает: «Из Тюмени до Тобольска нас везли на лошадях. Ужасно было. Если кто выпадал из розвальней, то его не подбирали. Мертвых бросали в снег. Конвоиры обращались с нами грубо, могли отобрать понравившиеся вещи, отхлестать нагайкой»²⁹.

Вспоминает Ишбулат Шарипович Шарипов из с.Сафакулево Курганской области: «15 февраля 1930 г. 500 подвод раскулаченных было отправлено в Тобольск. Целую неделю мы находились в пути. Снег, мороз — страшная картина. Дети в дороге начали болеть от холода и голода. Колонна двигалась на север, изредка останавливаясь на ночлег в селах и для того, чтобы похоронить детей. За неделю их умерло 16. Три месяца мы провели в дороге...»³⁰.

В Тобольск первые партии ссыльных прибыли во второй половине февраля. Сплошное «людское море» накрыло город и его окрестности. Чрезвычайно холодная зима усугубила и без того трагическое положение ссыльных. Руководство понимало, что гнать голодных и обмороженных до полусмерти людей дальше невозможно. Было решено оставить их здесь, а весной, с навигацией, отправить на Север. В результате Тобольск стал местом

зимовки многих тысяч ссыльных. Секретарь окружкома Игнатенко докладывал в Уралобком: «...Приняли мы этой публики 3000 семей. Сейчас идет спешная работа по подготовке города Тобольска и превращение его в сплошной лагерь для кулачества. Освобождаем все возможное, даже решили закрыть кино»³¹. Конечно же, местные власти не были готовы принять такое огромное количество людей. Об этом также говорилось в докладной записке: «...Эшелоны к нам движутся с такой быстротой во времени и массовым напором, что, безусловно, застало нас неподготовленными. Кроме того, мешает чертовский холод, который доходит до 35—37 градусов»³².

Организаторы коллективизации и раскулачивания не ожидали, что ситуация выйдет из-под контроля. Огромное количество прибывающих переселенцев устраивались на зимовку в основном самостоятельно. Кому повезло, тот попал на частные квартиры, относительно повезло и тем, кто отчаянно замерзал в общественных зданиях и храмах. И уж совсем плохо было дело тех, кто размещался прямо в заснеженном лесу с приказом «устраиваться самим». Нечеловеческие условия транспортировки, голод и неустроенность на местах расселения приводили к высокой смертности, особенно среди стариков и детей. С наступлением навигации планировалось дальнейшее переселение «раскулаченных» дальше на Север. Но до навигации еще надо было дожить.

Сколько же спецпереселенцев было завезено на Тобольский Север на первом этапе ссылки? В Докладной записке ПП ОГПУ по Уралу «О результатах проведения операции по массовому выселению и расселению кулацких семей» от 9 мая 1930 г. сообщалось, что всего в Тобольский округ было выселено 8920 семей, 43758 человек³³. Вначале расселение раскулаченных крестьян происходило в самом Тобольске, а также в Уватском, Сургутском, Березовском и Кондинском районах, а с открытием навигации планировалось перебросить до 3 000 кулацких семей в Обдорский район.

С открытием навигации местная власть готовилась принять ссыльных на Обь-Иртышском Севере. С этой целью прорабатывались всевозможные варианты устройства и размещения спецпереселенцев. Постановлением Сургутского РИКА от 25 мая 1930 г. все сельские советы информировались о прибывающих спецпереселенцах: «С приходящими пароходами из Тобольска будут

прибывать эшелоны кулацких семейств, которые по плану Учлесхоза будут расселяться по указанным в плане местам, а потому Вам надлежит представителям Учлесхоза оказывать всевозможные содействия в смысле их расквартирования в момент высадки с парохода, а также и расселения по установленным местам»³⁴.

Баржи со ссыльными не прекращали идти на Север до конца навигации, поэтому число спецпереселенцев к концу года значительно увеличилось. В докладной записке в окрсельхозотдел от 4 декабря 1930 г. сообщалось, что на Тобольский Север завезено 46000 переселенцев³⁵.

Тогда же, зимой 1930 г. и оформился Остяко-Вогульский спецлаг. В состав Остяко-Вогульского округа входило 6 районов: Шурьшкарский и Ларьякский (северные); Березовский и Сургутский (средние); Самаровский и Кондинский (южные). Округ располагался между 60 и 66° северной широты и граничил: с севера с Ямало-Ненецким округом, с востока — с Западно-Сибирским краем, с юга — с северными районами Уральской области (Уватским, Тобольским, Тоборинским, Гаринским и Ивдельским) и с запада — с областью Коми (зырян). Остяко-Вогульский округ являлся самой крупной административно-территориальной единицей Урала и составлял почти 40% всей территории области³⁶.

Огромный поток спецпереселенцев породил множество проблем. Местные власти не были готовы принять такое большое количество народа и поэтому уже с первой навигацией стали высаживать ссыльных на многочисленных притоках Оби, где несчастные вынуждены были основывать первые спецпоселения.

Вспоминает бывший «кулак третьей категории» Екатерина Клементьевна Худякова (Салмина): «...Ходили слухи, что нас повезут в Обдорск и что там, будем есть только сырое мясо и сырую рыбу. Было страшно, все боялись голода и холода. Но нас привезли в село Белогорье. Проезжая мимо села Самарова, теперь это Ханты-Мансийск, видели, как разбирают церковь. Мы заготавливали лес для строительства поселка Луговского и работали до глубокой осени, а жили в шалашах. Одежды теплой не было. В Белогорье возвращались пешком. Я как только переступила порог, где жила мама, так сразу и упала, у меня начался тиф...»³⁷.

Евдокия Ефимовна Червина: «Четырнадцать годочков мне было, когда нас привезли сюда. Ляминцы встретили недружелюбно

и угрюмо. И деревня то маленькая и руки мережей вытирали, полотенец не было, а тоже твердят: кулаков нам не надо. Вот и увезли нас сюда, в глухой, нехоженный, нетронутый лес. Видно, подалее от глаз... Начали мы корчевать поля, строить дома. Тайга-то кругом была непроходимая, а у нас только руки. Утром тебе еще надо у коменданта отметиться, вечером — тоже. Ох, и не добрые люди попадались в комендатуре, лютовали»³⁸.

З.Башмакова: «Мужчины и взрослые дети были увезены за 10 километров на правый берег Оби, в тайгу, где они строили поселок, которой впоследствии назвали Кедровый. Жили в палатках, покрытых берестой, и в землянках. Вырубали тайгу, корчевали пни и на этом месте строили дома для жилья. Пол, потолок были из жердей, одно большое окно посередине и русская печь, которая обычно разделяла дом на две половины...»³⁹.

Мария Ивановна Кашигина: «С открытием навигации 1930 года ссыльных крестьян на пароходе привезли в Самаровский район. Выгрузили в селе Базьяны, и за 12 километров по речке Горной, в глухой тайге, на высоком берегу, отвели место для поселка... Добрино строили быстро, так как к зиме надо было все семьи перевести в дома. Если у кого дома были не готовы, то они рыли землянки... Всем жителям выдавали железные печки, а нам почему-то комендант не разрешил, поэтому на полу замерзала вода...»⁴⁰.

С наступлением навигации переселенцев погрузили на баржи и отправили вниз по Иртышу. Транспортировка осуществлялась еще более бесчеловечно, чем зимой. Людей грузили в трюмы барж словно селедку, по 600—900 человек вместо положенных 300—400. Вытаскивали лестницы наверх, а люки закрывали. Один раз в сутки спускали в трюмы на веревках, в приоткрытый до половины люк в мешках хлеб и в ведрах воду. Многие спецпереселенцы не доезжали до конечного пункта назначения, умирали от болезней, истощения и старости.

Весной (в мае-июне) 1930 г. выжившие из числа ссыльных на баржах стали прибывать на Север. Вот как описано прибытие спецпереселенцев в одном из документов: «С пароходом “Чулым”, в барже, прибыло нового подъема 261 семья, 923 человека. Из числа этого было отправлено на место поселения в Кондинский район 27 семей, 84 человека, остальные 234 семьи, 821 человек расселены по Самаровскому району, в бараки лесозаготовительных

пунктов. Во время выгрузки и развозки по местам расселения умерло 18 человек от истощения и старости»⁴¹.

В 1931 г. удельный вес умерших в лагерях по отношению к среднему списочному составу заключенных за год составил 3,6%. В 1932 г. смертность составила 4,8%; в 1933 г. средний уровень смертности составлял 15,7%⁴². В местах ссылки голод унес многие тысячи жизней, в среднем в 1933 г. количество умерших превысило число рожденных почти в 9 раз. За 1932 г. общая смертность в спецпоселках составила около 90 000, в 1933 г. — более 151 000 человек⁴³.

Отсутствие полной информации о численности спецпереселенцев, по мнению А.А.Базарова, косвенно свидетельствует о том, что власти не знали географии расселения и полагались исключительно на революционную волю⁴⁴.

Н.А.Ивницкий в монографии «Судьба раскулаченных в СССР» дает следующие количественные характеристики высланных по стране. К началу мая 1930 г. органы ОГПУ выселили из районов коллективизации 66 445 семей, насчитывавших 342 545 человек, а к декабрю 1930 г. число высланных уже составляло 112 828 семей (550 558 чел.).

Н.Л.Рогалина считает, что к концу 1930 г. в стране было раскулачено 400 000 дворов, из которых было переселено около 78 000, а всего за годы пятилетки было выселено от 1/4 до 1/3 хозяйств, относимых к кулацким, что составило от 240 до 385 000 дворов⁴⁶.

А.В.Бакунин утверждает, что общее число высланных кулаков по преимуществу в малообжитые северные и другие районы в 1930—1931 гг. составило 381 026 семей общей численностью 1 803 392 человека⁴⁷.

В.Н.Земсков полагает, что в лагерях ГУЛАГа в 1930 г. насчитывалось 179,0 тыс. заключенных, в 1931 г. — 212,0 тыс., в 1932 г. — 286,7 тыс., в 1933 г. — 334,3 тыс.⁴⁸

Всего же, по данным ОГПУ, в 1930 г. была выселена и переселена 115 231 семья (559 531 чел.); в 1931 г. — 265 795 семей (1 243 860 чел.)⁴⁹.

Второй этап спецссылки начался весной 1931 г. По данным, представленным Н.А.Ивницким, уже к 5 июня выселено в необжитые северные районы 39 788 семей или 110 734 человека, в том числе «вычищено» из колхозов 2 229 семей, совхозов — 542,

промышленных предприятий — 914, советских учреждений — 237, городов — 573 семьи⁵⁰.

По данным И.Е.Зеленина, весной 1931 г. из Западной Сибири было выселено в северные районы около 40 000 крестьянских хозяйств, отнесенных к особо социально опасной категории⁵¹.

В целом по стране на протяжении 1931 г. было раскулачено около 200 000 хозяйств, а за 1930—1931 гг. — 569,3 тыс. Из них в отдаленные районы вывезено 381 000 семей.

Согласно сводной статистике Отдела по спецпереселениям ГУЛАГа ОГПУ, из общего количества направленных в 1930—1931 гг. на спецпоселение 381 173 семей общей численностью 1 803 392 человека 77,2% было выселено из областей, краев и республик РСФСР (без Казахстана — 75,4%), с Украины — 16,7%, из Белоруссии — 4,1%, из республик Средней Азии — 1,8%, Закавказья — 0,2%. На спецпоселение в регионы РСФСР было направлено 98,8% выселенных семей (без 509 029 семей, направленных в Казахстан, — 85,4%), из них 33,6% (128 233 семьи) — на Урал, 18,3% (69 950) — в Западную Сибирь, 15,3% (58 271) — в Северный край, 7,0% (26 555) — в Восточную Сибирь, 3,8% (14 622) — на Северный Кавказ, 2,6% (9 697) — на Дальний Восток, остальные — в Ленинградский военный округ (ЛВО), Башкирию, Якутию, Нижегородский и Средневожский края⁵².

Начиная с 1933 г. спецпоселки «кулаков» пополнялись выселенцами из «новых» социальных слоев: «деклассированными элементами» («очистка городов») и «рецидивистами» (частичная разгрузка из тюрем и лагерей для восполнения дешевой рабочей силы). В 1933 г. в Западную Сибирь было выселено 131,5 тыс. «нового контингента», из которых около 72 000 было расселено в комендатурах⁵³.

Всего в течение 1933 г., по данным Н.А.Ивницкого, было выселено 268 091 человек, в том числе в Западно-Сибирский край — 140 679 человек, в Казахстан — 55 107 человек, на Урал — 33 920, в Северный край — 16 659, на Беломорско-Балтийский канал — 15 517 человек⁵⁴.

Остяко-Вогульский и Ямало-Ненецкий округа в составе Уральской области являлись одним из районов размещения десятков тысяч спецпереселенцев. Округа были организованы в 1930 г. в результате проведенного национального районирования Крайнего

Севера СССР, путем выделения большей части северной территории бывшего Тобольского округа и с присоединением в последующем только Ларьякского района из Западно-Сибирского края.

Из всего многообразия проблем крестьянской ссылки наиважнейшим представляется определение количества сосланных на Обь-Иртышский Север.

В отечественной науке нет пока точных данных о числе ссыльных, сосланных на Обь-Иртышский Север на первом этапе. Курганский экономист А.А.Базаров заметил, что истинных цифр раскулаченных и сосланных не знают даже архивы ОГПУ, с чем трудно не согласиться. Он считает, что на север Уральской области (в том числе и север нынешней Тюменской области) были сосланы 25 000 семей из центральных и южных районов России и 15 000 — с самого Урала⁵⁵.

Ю.П.Прибыльский называет цифру переселенцев в Остяко-Вогульском округе — 37 400 человек⁵⁶.

С.П.Постников, основываясь на подсчетах американского историка С.Максудова, считавшего, что за период с конца 1929-го по май 1933-го было выслано 543 000 бывших «кулацких» семей (а это не менее 2—2,5 млн. человек), утверждает, что первоначально «депортированные» направлялись, главным образом, в Северный край (50—55%), на Северный Урал (30%) и в Сибирь (15%)⁵⁷. Следовательно, можно предположить, что примерно треть спецпереселенцев Уральской области оказалась на территории Остяко-Вогульского и Ямало-Ненецкого округов. Если взять за основу данные С.Максудова, то получится, что на Север Урала было выслано приблизительно 180 000 человек.

Н.И.Загороднюк полагает, что в 1930-е гг. на Севере Западной Сибири было размещено 155 000 спецпереселенцев⁵⁸.

А.А.Петрушин считает, что на Тобольский Север выслали более 31 000 крестьянских семейств, что составляло около 150 000 человек⁵⁹.

Л.В.Алексеева также считает, что всего на Север Западной Сибири было выслано не менее 150 000 человек⁶⁰, ей же на основе новых архивных источников удалось уточнить трагическую статистику первого периода ссылки на Тобольский Север: «В справке особого отдела ОГПУ “О количестве вселенных кулаков 2-й категории и одиночек”» от 10 декабря 1930 г. сообщается, что в

Уральскую область ввезено 30 474 семьи (145 205 человек). Можно предположить, что не менее 1/3 (т.е. около 50 000 чел.) из них были направлены на Тобольский Север.

Установлено, что только с февраля до конца марта 1930 г. в Тобольский округ было отправлено из округов Уральской области **17 370 человек**⁶¹. На долю этой партии ссыльных выпало самое тяжелое испытание: холод, ужасная транспортировка, никаких человеческих условий. О количестве погибших можно лишь догадываться, вероятно, это была значительная часть высланных.

Однако данные, обнаруженные нами в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО), не совпадают с приведенными выше.

Согласно данным докладной записки комендантского отдела Уралобласти Правительству «О расселении, положении и использовании кулацкой ссылки» от 8 марта 1931 г., все спецпереселенцы были размещены в тридцати одном районе Уральской области, преимущественно в северных, за исключением 1 967 семей крестьян третьей категории, размещенных в восьми средних районах⁶².

Всего же, по сведениям, приводимым в указанном документе, количество семей спецпереселенцев составляло 31 851, т.е. 134 421 человек, из которых около 35 000 были размещены на территории Тобольского округа. Из них взрослые составляли 85 930 человек или 63,8%, остальные — дети в возрасте до 16 лет (48 491 человек). Взрослое трудоспособное население спецссылки составляло 56 685 человек, нетрудоспособное 29 245 (50%)⁶³.

Следовательно, можно конкретизировать данные о численности ссыльных на Обь-Иртышский Север. По нашим подсчетам, на первом этапе ссылки в Тобольский округ было направлено 35 000 человек. В период навигации — примерно 18 000 человек. Таким образом, почти половина спецпереселенцев погибла, не выдержав холода и голода зимовки в г.Тобольске.

Как уже отмечалось, первый этап ссылки является сегодня самым малоизученным в отечественной науке, пока нет точных данных о числе ссыльных, их половозрастном, национальном, религиозном, социальном составе, естественном движении.

Титульный список спецпереселенческого строительства на 1930—1931 гг., а также докладная записка председателю правления «Союзрыба», обнаруженные в фондах ГАОПОТО, дают

возможность подсчитать количество семей спецпереселенцев на первом этапе крестьянской ссылки в национальных округах.

В 1930 г. в Остяко-Вогульском округе планировалось построить жилье для 1 031 семьи спецпереселенцев, а в Ямальском — для 472 семей. Это приблизительные сведения, поскольку речь идет о планах строительства для них жилья.

Всего в Обдорском, Шурышкарском и Сургутском районах округов предполагалось поселить 1 831 семью. С учетом средних показателей по численному составу семьи можно предположить, что численность размещенных здесь весной-летом 1930 г. спецпереселенцев могла составлять не менее 9 000 человек.

По сведениям, содержащимся в докладной записке председателю правления «Союзрыбы» А.М.Лежаве, можно установить, что в Березовском районе Остяко-Вогульского округа, а также Питлуре и Кушевате в 1931 г. проживало 2 432 семьи, т.е. около 10 000 человек⁶⁴.

В том же документе указывалось: «Точное количество переселенцев находящихся в госрыбтресте установить не удалось, ибо имеющиеся у нас данные о 3 203 семействах не верны. Имеются сведения о том, что ГПУ Урала перебросило Тресту добавочно четыреста семей»⁶⁵.

На основе проведенных исследований подсчитано, что по районам Остяко-Вогульского округа количество семей, попавших в результате первого этапа ссылки на Север, составило 4 663, предположительно общей численностью 23 315 человек.

Второй этап крестьянской ссылки, начавшийся весной 1931 г., по утверждению Л.В.Алексеевой, был самым массовым, когда в тридцать три района Уральской области было вывезено 47,1 тыс. семей⁶⁶.

Безусловно, наиболее полную картину численности спецпереселенцев в Остяко-Вогульском округе нам дает 1932 г., когда режим предпринимал большие усилия по «довывявлению кулацких хозяйств» и «очистке» от них колхозов⁶⁷.

В Государственном Архиве общественно-политических организаций Тюменской области нами обнаружен «Отчет начальника Остяко-Вогульского окротдела ОГПУ Петрова о трудовом использовании спецпереселенцев в Остяко-Вогульском округе за 1932 год», по которому удалось установить общее количество,

а также половозрастной состав спецпереселенцев в пяти из шести районов Остяко-Вогульского округа:

Таблица 1

**Численность спецпереселенцев
Остяко-Вогульского округа по районам⁶⁸**

Наименования предприятий	Всего расселено						Занято на работе			
	Колич. пос.	Семей	Всего	В том числе			Всего	В том числе		
				Взрослых мужчин	Взрослых женщин	Детей до 16 лет		Мужчин	Женщин	Подростков до 16 лет
Самаровский район	10	1283	6151	1853	1925	2373	1757	1221	316	209
Березовский район	20	2163	10571	3241	3153	4177	3806	2477	868	461
Сургутский район	18	2021	8812	2904	2717	3191	2942	2003	716	223
Кондинский район	6	703	3241	1113	1078	1050	1469	930	479	60
Шурышкар-ский район	2	289	1468	434	423	611	404	320	66	18

Сведения, представленные в таблице, позволяют установить, что в 1932 г. в округе было создано 56 поселков, в которых проживало 6 459 семей или 30 243 человека.

По половозрастному составу наблюдалась следующая ситуация:

- мужчин 9 545 человек;
- женщин 9 296 человек;
- детей (до 16 лет) 11 402 человека.

Следовательно, дети составляли в составе ссыльных 38%.

Анализ данного документа позволил выявить количество спецпереселенцев на втором этапе крестьянской ссылки в Остяко-Вогульский округ (что ранее исследователям не удавалось) — 30 851 человек. Более того, нам удалось уточнить трагическую статистику,

обнаружив в Тюменском областном архиве (ГАОПОТО) документ «Комплексный план развития основных отраслей хозяйства Остяко-Вогульского округа», датируемый 1933 г.⁶⁹

Согласно этому документу, бригадой Уралснаба в 1932 г. был проведен учет основного населения округа, где спецпереселенцы составивляли 33,8 тыс. человек.

В 1933 г. ссылка продолжилась с новым размахом. Это был третий ее этап, особенностью которого явился меньший масштаб по сравнению с массовыми ссылками 1930 и 1931 гг., а также расширение состава репрессированных преимущественно за счет городских маргинальных слоев.

Л.В.Алексеева привела следующие количественные данные по Уральской области: «...на 1 января 1933 года на учете стояли 365 539 человек. В 1933 году в область прибыли 33 920 человек»⁷⁰. Она же привела количественные данные о спецпереселенцах в Остяко-Вогульском округе на апрель 1933 г. — «6 459 семей спецпереселенцев, или 30 243 человека, из них 9 296 — женщины, а 11 402 — дети в возрасте до 16 лет»⁷¹.

Благодаря выявленным архивным документам, удалось уточнить эту печальную статистику применительно к концу 1933 г. Согласно «Комплексному плану развития основных отраслей хозяйства Остяко-Вогульского округа», в национальном округе на конец 1933 г. было учтено 32 000 человек⁷².

Исходя из новых данных, выявленных на основе архивных документов, количество спецпереселенцев на каждом этапе ссылки с 1930 по 1933 гг. в Остяко-Вогульском округе составило:

Таблица 2

**Этапы ссылки и количество ссыльных
в Остяко-Вогульский округ в 1930—1933 гг.⁷³**

Этапы ссылки	Количество семей	Общее число ссыльных
I этап (с февраля 1930 г. до весны 1931 г.)	4 663	23 315
II этап (с весны 1931 г. до апреля 1932 г.)	6 909	33 800
III этап (с апреля 1932 г. до весны 1933 г.)	6 459	32 000

Данная таблица помогает выявить тенденцию к увеличению численности спецпереселенческого населения на каждом из этапов. Наибольшее количество спецпереселенцев в Остяко-Вогульском спецлагере было на втором этапе крестьянской ссылки.

Однако «кулацкая» ссылка постоянно пополнялась новыми партиями спецпереселенцев. В 1932 г. на Урал прибыло 10 107 крестьян, в 1933 г. — почти в 3 раза больше — 33 920 человек⁷⁴. В ряде районов спецпереселенцы превысили численность местных жителей, в других — составили значительную часть населения. Вместе с тем, общая численность ссыльных в Остяко-Вогульском округе на третьем этапе ссылки уменьшилась. Думается, что данная тенденция объяснялась возрастанием смертности и снижением рождаемости в ссылке, а также бегством.

Анализ количественных данных по этапам ссылки позволяет нам предположить, что количество спецпереселенцев, находившихся на территории Остяко-Вогульского округа в рассматриваемый период составляло 49 763 человека — это те, кто пережил транспортировку и сумел выжить вопреки неблагоприятным условиям.

Учет велся по живым спецпереселенцам. Не обнаружены документы, содержащие сведения о смертности в период транспортировки и на месте дислокации. Очевиден разрыв между показателями, предназначенными к выселению, и реально уцелевшими, выжившими людьми. Если предположить, что в Тобольский округ было отправлено 150 000 человек, определенных к размещению на территории Северо-Западной Сибири, то погибшие составили почти 2/3 от общего числа спецпереселенцев.

Примечания

¹ Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927—1932 гг. / Под ред. В.П.Данилова и Н.А.Ивницкого. М., 1989. С. 5.

² Бакунин А.В. История советского тоталитаризма. Екатеринбург, 1997. Кн. 2. Апогей. С. 80.

³ Загороднюк Н.И. Перспективы и реалии экономического развития Северо-Западной Сибири в годы первых пятилеток // Д.И.Менделеев и Сибирь: история и современность. Тобольск, 1999. С. 33.

⁴ Красильников С.А. Серп и Молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003. С. 62—63.

⁵ Там же. С. 63.

- ⁶ Бакунин А.В. История советского тоталитаризма. С. 80.
- ⁷ Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. М., 2004. С. 14.
- ⁸ Политбюро и крестьянство: высылка, поселение. 1930—1940 гг. // Отв. ред. Н.Н.Покровский. М., 2005 Кн. 1. С. 50.
- ⁹ Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. С. 290.
- ¹⁰ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы: В 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929 — декабрь 1930 г. / Под ред. В.П.Данилова, Р.Маннинг, Л.Виолы. М., 2000. С. 19.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Документы свидетельствуют. С. 330.
- ¹³ Тепцов Н. В дни великого перелома. Серия XX век: История. Лики, лица, личины. История коллективизации, раскулачивания и крестьянской ссылки в России (СССР) в письмах и воспоминаниях. 1929—1933 гг. М., 2002. С. 139—140.
- ¹⁴ Красильников С.А. Серп и Молох. С. 21.
- ¹⁵ Роголина Н.Л. Коллективизация: уроки пройденного пути. М., 1989. С. 119.
- ¹⁶ Красильников С.А. Серп и Молох. С. 22.
- ¹⁷ Алексеева Л.В. О раскулаченных спецпереселенцах в северных регионах Уральской области (нач. 1930-х гг.) // Открывая Родину — узнаешь себя. Излучинск, 1999. С. 24.
- ¹⁸ Красильников С.А. Серп и Молох. С. 24.
- ¹⁹ Политбюро и крестьянство... Кн. 2. С. 328.
- ²⁰ Там же. С. 607—612.
- ²¹ Загороднюк Н.И. Ссылка крестьян в Северо-Западную Сибирь. 1929—1940 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Тобольск, 1999. С. 85.
- ²² Красильников С.А. Серп и Молох. С. 24.
- ²³ ГАСО. Ф. 88. Оп. 21. Д. 51. Л. 154.
- ²⁴ Алексеева Л.В. Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера в 1917—1947 гг. Трансформация хозяйственного уклада. Екатеринбург, 2003. С. 184—188.
- ²⁵ См.: Алексеева Л.В. Документы, извлеченные из Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО) // Западная Сибирь: история и современность. Екатеринбург, 2000.
- ²⁶ Там же. С. 174.
- ²⁷ Базаров А.А. Дурелом, или господ колхозники. Курган, 1997. С. 159.
- ²⁸ «Чтобы помнили...» // Новости Югры. 2000. 17 октября.
- ²⁹ Алексеева Л.В. Северо-Западная Сибирь в 1917—1941 гг.: национально-государственное строительство и население. Нижневартовск, 2002. С. 214.
- ³⁰ Там же. С. 213.
- ³¹ Там же. С. 194.
- ³² Там же.
- ³³ Алексеева Л.В. Экономическое развитие... С. 184—188.
- ³⁴ Яцун К.С. Организация спецпоселков в Сургутском районе (1930 г.) // Сургут в отечественной истории. Сургут, 2001. С. 82.
- ³⁵ Алексеева Л.В. Экономическое развитие... С. 187.
- ³⁶ ГАОПОТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 115. Л. 1.
- ³⁷ Люди «третьей категории» // Новости Югры. 2001. 3 февраля.
- ³⁸ От нас держались подальше... // Тюменский комсомолец. 1988. 14 сентября.

- ³⁹ И мы кричали: «За Родину, за Сталина!» // Тюменская правда. 1988.
- ⁴⁰ Добринский Берег // Новости Югры. 2002. 19 января.
- ⁴¹ Кондрашева Л. Крестьянская ссылка... С. 37—38.
- ⁴² Население России в XX веке: В 3 т. М., 2000. Т. 1. С. 320.
- ⁴³ Бакунин А.В. История советского тоталитаризма. С. 89.
- ⁴⁴ Базаров А.А. Хроника колхозного рабства. М., 2004. С. 214.
- ⁴⁵ Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. С. 40.
- ⁴⁶ Роголина Н.Л. Коллективизация: уроки пройденного пути. С. 124.
- ⁴⁷ Бакунин А.В. История советского тоталитаризма. С. 87.
- ⁴⁸ Земсков В.Н. Демография заключенных, спецпереселенцев и ссыльных (30—50-е годы) // Мир России. 1999. № 4. С. 114—115.
- ⁴⁹ Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. С. 40.
- ⁵⁰ Там же. С. 42.
- ⁵¹ Зеленин И.Е. Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» (осень 1930—1932 гг.) // История СССР. 1990. № 6. С. 35.
- ⁵² Население России в XX веке. С. 281.
- ⁵³ Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. С. 72.
- ⁵⁴ Алексеева Л.В. Экономическое развитие... С. 48.
- ⁵⁵ Базаров А.А. Дурелом, или господа колхозники. Кн. 1. С. 164.
- ⁵⁶ Прибыльский Ю. Спецпереселенцы // Тюменская правда. 1988. 14 декабря.
- ⁵⁷ Постников С. Спецпереселенцы на Урале. С. 35.
- ⁵⁸ Загороднюк Н.И. Ссылка крестьян в Северо-Западную Сибирь. С. 85.
- ⁵⁹ Петрушин А.А. Мы не знали пощады... Известные, малоизвестные и неизвестные события из истории Тюменского края по материалам ВЧК — ГПУ — НКВД — КГБ. Тюмень, 1999. С. 134.
- ⁶⁰ Алексеева Л.В. Северо-Западная Сибирь в 1917-1941 гг.: политическая, экономическая и культурная трансформация: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2004. С. 30.
- ⁶¹ Подсчитано по: Алексеева Л.В. Северо-Западная Сибирь в 1917—1941 гг.: национально-государственное строительство и население. С. 197.
- ⁶² ГАСО. Ф. 88. Оп. 21. Л. 92—101 об.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ ГАОПОТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 14.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Алексеева Л.В. Экономическое развитие... С. 187.
- ⁶⁷ Красильников С.А. Серп и Молох.
- ⁶⁸ ГАОПОТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 24. Л. 36.
- ⁶⁹ Там же. Д. 110.
- ⁷⁰ Алексеева Л.В. Северо-Западная Сибирь в 1917—1941 гг.: национально-государственное строительство и население. С. 200.
- ⁷¹ Там же. С. 188.
- ⁷² ГАОПОТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 110. Л. 49.
- ⁷³ Сост. по: ГАОПОТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 110. Л. 49.
- ⁷⁴ Славко Т.И. Кулацкая ссылка на Урале 1930—1936 гг. // Десять новых учебников по историческим дисциплинам. М., 1995. С. 73.

Глава 4

О СОСТОЯНИИ ЖИВОТНОВОДЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ В ХАНТЫ-МАНСИЙСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ОКРУГЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В первые месяцы войны сельскому хозяйству страны был нанесен огромный материальный ущерб. Страна лишилась около половины своих посевных площадей и около половины поголовья скота. К концу 1941 г. число колхозов в стране сократилось более чем на 30%, совхозов — на 35%, МТС — на 31%. Число трудоспособных в колхозах сократилось на 44%¹. В тех условиях необходимо было мобилизовать имеющиеся сельскохозяйственные ресурсы в восточных районах страны, в том числе в Сибири и на Крайнем Севере для снабжения армии и населения продуктами питания. 16 августа 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП (б) ввели в действие разработанный с участием больших коллективов специалистов конструктивный народно-хозяйственный план на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. для районов Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии. Это была обширная и долговременная программа (с последующими коррективами в ходе войны)², которая сыграла мобилизационную роль в экономическом развитии Ханты-Мансийского национального округа, в том числе и его аграрной сфере. К зиме 1941 г. сельское хозяйство Сибири уже испытывало огромные трудности. Развитие сельскохозяйственного производства в районах, малопригодных, а подчас и вовсе непригодных с природно-климатической стороны для аграрного сектора, является феноменальным явлением в истории мировой сельскохозяйственной практики и нуждается в изучении и осмыслении. В данном разделе представлены некоторые результаты исследования состояния животноводства округа в военное время. Автор не ставит задачи рассмотрения вопросов, связанных с условиями труда и его мотивацией, взаимоотношениями органов власти и работников сельского хозяйства³, ценой достигнутых в животноводстве результатов. На данном этапе лишь систематизируется фактографический материал по теме.

Стоит заметить, что специальных работ, посвященных истории развития животноводства округа в условиях военного времени,

практически не создано. В работах М.Е.Бударина, Л.Е.Киселева, Б.У.Серазетдинова и ряда других историков приведены некоторые сведения, однако они, как правило, носят отрывочный характер. К числу проблем, подлежащих изучению, относятся: виды, численность скота и распределение его по типам хозяйств; мероприятия в животноводстве; производство животноводческой продукции и заготовки, а также организация труда и трудовые ресурсы отрасли.

В Сибири к началу 1942 г. весьма заметно сократилось поголовье рабочего скота. За первые полгода войны колхозы Западной Сибири дали фронту 24,3% лошадей от общей численности имевшегося конского поголовья. Не стал исключением и Ханты-Мансийский округ. О причинах резкого сокращения поголовья скота в 1941—1942 гг. позволяют судить в том числе мероприятия по перегону. План перегона скота в округе на прокорм зимы 1941/42 г. предусматривал движение 3 415 голов со всеми вытекающими последствиями, в том числе падежом⁴. Одной из причин сокращения поголовья являлся вынужденный забой скота. Постановление окрисполкома от 13 ноября 1941 г. разрешало произвести колхозам продажу на забой и в порядке децентрализованных заготовок крупного рогатого (бруцеллезного) и малопродуктивного скота в количестве 6 260 голов, а также 2 500 голов овец⁵.

Сокращение поголовья в 1941—1942 гг. заставило ЦК ВКП (б) и СНК СССР в 1943 г. и последующие годы принять ряд специальных постановлений об исправлении положения, создавшегося в животноводстве национальных районов Сибири. Выполняя их, партийные и советские органы на местах, прежде всего, усилили внимание к заготовке кормов, ремонту животноводческих помещений, сохранению поголовья молодняка, улучшению породы стада и т.д.⁶

В апреле 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление о мерах сохранения молодняка и увеличения поголовья скота в колхозах и совхозах. Соответствующие планы были приняты для животноводства Омской области и ее округов. План развития животноводства на 1942 г. для Ханты-Мансийского округа был очень высокий, он, по сути, предусматривал увеличение поголовья чуть ли не вдвое. Например, для Ларьякского района он выглядел следующим образом: увеличить поголовье крупного

рогатого скота на 35%, лошадей — на 19%, свиней на 59%, овец на 16%. Надоить от каждой фуражной коровы не менее 1 000 л молока⁷. Сокращение численности скота в 1941—1942 гг. и соответствующее постановление высших органов власти заставило окрисполком принять решение от 21 ноября 1942 г. «Об установлении численности скота на 1 января 1943 г.». Окрстатуправлению поручалось установить численность поголовья по колхозам, совхозам и подсобным хозяйствам на основе действующей оперативной отчетности, по другим хозяйствам — на основе разовой отчетности, а также на основе похозяйственных книг⁸. Установление численности поголовья в округе — весьма сложная задача. Нами обнаружены совершенно иные показатели, существенно отличающиеся от статистики, введенной в научный оборот предшественниками. Поголовье скота на 1 декабря 1943 г. в округе составляло: КРС — 17 531; лошади — 9 995; овцы — 7 397; свиньи — 2 108⁹. В.Е.Иваненко считает, что в годы войны поголовье всех видов скота резко сократилось, но уже с 1943 г. начало увеличиваться и к 1951 г. достигло довоенного уровня¹⁰. Данные, приведенные Б.У.Серазетдиновым, также свидетельствуют о сокращении поголовья в первые военные годы и его некотором увеличении в 1943—1944 гг.

Таблица 1

Численность поголовья в ХМНО (1941—1944 гг.)¹¹

Виды скота	1941	1942	1943	1944
крупный рогатый скот	16868	15325	17595	17892
лошади	13578	4523	4823	9637
овцы	6610	5651	7149	7008
свиньи	1668	2953	1795	1607

Из данных таблицы видно, что в 1944 г. в сравнении с предыдущим годом наблюдается прирост лишь крупного рогатого скота. Сопоставляя с данными 1942 г., можно зафиксировать устойчивый прирост по всем показателям, за исключением свиноводства.

На основе постановления ЦК ВКП (б) от 22 февраля 1944 г. «О мерах по подъему сельского хозяйства в Омской области» для округа был утвержден государственный план развития животноводства на 1944 г., предусматривавший рост общественного

поголовья лошадей на 8,9%, крупного рогатого скота на 8,3%, в том числе маточного поголовья на 2,9%, овец на 8,2%, в том числе овцематок на 2,6%, свиней на 7,5%.

Таблица 2

**Поголовье скота в общественном животноводстве округа
за 1943—1944 гг.**

Вид скота	1943 г.	1944 г.	% прироста/убыли
Лошади	9 813	10 250	+4,4%
КРС	17 595	19 017	+8,8%
овцы	7 004	6 797	-2,7%
свины	1 860	1 721	-7,5

Следовательно, государственный план развития животноводства удалось выполнить только по крупному рогатому скоту, хотя прирост поголовья наблюдался и по лошадям. Передовым районом по развитию животноводства являлся Микояновский район, выполнивший план по всем видам скота. Отстающим являлся Кондинский район, выполнивший план в среднем на 85%¹². Отдельные колхозы продемонстрировали высокие производственные показатели роста животноводства. Например, в Ларьякском районе колхозом им. Калинина (д.Мега) за 11 мес. 1943 г. план был не только выполнен, но и перевыполнен: по росту поголовья КРС на 108,1%, свиней — на 170%, овец на 106%¹³. Государственный план выращивания молодняка выполнен по округу в следующем виде:

Таблица 3

План выращивания молодняка в округе в 1944 г.¹⁴

Вид животных	План	Фактически	План выполнения (в %)
жеребята	1 500	1 377	91,8
телята	6 300	5 290	83,9
ягнята	3 100	1 822	58,5

Невыполнение плана связано с разными причинами, в числе основных — содержание и уход, отсутствие мероприятий по сохранению поголовья на всех этапах.

На начало января 1945 г. в округе было учтено более 58 000 голов скота всех видов. Наблюдается прирост крупного рогатого

скота, основное поголовье которого было сосредоточено в колхозах на МТФ.

Таблица 4

Поголовье скота в округе на 1 января 1945 г.¹⁵

	КРС	Свиньи	Овцы	Лошади
Колхозы	17 511	1 548	6 255	9 275
Колхозники	7 373	195	2789	88
Единоличники	266	3	168	25
Рабочие и служащие	6 605	88	864	216
Кооп. и гос. организации	1 578	688	143	3 291
Всего на 1.01.1945 г.	33 328	2 522	10 219	12 895
Всего на 1.07.1944 г.	31 993	2 662	12 003	12 986
Прирост/убыль	+1 335	-140	-1 784	-91

Распределение крупного рогатого скота по хозяйствам свидетельствует, что почти 50% находилось в колхозах, а 40% сосредотачивалось в приусадебных хозяйствах колхозников, рабочих и служащих, т.е. в частном секторе.

За годы войны произошло увеличение количества животноводческих ферм в колхозах Ханты-Мансийского округа. Однако какого-либо научного обоснования оптимальных размеров и размещения животноводческих ферм в те годы еще не имелось, а ведь это является одним из необходимых условий увеличения производства животноводческой продукции при минимальных затратах¹⁶.

Таблица 5

Количество животноводческих ферм в колхозах ХМНО в 1940—1944 гг.¹⁷

Специализация	1940 г.	1942 г.	1944 г.
Молочно-товарные	191	207	250
Свиноводческие	82	73	78
Овцеводческие	113	124	134
Кролиководческие	48	73	70
Всего:	434	477	532

В 1943 г. в колхозах округа насчитывалось 466 животноводческих товарных ферм, а по состоянию на 1 января 1944 г. их имелось

532, в том числе: молочно-товарных (МТФ) — 250, свиноводческих (СТФ) — 78, овцеводческих (ОТФ) — 134 и коневодческих (КТФ) — 70.

Молочно-товарные фермы имели не только колхозы. Поскольку округ находился фактически на самообеспечении продуктами питания, фермы заводили и другие хозяйственные организации, например, Горпо. Данная ферма предоставляла продукцию для организации питания закрытых и лечебных учреждений п.Ханты-Мансийск. Дойное стадо насчитывало 74 головы. Общее поголовье составляло 130¹⁸.

Для обеспечения функционирования отрасли требовалось проведение целого комплекса мероприятий, в числе которых: заготовка кормов и их доставка, перегон скота на зимовку в стойловый период, оборудование помещений, ремонт, строительство и др. В условиях войны правительство СССР приняло меры, направленные на развитие и укрепление животноводства, где создание кормовой базы имело решающее значение. Невозможность выполнения требований рациона кормления животных заставила руководство всех уровней сделать ставку на использование естественных кормовых угодий путем отгонного животноводства¹⁹. Положение с кормами в округе в годы войны оставалось напряженным, а иногда просто катастрофическим. Одной из причин являлась труднодоступность кормовых ресурсов. И хотя в округе имелись обширные луговые пространства, заготовить сено было очень не просто. Луга — это особый тип растительности, который слагается в основном из многолетних травянистых растений. Различают луга первичные, образованные на длительно заливаемых поймах, и вторичные, образованные на месте сведенных лесов и кустарников, осушенных болот и озер. Также различают луга материковые, пойменные и горные. На территории ХМАО распространены преимущественно пойменные луга. Основные из них (до 90%) расположены в пойме р.Оби и сравнительно небольшие — по притокам Оби: Конде, Северной Сосьве, Ваху и др. Луга простираются на протяжении свыше 1200 км при ширине поймы от 15 до 40 км. Общая площадь пойменных земель в регионе составляет свыше 3 млн. га. Пойменные луга занимают до 50% общей площади поймы или 1 млн. 500 тыс. га. Луговая площадь значительно увеличивается за счет уменьшения водного пространства²⁰.

Н.М.Кокосов с группой ученых дали подробную характеристику лугам Обь-Иртышья²¹. Луга в пойме Оби и Иртыша по своему геоботаническому составу относятся к следующим основным типам: злаково-разнотравные, вейниковые, осоково-канареечниковые, осоковые, разнотравные. Материковые луга в регионе занимали незначительные площади. Пользование лесными лугами в том виде, в каком они были представлены, почти невозможно. Для их освоения требовалось сведение леса, сжигание лесосечных остатков, удаление пней и рыхление поверхности почвы корчевальной бороной.

Наиболее качественные по составу луга использовались для заготовки сена. Сенокосами считаются земли, систематически используемые для сенокосения. Сенокосы в регионе подразделялись на заливные — расположенные в речных долинах, систематически заливаемые на некоторый период полыми водами, суходольные — расположенные на равнинных участках, водоразделах, склонах балок, и заболоченные — избыточно увлажненные притеррасные участки поймы, а также окраины болот²². По сведениям В.Новицкого, сенокосные угодья располагались в долине Иртыша и Оби, в поймах рек Назым, Согом, Сеульская, Салым; занимали длинные полосы возле рек, проток, на высоких гривах, заливавшихся на незначительное время. Полосы имели длину 5—7 и 10 км в длину и в ширину достигали до 200 метров, редко встречались массивы округлой конфигурации²³, что более удобно для сенокосения и формирования копен.

Весенние разливы затапливали громадные пространства, образуя обширные рыболовные водоемы. После спада застойной воды на таких лугах часто оставались иловатые места, а травы не росли. Если же вода убывала быстро, то по всей пойме Оби и Иртыша наблюдался хороший травостой. Сенокосные луга были почти все заливные: период косьбы обычно начинался с 20 июля и продолжался по 10 сентября²⁴.

Наиболее обстоятельную характеристику лугам Оби и Иртыша дал М.К.Барышников. Им были выделены 3 крупных массива, освоение которых должно было начаться с 1932 г.: 1) Лобановский массив (Сургутский район) площадью в 362 тыс. га; 2) Обский массив (Самаровский район) площадью в 393 тыс. га; 3) Массив в нижнем течении Иртыша (Самаровский район) площадью в 40 тыс. га²⁵.

Таким образом, регион располагал большими ресурсными возможностями для кормовой базы, однако обширность и затопляемость, удаленность затрудняли использование лугов. Уже в первом военном году в результате наводнения затопленными оказались большие площади лугов, пастбищ и сенокосных угодий, что отрицательно отразилось на заготовке кормов. В тех условиях 1 июля 1941 г. окрисполком принял решение о заготовке веточного корма для общественного животноводства (т.е. для поголовья колхозов), этот вопрос обсуждался на совместном заседании с Окружкомом еще 28 июня 1941 г. Окрисполком утвердил план заготовки веточного корма по колхозам округа.

Таблица 6

План заготовки веточного корма по колхозам округа на стойловый период 1941—1942 гг.²⁶

№	Район	План (т)
1	Самаровский	14 000
2	Кондинский	7 000
3	Микояновский	8 000
4	Сургутский	7 000
5	Березовский	4 000
6	Ларьякский	3 000
	Итого	43 000

Решение предписывало создать в каждом колхозе бригады по заготовке веточного корма, довести плановые задания и приступить к заготовке не позднее 1 июля. Работу требовалось закончить к 1 августа. Следовательно, заготовка осуществлялась в наиболее благоприятные сроки, чем достигалось качество веточного корма (следует добавить, что в заготовку шли ветки хорошо облиственные и толщиной 0,5—1 см.).

Окрисполком 15 августа 1941 г. вновь рассмотрел вопрос о ходе заготовки кормов для колхозного скота в округе. В решении записано: «Ометить, что райисполкомы и земельные органы округа не приняли действенных мер к выполнению плана заготовки кормов для скота. Колхозы Кондинского района выполнили план сенокосения всего лишь на 8,1%, силосования на 66%, хотя имеют полную возможность к окончанию заготовки кормов к началу уборки хлебов». Там же указывалось, что неудовлетворительно

шла заготовка веточного силоса. План заготовки выполнен Самаровским районом на 37%, Микояновским — на 30,6%, Сургутским — на 10%, Березовским — на 3,4%, а в Ларьякском районе к заготовке силоса из веток еще не приступили²⁷.

21 августа 1941 г. окрисполком принял решение о привлечении населения округа к работам по заготовке кормов для скота. В сенокосении, силосовании принимали участие учителя, медицинские работники, служащие, подростки. Все граждане подлежали учету и привлекались к заготовке кормов. На местах формировались бригады, которые затем доставлялись к месту работы. Для населения организовывалось горячее питание, согласовывались с колхозами формы оплаты их труда. Освобождались от привлечения к заготовке кормов инвалиды, нетрудоспособные граждане, беременные женщины за 8 недель до родов, роженицы — 8 недель после родов, женщины, кормящие грудью и имеющие детей до 8-летнего возраста (если за ними некому было присматривать), учащиеся школ в начале учебного года²⁸. В первом номере газеты «Стахановец» (4 сентября 1941 г.) сообщалось о работе женщин с. Нижневартковского на заготовке кормов. За 12 дней вручную ими было накошено 300 ц сена, из которых 235 ц сгребли и сложили в копны, и заготовили 50 т веточного корма²⁹. При косьбе травы на сено использовались простейшие орудия труда: косы, конные косилки, грабли³⁰. Окружной комитет Коммунистической партии поставил перед Сельскохозяйственным Опорным пунктом округа вопрос изучения эффективности использования древесного корма. Опорный пункт разработал технологию закладки силоса из веток тальника, березы, осины, ольхи, рябины, заготовки веников. Учитывая острое положение с грубыми кормами, Опорный пункт ускоренно провел опыт «Влияние скармливания измельченного на соломорезке древесного корма на продуктивность животных», получил положительные результаты по нему и немедленно включился во внедрение этого мероприятия в колхозы. Специалистами был поднят вопрос об организации талорезного обоза для обслуживания колхозов, переживавших в связи с наводнением большие трудности из-за недостатка сена. Опорный пункт разработал маршрут следования обоза, наметил колхозы, хуже обеспеченные кормами, выделил сотрудника для инструктажа по подготовке древесного корма. Обоз функционировал 50 дней, за это время в

шести колхозах Коневского и Зенковского сельских советов было измельчено 28,7 тонн веток с применением конной либо ручной соломорезки. Новшеством опытной работы Опорного пункта в 1945 г. стало проведение исследований по кормодобыванию и селекции. Началась работа по изучению условий, благоприятствующих наличию дикого клевера в травостое лугов и пастбищ³¹.

В округе на зиму 1941—1942 гг. было заготовлено сена 64,2% к плану; соломы — 52,7%; силоса — 121,6%. В Ларьякском районе, например, в колхозах «им. Калинина», «им. Сталина», «Рыбак Сибири», «Ударник 2-й пятилетки», «Верте-Кос» заготовили по 4 с лишним тонны сена на каждую голову крупного рогатого скота, много заготовили веточного корма и силоса. В колхозе «Красное знамя» накосили всего по 1 т на голову крупного рогатого скота³². В постановлении окрисполкома от 13 ноября 1941 г. требовалось в каждом колхозе взять все корма на учет правления колхозов. До 20 ноября должны были составить кормовые балансы и планы³³. Однако ситуация с кормами была очень тяжелой. В Березовском районе на 1 декабря 1941 г. недоставало 330 т сена. В районе отсутствовал учет кормов. Кормовой баланс не составлялся³⁴. В трудную пору окрисполком обязывал организовать в колхозах постоянные бригады по заготовке древесного корма в зимний период (тальник). Бригадам давались ежедневные задания и устанавливался строгий учет их выполнения³⁵. Например, сотни сургутян стали заготавливать для скота веточный корм, кору. Колхозники Сургутского района от мала до велика при активной помощи горожан успешно справились с планом заготовки кормов и готовы были принять для прокорма 2000 голов скота из других районов округа. Всего в Сургутском районе первым военным летом 950 пионеров и школьников заложили 65 т силоса и заготовили 150 т веточного корма.

Увеличенный план развития животноводства на 1942 г. еще более обострил проблему расширения кормовой базы. Нужно было увеличить заготовку грубых и сочных кормов. В Ларьякском районе ситуация с заготовкой кормов была неодинаковой по отдельным колхозам. Хорошо обеспечены кормами были колхоз им. Куйбышева и «Новая жизнь», плохо обстояло дело с кормами в колхозах Мегионском, Нижневартовском, Соснинском, где разразился падеж скота. Районная газета писала: «Задача колхозных

руководителей состоит в том, чтобы разъяснить колхозникам и колхозницам о необходимости отдать все свои силы на успешное проведение работы по обеспечению скота кормами, чтобы над этим сейчас работали не покладая рук, от зари до зари. В каждом колхозе в соответствии с планом необходимо создать постоянные бригады или звенья по заготовке кормов. Каждое звено, бригада и колхозник должен иметь задание и график выполнения»³⁶.

Постановление окружкома ВКП (б) и окрисполкома требовало окончить сенокошение и силосование к 1 августа 1942 г. В Ларьякском районе план по сенокошению на 8 августа был выполнен на 27% и силосованию на 55%³⁷. 24 августа 1942 г. окрисполком в своем постановлении указал на неудовлетворительную работу по заготовке кормов в Кондинском и Сургутском районах³⁸. По состоянию на 20 августа по Кондинскому району план сенокошения выполнен только на 28,5%, по силосованию на 51,3%. По Сургутскому району план сенокошения выполнен на 39,3%, а по силосованию на 6,9%³⁹. Б.У.Серазетдинов утверждает, что многие колхозы округа в 1942 и 1943 гг. полностью обеспечили поголовье лошадей фуражом (до этого в округ завозили на фураж овес и ячмень)⁴⁰, с чем можно согласиться, так как округ был снят с государственного снабжения.

Плохо обстояло дело с концентрированными кормами для животных. Их, по сути, в округе не имелось. Окрисполком вынужден был искать различные способы решения этой проблемы. К примеру, чтобы обеспечить маточное поголовье свиней комбикормами зимой 1941—1942 гг., окрисполком запросил разрешение облисполкома об использовании завезенного потребкооперацией овса в количестве 420 т⁴¹.

Постановление Омского обкома ВКП(б) и облисполкома от 17 июня 1944 г. «О мерах по обеспечению кормами скота колхозов и совхозов области на 1944—1945 гг.» было направлено на решение проблемы обеспечения животноводства кормами. Устанавливались пятидневные и суточные задания по сенокошению и силосованию для каждой бригады и звеньев. Райисполкомы должны были предоставить к 26 июня и 25 июля 1944 г. отчеты о проведении сеноуборки и силосования кормов⁴². Обеспеченность кормами в зимний стойловый период 1944—1945 гг. также не отличалась от предыдущих. План заготовки кормов по округу был

выполнен в следующих размерах: по сенокошению на 84%, по силосованию на 67,3%⁴³.

Заготовленные корма нужно было доставить к местам стойлового содержания животных. По вывозу кормов в колхозы округа ОКРЗО составлялся ежегодный план, который утверждался окрисполкомом. Так, заседание окрисполкома от 19 ноября 1941 г. утвердило график вывозки сена в колхозы округа. План вывозки доводился до каждого колхоза. Окрисполком информировали о вывозе кормов каждую пятидневку⁴⁴. Как показывают документы, график вывозки кормов не соблюдался, корма подвозились несвоевременно⁴⁵. Например, в районной газете Ларьякского района на этот счет указывалось: «Колхозов, заботящихся о своевременном подвозе кормов к фермам единицы, большинство же руководителей колхозов ограничивается рассуждениями о трудностях и ничего не предпринимают для того, чтобы трудности преодолеть и обеспечить колхозному скоту сытую и теплую зимовку»⁴⁶.

Несмотря на мощную пропаганду, жесткий административный контроль, ситуация с заготовкой кормов ежегодно оставалась примерно одинаковой. Всегда были колхозы, которые не справлялись по разным причинам с заготовкой. И никакие призывы и угрозы не помогали решить проблему⁴⁷.

Важнейшим животноводческим мероприятием являлся перегон скота на зимовку в стойловый период. В связи со сложившейся обстановкой бюро Омского обкома ВКП (б) 27 октября 1941 г. рассмотрен вопрос организации зимовки скота в колхозах Ханты-Мансийского округа. 31 октября бюро Омского обкома ВКП (б) приняло постановление «О мероприятиях по организации зимовки скота в колхозах Ханты-Мансийского округа»⁴⁸. 13 ноября окружком ВКП (б) принял соответствующее постановление о перегоне скота на зимовку. В тот же день состоялось заседание окрисполкома, где соответствующий вопрос получил рассмотрение. Через неделю, 24 ноября на заседании окрисполкома рассматривался вопрос о ходе перегона скота из Самаровского района в другие районы округа. Из протокола следует, что сроки перегона сорваны, и постановление окружкома партии выполняется неудовлетворительно. Критиковалась деятельность председателя Самаровского РИКа Старкова, допустившего медлительность в решении данного вопроса. Отмечалась неукомплектованность гуртов, не был

завершен осмотр скота в 9 колхозах района. Из 27 колхозов Самаровского района перегон скота начали лишь 11. Указывалось на отсутствие мест подкормки на маршруте перегона (не были завезены овес и сено), отправку гуртов без запаса кормов. Колхозники Зенково вышли с гуртом пьяные. В решении окрисполкома содержалось требование о завершении подготовки перегона скота (к 26 ноября завершить вывозку кормов на подкормочные пункты маршрута) в округе в целом⁴⁹.

Таблица 7

Перегон скота в ХМНО в ноябре 1941 г.⁵⁰

Районы	КРС	Лошади
Из Самаровского района в Сургутский	990	197
Из Микояновского района в Сургутский	354	419
Из Самаровского района в Кондинский	1055	400

О сложности проведения данного мероприятия свидетельствует содержание протоколов заседаний окрисполкома, где детализировались все этапы указанного процесса: рекомендовались места, куда следовало осуществить перегон скота, окружком партии и окрисполком разрабатывали маршруты перегона скота; учитывалось обеспечение участка перегона кормами и т.д. Проведенные мероприятия должны были обеспечить сохранность основного поголовья скота. Ответственность за перегон возлагалась на первых секретарей РК ВКП (б) и председателей РИКов. В районы командировались ответственные работники партийного и советского аппарата для осуществления контроля за перегоном скота.

В соответствии с апрельским постановлением 1942 г. о мерах сохранения молодняка и увеличения поголовья скота в колхозах и совхозах округа обязаны были в двухмесячный срок разработать мероприятия по организации отгонного содержания скота и лошадей на летних и зимних пастбищах⁵¹.

Ремонт, утепление и строительство животноводческих помещений — еще один участок работ в животноводстве. Во всех районах округа предпринимались меры по достройке, ремонту и утеплению скотных дворов, проводились соответствующие работы и в Ларьякском районе⁵². Однако в 1941 г. обеспеченность типовыми помещениями в Ханты-Мансийском округе не была полной

и составляла по конюшням лишь 23%, коровникам и телятникам — 70,7%, свиарникам — 91,3%. В решении окрисполкома от 24 августа 1942 г. содержится информация о невыполнении в Кондинском и Сургутском районах плана строительства животноводческих построек. Например, в Кондинском районе вместо 23 объектов было построено только 2 скотных двора, а в Сургутском, несмотря на нехватку типовых помещений для скота на 24%, к их сооружению и вовсе не приступили⁵³. В 1944 г. обеспеченность типовыми конюшнями в округе составляла 28,6%, скотными дворами для КРС — 53,3%, телятниками — 67%, свиарниками — 14%, типовых овчарен в округе вовсе не имелось. Планы колхозного строительства по животноводству ежегодно не выполнялись⁵⁴. Например, в колхозах Ларьякского района в 1944 г. подготовка к стойловому периоду была осуществлена лишь наполовину. «В Нижневартовском колхозе “Красное знамя” родильные помещения для скота и овчарни все еще не подготовлены. Типовой скотный двор, который в колхозе считают отремонтированным — не застеклен, в окна попадает снег и ветер»⁵⁵.

Перераспределение скота — явление, весьма распространенное в животноводстве округа. Оно осуществлялось с разрешения райисполкомов, действовавших на основе решений окрисполкома по разным причинам. Ими могли быть выравнивание поголовья на фермах районов, обеспеченность кормами, эпизоотическая обстановка, пополнение стада и т.д. Например, 13 ноября 1941 г. окрисполком в своем постановлении разрешил перераспределение скота путем продажи между колхозами районов в соответствии с наличием заготовленных кормов⁵⁶. Помимо этого, каждой животноводческой бригаде давалось поручение по вывозу навоза. Ответственность за это нес заведующий фермой. По плану посевной кампании 1944 г. следовало вывезти 52 000 т навоза. Всего было вывезено 12 476 т, т.е. 24%⁵⁷.

Продукция животноводства подлежала государственным заготовкам. В первый военный год решение о заготовках сельхозпродуктов принималось совместно на заседании окружкома ВКП (б) и окрисполкома 12 июля 1941 г. и повторно рассматривалось на заседании окрисполкома 15 июля⁵⁸. Больше всего в годы войны из-за заготовок пострадало поголовье лошадей. В соответствии с решением Омского облисполкома от 26 июля 1941 г., окрисполком

принял решение о заготовке лошадей в округе для конторы «Урал-золото» в количестве 200 голов (Самаровский — 90, Микояновский — 50, Сургутский — 60)⁵⁹. В соответствии с решением бюро Омского Обкома ВКП (б) и облисполкома от 9 августа 1941 г. окружной исполком 21 августа принял решение о заготовке в округе 80 голов лошадей. Лошадей должны были предоставить Ларьякский (30 голов) и Сургутский (50 голов) районы. Заготовки осуществлялись для Омской конторы «Химлессырье»⁶⁰.

25 сентября 1941 г. окрисполком принял очередное решение о заготовке лошадей для треста № 4 Авиапрома, предписанное облисполкомом 10 сентября. Заготовке подлежало 75 голов. Самаровский район должен был обеспечить поставку 35 голов, а Микояновский 40 голов⁶¹. 19 ноября 1941 г. окрисполкомом вновь рассматривался вопрос об организации перегона лошадей, покупаемых заготовительной организацией в колхозах округа. «Заготконь» осуществлял закупку лошадей и должен был доставить их своим ходом в г.Тобольск.

Насколько затратным было это мероприятие — нетрудно представить. Прежде чем приступить к перегону лошадей, необходимо было организовать доставку сена для подкормки лошадей в пути. Составлялся маршрут, устанавливались пункты кормления, и каждый район округа получал задание по подвозке кормов: Березовский — 6,4 т, Самаровский — 80,1 т, Микояновский — 54,9 т, Сургутский — 30,7, Кондинский — 313,3. Сено должны были свозить на Самаровский пункт «Заготконь». Скот гнали по Гаринскому тракту в сопровождении зооветработников⁶².

29 ноября 1941 г. окрисполком принял решение (на основе вышестоящего постановления облисполкома) о заготовке хозяйственно-пригодных лошадей Тобольским зверосовхозом в колхозах округа в количестве 150 голов. Из них в Самаровском районе — 100 голов, в Кондинском — 50⁶³. Закуп лошадей в округе осуществлялся в военное время регулярно, вплоть до окончания войны. Например, Тюменский облисполком 1 марта 1945 г. принял постановление о закупе лошадей в округе, на основе которого окрисполком 28 марта принял аналогичное решение. «Заготживконторе» разрешалось закупить 151 лошадь с разбивкой по районам: Самаровский — 50, Микояновский — 30, Сургутский — 35, Березовский — 20, Ларьякский — 15, Кондинский — 1⁶⁴.

Государственный план закупа молока колхозами принимался ежегодно. В 1941 г. его выполнение за 9 месяцев составило 75,1%. Окрисполком рассматривал данный вопрос на заседании 3 ноября 1941 г. Много упреков звучало в адрес Окраслопрома, работавшего, по мнению окрсовета, плохо. Окраслопром не выполнял договоры, заключенные с колхозами на поставку молока⁶⁵. Колхоз им. Куйбышева Нижневартовского сельсовета в 1941 г. имел план по молоку в размере 35 тыс. л. План был выполнен досрочно — колхозники надоили 49 тыс. л или 140% к заданию⁶⁶. В 1943 г. план выполнен на 111,4%, а именно вместо 1750 т молока по плану сдали 1950 т, или на 200 т больше, чем установлено по плану. В результате и план по производству масла в том году был выполнен тоже на 111,4%⁶⁷. Однако не все колхозы придерживались в своей работе направления роста продуктивности коров. Следовательно, надои были низкими и план не выполнялся. Например, в колхозах «Красное знамя», «Путь социализма» и др. Ларьякского района не была организована 3-разовая дойка, коровы доились не вовремя, пастба была организована плохо, молоко раздавалось учителям, счетоводам, председателям колхозов. В результате план по молоку за первое полугодие в районе был выполнен лишь на 46%⁶⁸. План закупа молока МТФ на 1945 г. составил 10 тыс. ц⁶⁹. Постановление Омского облисполкома от 31 января 1942 г. содержало плановые задания для ХМНО по заготовкам шерсти на 1942 г. и первый квартал 1943 г. в объеме 600 кг⁷⁰.

Таким образом, заготовкам подлежал достаточно широкий спектр животноводческой продукции. Животноводство на Обском Севере играло большую роль в снабжении населения продуктами питания и давало 40% всего валового дохода колхозов округа. Продукция животноводства в 1945 г. составила: мясо — 3 490 ц, шерсть — 75 ц, овчины — 1 667, шкуры олени — 4 293; молоко — 4 695 тыс. л⁷¹. Всего за годы войны было произведено 20 875 пудов масла⁷².

Животноводство ХМНО в годы войны в целом, несмотря на огромные трудности, сохранилось как отрасль сельского хозяйства: увеличилось поголовье, осуществлялись поставки продукции государству, детские учреждения, больницы и столовые обеспечивались необходимым минимумом продуктов питания. Основную тяжесть труда вынесли на своих плечах женщины и подростки.

Без их повседневного, тяжелого и изнуряющего труда едва ли бы мы победили. Долг всех ныне живущих — помнить об этом.

Примечания

¹ Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия / Гл. ред. М.М.Козлов. М., 1985. С. 645.

² Она определила деятельность народа по развитию всех отраслей экономики, новую систему ее финансирования, подготовку и переподготовку почти 80% рабочих промышленности, дальнейшие решения об установлении трудового режима военного времени, массовом привлечении к труду подростков, пенсионеров, женщин, о введении карточной продовольственной системы, подсобных личных хозяйств, увеличении посевов в восточных районах до 62 706 тыс. га, переводе железных дорог на военный график и порядке эвакуации из прифронтовых районов. См.: Совершенно секретно! Только для командования! М., 1967. С. 220, 365; Мерцалов А.Н. Великая Отечественная война в историографии ФРГ. М., 1989. С. 117; Кравченко Г.С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 121.

³ 1940-е гг., по замечанию В.П.Попова, стоят особняком в хронологическом ряду советской истории. Они прошли под знаком не только «горячей», но и «холодной» войны тоже, да и предвоенный период сопровождался усиленной милитаризацией всего народного хозяйства страны. Многие историки именно в этом видят ключ к объяснению сверхцентрализации, сверхжестокости методов государственного регулирования экономики, некую своеобразную цену победы в Великой Отечественной войне, являющейся, по их мнению, главной причиной падения жизненного уровня населения СССР. Такая позиция делает необязательным анализ базовых экономических отношений, присущих социалистической системе на любом этапе ее существования. См.: Попов В.П. Хлеб как объект государственной политики в СССР в 1940-е годы // Отечественная история. 2000. № 2. С. 50.

⁴ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л. 41 об.

⁵ Там же.

⁶ История Сибири. Т. 5. Сибирь в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму. Л., 1969. С. 159.

⁷ Обеспечим колхозное животноводство грубыми и сочными кормами // Стахановец. 1942. 1 июля.

⁸ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 226. Л. 5-А.

⁹ Там же. Д. 236. Л. 56.

¹⁰ Иваненко В.Е. Животноводство // Югория. Т. 1. С. 316.

¹¹ Серазетдинов Б.У. Сельское хозяйство в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // Северный регион: наука, образование, культура. 2001. № 1 (3). С. 76.

¹² ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 236. Л. 115.

¹³ Передовики животноводства // Стахановец. 1944. 8 января.

¹⁴ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 236. Л. 116.

¹⁵ Там же. Д. 256. Л. 63 об.

- ¹⁶ Юхновец С.М. Экономическое обоснование оптимальных размеров и размещения перспективных животноводческих ферм // Землеустройство, планировка сельских населенных пунктов и геодезия: Сб. науч. работ. Минск, 1967. С. 118.
- ¹⁷ Серазетдинов Б.У. Сельское хозяйство в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны. С. 75.
- ¹⁸ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л. 89 об.
- ¹⁹ История земельных отношений и землеустройства. М., 1956. С. 227.
- ²⁰ См.: Югория. Энциклопедия ХМАО / Гл. ред. Г.Ф.Шафранов-Куцев. Ханты-Мансийск, 2000. Т. 2. С. 151.
- ²¹ Кокосов Н.М., Никулин В.И., Харин В.И. Ханты-Мансийский национальный округ. Свердловск, 1956. С. 46.
- ²² Абросимова В.И. Система учета земельных фондов СССР // Учет и агропроизводственные группировки земельных ресурсов СССР. М., 1967. С. 7.
- ²³ Новицкий В. Проблема Уральского Обьиртышья // Хозяйство Урала. 1928. № 10. С. 60.
- ²⁴ ГАХМАО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 1. Л. 36.
- ²⁵ Барышников М.К. Луга Оби и Иртыша Тобольского Севера. М., 1933. С. 7.
- ²⁶ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 198. Л. 1 об.
- ²⁷ Там же. Л. 68 об.
- ²⁸ Там же. Л. 79 об.
- ²⁹ Стахановец. 1941. 4 сентября.
- ³⁰ Стахановец. 1941. 19 сентября.
- ³¹ Набокова Л.В. Ханты-Мансийский опорный пункт Наркомзема РСФСР в годы Великой Отечественной войны URL: www.admhmao.ru/committe/upr_arh/dok_mes/predpriyat.htm
- ³² Стахановец. 1941. 30 сентября.
- ³³ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л. 42.
- ³⁴ Там же. Л. 131 об.
- ³⁵ Там же. Л. 42.
- ³⁶ Обеспечим колхозное животноводство грубыми и сочными кормами // Стахановец. 1942. 5 июля.
- ³⁷ Покончить с беспечностью в заготовке кормов // Стахановец. 1942. 8 августа.
- ³⁸ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 210. Л. 92.
- ³⁹ Там же. Л. 92 об.
- ⁴⁰ Серазетдинов Б.У. Сельское хозяйство в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны. С. 73.
- ⁴¹ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л. 7 об.
- ⁴² Постановление Омского обкома ВКП (б) и облисполкома от 17 июня 1944 г. «О мерах по обеспечению кормами скота колхозов и совхозов области на 1944—1945 гг.» // Стахановец. 1944. 21 июля.
- ⁴³ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 236. Л. 118.
- ⁴⁴ Там же. Д. 199. Л. 65—66.
- ⁴⁵ Там же. Д. 236. Л. 118.
- ⁴⁶ Подвезти корм к колхозным фермам // Стахановец. 1942. 15 октября.
- ⁴⁷ Покончить с безответственностью в заготовке кормов // Стахановец. 1944. 29 июля.

- ⁴⁸ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л. 42.
- ⁴⁹ Там же. Л. 70-А об.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же. Д. 199. Л. 41 об.
- ⁵² Стахановец. 1942. 7 апреля.
- ⁵³ Сытую и теплую зимовку колхозному скоту // Стахановец. 1941. 30 сентября.
- ⁵⁴ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 92.
- ⁵⁵ Там же. Д. 236. Л. 120.
- ⁵⁶ Быстрее закончить подготовку к стойловому периоду // Стахановец. 1944. 20 октября.
- ⁵⁷ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л. 41 об.
- ⁵⁸ Там же. Д. 236. Л. 42.
- ⁵⁹ Там же. Д. 198. Л. 27.
- ⁶⁰ Там же. Л. 6 об.
- ⁶¹ Там же. Д. 198. Л. 81 об.
- ⁶² Там же. Л. 92.
- ⁶³ Там же. Д. 199. Л. 65.
- ⁶⁴ Там же. Л. 78.
- ⁶⁵ Там же. Д. 256. Л. 56 об.
- ⁶⁶ Там же. Д. 199. Л. 17.
- ⁶⁷ Делом отвечать на призыв товарища Сталина // Стахановец. 1941. 14 декабря.
- ⁶⁸ Серазетдинов Б.У. Сельское хозяйство в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны. С. 78.
- ⁶⁹ План сдачи молока в госзакуп выполнить каждым колхозом // Стахановец. 1943. 8 августа.
- ⁷⁰ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 256. Л. 158 об.
- ⁷¹ Там же. 208. Л. 13.
- ⁷² Там же. Д. 236. Л. 17.
- ⁷³ Очерки истории Югры / Отв. ред. Д.А.Редин, Н.Б.Патрикеев. Екатеринбург, 2000. С. 350.

Глава 5

О ШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ В ХАНТЫ-МАНСИЙСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ОКРУГЕ В 1941—1942 гг.

Одним из источников победы советского народа над фашистской Германией в Великой Отечественной войне явилась система школьного образования Советского Союза, которая была мощным резервом пополнения абитуриентами средних специальных и высших учебных заведений, обеспечивших Красную Армию и тыл высококвалифицированными кадрами. Деятельность школ во время войны нашла достаточно полное отражение в советской историографии, однако специальных трудов, посвященных Ханты-Мансийскому региону, не создано.

В проведении политики государства в области школьного образования во время войны прослеживается два этапа, которые различаются направленностью и существом самих мероприятий. На первом этапе (1941—1942 гг.) принимались меры, направленные на борьбу с трудностями и недостатками, за сохранение существовавшей школы и системы народного образования. Особенностью второго этапа (1943—1945 гг.) явились меры по организационно-педагогическому укреплению школы, повышению качества учебно-воспитательного процесса, дисциплины и порядка среди учащихся¹. 1943 г. ознаменован принятием приказа Наркомпроса РСФСР «Об улучшении контроля за работой школ и учителей и постановки учета знаний учащихся» (16 ноября), переходом к обучению детей в общеобразовательных школах с 7-летнего возраста, началом складывания сети школ рабочей молодежи (новый тип общеобразовательной школы, предназначенный для продолжения образования юношами и подростками, занятыми трудом в промышленном производстве).

К началу войны в округе сложилась школьная сеть: в 194 школах обучались 16 400 учащихся, большинство школ размещалось в Сургутском, Самаровском и Кондинском районах, служивших местом ссылки во время проведения кампании по раскулачиванию в 1930-е гг.² В первый год войны численность учащихся, особенно средних классов, сократилась, однако не так значительно,

как в оккупированных районах. Так, в 1940/41 учебном году в начальной школе обучались 5989 учащихся, в неполной средней — 7643, в средней школе — 3504; в 1941/42 учебном году в начальной школе — 4846 учащихся, в неполной средней — 6328, в средней — 3337³.

Таким образом, сохранение ученического контингента, осуществление всеобуча и достижение 100%-ной успеваемости стали первоочередными задачами, стоявшими перед органами образования округа. В протоколе заседания Исполкома Окрсвета «Об итогах I полугодия 1941/42 уч. г.» было подчеркнuto, что недоохват составил порядка 1000 учеников, а успеваемость по школам округа — 80%. Также в школах были отмечены случаи хулиганства и недостаточный уровень довоенной и оборонной подготовки выпускников. Последнему, в свете вышедшего специального постановления СНК СССР «О всеобщей обязательной подготовке населения к противоздушной обороне» (2 июля 1941 г.), придавалась особая значимость. Вместе с тем, в том же протоколе отмечалось, что школьники округа приняли активное участие в оказании помощи фронту, внося в фонд обороны более 674 тыс. рублей, помогли колхозам, заготовив более 2000 т корма и убрав 149 га посевов.⁴

Другая, не менее важная, задача, стоявшая перед местными органами власти и органами народного образования, была связана с материально-техническим обеспечением школ. Важность этой задачи была сопряжена и с эвакуацией детей в округ из оккупированных районов. К сожалению, не удалось выявить точное количество детей, эвакуированных в округ на протяжении всего периода войны. Это позволило бы выявить степень влияния их числа на картину всеобуча в округе. Известно лишь, что в августе 1942 г. в округ прибыли 970 ребятишек из оккупированных районов страны.⁵

Подготовка школ к новому учебному году, текущий ремонт зданий, а также обеспечение топливом легли на плечи учителей, учащихся и их родителей. Сообщения о проведенных воскресниках и субботниках по ремонту школ дважды за 1941—1942 гг. встречаются в окружной газете «Стахановец» (всего просмотрено 538 номеров), также в ней содержатся призывы заведующих отделами народного образования помогать в подготовке школ к новому учебному году. Суммы, выделяемые облисполкомом на ремонт

интернатов, были незначительными. В августе 1942 г. эта статья расходов областного бюджета составила всего 100 тыс. рублей⁶. Следствием недостаточного финансирования явился и значительный отсев ученического контингента. Так, в школе-интернате при Сосьвинской культбазе в 1939 г. в 5 классе обучалось 22 ученика, через два года уже в 7 классе обучались всего 2 человека⁷. Анализ причин недоохвата и отсева учащихся стал предметом обсуждения на совещаниях учителей только в конце войны, среди них: отдаленность школ, отсутствие удобных путей сообщения, бедность и уход подростков на производство (что диктовалось и государственными интересами), неуспеваемость⁸. Материальные проблемы семей отчасти решались общественными силами посредством создания фондов всеобуча, проведения акций помощи детям в дни школьника (13 августа)⁹. Однако 100%-ное выполнение всеобуча оставалось нерешенной задачей и в 1950-е гг.¹⁰

В условиях войны, когда все материальные ресурсы отдавались во имя Победы и когда задачи достижения 100%-ного всеобуча и успеваемости рассматривались как удар по врагу, возобновились социалистические соревнования, проводившиеся между школами, пионерскими организациями школ районов¹¹. С января по июнь 1943 г. Округкомом ВКП(б) и Исполкомом Окрсвета были проведены соцсоревнования на получение переходящего Красного знамени Округкома ВКП(б) и Исполкома Окрсвета. Для участия в соревнованиях школы должны были обеспечить 100%-ную успеваемость и посещаемость, оказывать помощь детям фронтовиков, содействовать высокой успеваемости учащихся, обеспечить выполнение учебных планов и программ, в том числе и по оборонно-физкультурной работе, участвовать в общественной жизни села (проведение политинформации среди населения, участие в ликвидации неграмотности)¹². К сожалению, итоги соревнований неизвестны, однако условия проведения соревнований указывают на задачи, стоявшие перед школами округа в годы войны, и доказывают значительную роль школы в осуществлении просвещения.

Выполнение 100%-ного всеобуча также виделось в расширении сети интернатов, контингент которых пополнялся не только за счет народов Севера (как это было в 1930-е гг.), но и за счет сирот, чьи родители погибли во время войны, а также за счет детей,

эвакуированных из прифронтовых районов. С июля-августа 1941 г. за счет государства для эвакуированных в тыл детей организовывались пришкольные и специальные интернаты. Количество интернатов в округе за годы войны выросло незначительно: так, в 1940 г. их насчитывалось 60, а в 1945 г. — 63. В 1941/42 учебном году насчитывалось 65 интернатов, что дает основание приоритетным направлением в работе местных органов власти считать сохранение школьной сети и контингента учащихся. Часто сироты передавались на воспитание в семьи, опекунам выплачивалось денежное пособие (на март 1942 г. размер пособия составлял 31 руб. в месяц), дети обеспечивались самым необходимым¹³. Передача таких детей в семьи, конечно же, имела большое значение в их дальнейшей социализации, которая виделась не только в обучении, но и в патриотическом воспитании. В материалах о патронаже детей-сирот Самаровского района за 1942—1943 гг. говорится, что опекуны, помимо хозяйственно-бытового обеспечения, обязаны содействовать участию опекаемых в детском и юношеском коммунистических движениях¹⁴.

Вопросы патриотического воспитания в школах, по понятным причинам, в условиях войны приобрели особую значимость. Идейные основы патриотического воспитания излагались как на совещаниях учителей, так и на страницах местной печати. Весьма характерна статья «Отечественная война и воспитание учащихся», опубликованная в декабре 1942 г. на страницах газеты «Сталинская трибуна». В статье подчеркивалась главная задача школы — «заботливо и умело растить в каждом школьнике глубокое патриотическое чувство любви к Родине. Боевые и трудовые дела народов СССР в прошлом и настоящем — неиссякаемый источник примеров горячей любви к Родине, героизма, мужества и отваги ... на этом должны воспитываться учащиеся. Основным качеством советских людей должно быть храбрость, отвага, готовность биться вместе с народом против врагов нашей Родины. Каждый педагог, каждая школа должны воспитывать у школьника дисциплинированность, умение подчиняться требованиям коллектива, уметь работать в коллективе»¹⁵. Эти качества закладывались на занятиях по военному делу, во время проведения воскресников в фонд обороны, оказания помощи семьям фронтовиков, при сборе вещей на фронт. Ученики порой становились «учителями» для своих

родителей, рассказывая о важности помощи фронту, о стоящих перед государством задачах. Частые заметки в газетах, авторами которых были сами ученики, — подтверждение этому: например, обращение Гали Змановской, ученицы Самаровской неполной средней школы, к пионерам, чтобы те объяснили родителям, как важно посылать вещи на фронт¹⁶. Всего за период 1941—1945 гг. в газете «Сталинская трибуна» о трудовых подвигах юных хантымансийцев упоминается в 26 статьях и заметках (всего было просмотрено 1162 номера). Воспоминания, оставленные учениками и учителями школ округа в сборнике воспоминаний «История школы в истории судеб», дополняют газетные заметки и отчеты школ. Люция Петровна Актаева, выпускница Нахрачинской средней школы Кондинского района, так описывает свои школьные будни: «...в октябре начали работу: сбор теплых вещей, теплого белья, чтобы готовить посылки для далекого воина. В школе не хватало книг, не было чернил, бумаги, но все пережили. Сами сочиняли пьесы, ставили концерты, разучивали фронтовые песни, писали письма на фронт от жен, матерей, сестер, по выходным водились с ребятами, когда матери уходили на работу. Все пришлось познать: голод, холод, не было даже во что переодеться. Мы жили, познавая горе ближних, получивших похоронки с фронта, видели первых калек-солдат, возвращавшихся без ног, рук. Мы ставили платные концерты, а собранные деньги отдавали семьям погибших. Пусть был маленьким мой вклад в Победу, но он был. Мы собирали облигации на танковую колонну “Малютка”. Было собрано 300 000 тысяч деньгами и облигациями в Фонд обороны. За подписью товарища Сталина в школу пришла благодарственная телеграмма»¹⁷.

Воспитание детей, тогда и сейчас, во многом определяется добросовестным отношением учителя, его морально-нравственными качествами, профессионализмом. 2 июля 1941 г. Наркомпрос Российской Федерации, Центральные комитеты профсоюзов работников начальной и средней школы, Центра высшей школы и научных учреждений, политико-просветительных учреждений, детских садов и детских домов опубликовали совместное обращение «Ко всем работникам просвещения РСФСР». Обращение требовало проявить максимум твердости, организованности и дисциплинированности, с тем чтобы самоотверженным трудом

помочь фронту¹⁸. В 1943 г., по инициативе председателя Совнаркома РСФСР А.Н.Косыгина, для поощрения лучших работников школы был учрежден знак «Отличник народного просвещения». В 1947 г. такой награды были удостоены 8 учителей нашего округа: А.И.Пестова, С.С.Некрасова, М.Н.Бугрова, С.Ф.Пестов, А.М.Ваменская, Х.П.Пухленкина, Н.Л.Вергунова¹⁹.

В условиях войны, особенно в первые ее годы, школе отводилась особая роль в решении таких стратегических государственных задач, как укрепление обороноспособности, поднятие морально-патриотического духа народа, его сплочение. Это определило и задачи школы: осуществление всеобуча и обеспечение 100%-ной успеваемости; сохранение школьной сети; наполнение содержанием учебно-воспитательной работы школ: проведение физкультурно-оборонительных мероприятий, подготовка значкистов ГТО, ПВХО и др.; участие учителей и учеников в оказании помощи фронту, проведение соцсоревнований. Задачи школы осложнялись крайне слабой материально-технической базой, бедностью семей, уходом подростков на производство. В итоге добиться осуществления всеобуча и 100%-ной успеваемости не удалось и после войны. Однако создание фондов всеобуча, привлечение родителей и детей к решению насущных проблем школы (заготовка топлива, ремонт зданий) помогли охватить обучением в 1941/42 учебном году порядка 97% учтенных ребятшек, другое дело, что среди них был значителен отсев. При всех существовавших трудностях, во многом благодаря работе учителей, ученики не оставались равнодушными к задачам государства, активно участвовали в воскресниках в помощь фронту, семьям красноармейцев. В этом смысле школа полностью справилась с возложенными на нее задачами, что в некоторой степени и определило победу нашей страны.

Примечания

¹ Черник С.А. Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны: Историко-педагогическое исследование. М., 1984.

² Казакова Н.С. Государственная политика по просвещению населения Ханты-Мансийского национального округа в 1931—1941 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2009. С. 6.

³ Подсчитано по: Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа (далее — ГАХМАО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 190. Л. 12 об.

- ⁴ Там же. Л. 29.
- ⁵ Там же. Д. 172. Л. 91.
- ⁶ Там же. Л. 90.
- ⁷ Там же. Л. 28.
- ⁸ Там же. Д. 209. Оп. 1. Л. 15—30.
- ⁹ Клишина. В день школьника окажем наибольшую помощь школе // Сталинская трибуна. 1944. 13 августа.
- ¹⁰ В 1950/51 уч. г. всеобуч в округе был выполнен на 94% (ГАХМАО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 323. Л. 149).
- ¹¹ Так, пионеры Самаровского района обратились к пионерам других районов с призывом к проведению соцсоревнований по ловле рыбы (Сталинская трибуна. 1942. 2 августа).
- ¹² Условия зачисления школ кандидатами на получение переходящего Красного Знамени окружкомом ВКП (б) и Исполкомом Окрсовета депутатов трудящихся // Сталинская трибуна. 1942. 10 октября.
- ¹³ ГАХМАО. Ф. 14. Оп.1. Д. 106. Л. 2.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Отечественная война и воспитание учащихся // Сталинская трибуна. 1941. 23 декабря.
- ¹⁶ Теплые вещи в подарок бойцам // Сталинская трибуна. 1941. 8 октября.
- ¹⁷ Из воспоминаний Актаевой Люции Петровны // История школы в истории судеб. Екатеринбург, 2004. С. 6—7.
- ¹⁸ Писаренко И.С. Советское школьное право во время Великой Отечественной войны. URL: www.education.rekom.ru
- ¹⁹ ГАХМАО. Ф. 5. Оп.1. Д. 247. Л. 12.

Глава 6

СОСТАВ И КОМПЛЕКТОВАНИЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ В 1970 — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг. В НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Известно, что сокращение притока трудовых ресурсов на отдельных этапах развития экономики СССР оказывало существенное влияние на формирование рабочей силы. Дальнейшая сбалансированность развития общественного производства с наличием трудовых ресурсов должна была, по мнению государства, обеспечиваться как за счет главного фактора — ускоренного роста производительности труда, так и за счет экстенсивных факторов, в первую очередь путем привлечения молодежи¹. Вместе с тем, ЦК КПСС и Совет Министров СССР в ряде документов тех лет, исходя из задач по развитию народного хозяйства, требовали дальнейшего совершенствования подготовки квалифицированных рабочих кадров².

В соответствии с решениями Коммунистической партии и правительства в 1970-е гг. предстояло увеличить добычу нефти в 10 раз, природного газа — более чем в 15 раз, обустроить 30 новых месторождений. Естественно, возрастала потребность в рабочих кадрах, поэтому партийные органы нефтегазодобывающих районов рассматривали их подготовку как одно из главных направлений своей деятельности, исходя из указаний XXIV съезда КПСС о необходимости «улучшить качество подготовки и повышения квалификации рабочих непосредственно на производстве»³.

В рамках указанного периода, по мере развития нефтегазового комплекса в социальной сфере региона произошли существенные изменения. Появились новые города и поселки, в которых стала развиваться социальная инфраструктура. Н.Ю.Гаврилова, исследуя вопрос урбанизации в районах Севера, пришла к выводу, что в 1970 г. более половины жителей Тюменской области составило городское население, в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах, соответственно, 65 и 43%⁴.

Появились новые города — Урай (1965), Сургут (1965), Нефтеюганск (1967), в 3 раза выросло число рабочих поселков. Н.Ю.Гаврилова считает, что наибольшие темпы урбанизация набрала в

1970—80-е гг. Появились города Нижневартовск, Мегион⁵, Надым⁶, Новый Уренгой⁷, Ноябрьск⁸, Когалым⁹. Все это должно было благотворно сказаться на решении проблемы с рабочей силой.

Следовательно, в отличие от предыдущего этапа, теперь здесь имелся костяк рабочей силы, представленный ее стабильной основой, т.е. рабочими, проживавшими на Севере вместе с семьями постоянно или довольно продолжительное время. Таким образом, основу рабочей силы региона к 1980-м гг. составили постоянные кадры. Однако напряженная ситуация с рабочими специальностями сохранялась. Их нехватка, недостаточное развитие социальной сферы в указанный период сделали возможным широкое применение вахтового метода освоения и эксплуатации месторождений¹⁰.

Вахтовый метод связан с выездом рабочих смен нефтяников, геологов, монтажников, газовиков, строителей, лесозаготовителей из базовых городов и поселков на рабочие объекты¹¹. На объект высаживалась вахтовая бригада и выполняла за определенное время поставленную задачу. Бригады попеременно несли вахты в зависимости от характера и отдаленности месторождений¹². Вахтовый метод хорошо зарекомендовал себя в варианте «базовый населенный пункт» — «вахтовый поселок». Благодаря ему была ускорена эксплуатация Самотлорского и Федоровского месторождений.

Так осваивались Варьеганское, Холмогорское, Северо-Варьеганское, Русское, Салымское и многие другие месторождения, расположенные за 100, 300 и более километров от базовых городов Среднего Приобья¹³. Во второй половине 1970-х гг. до трети рабочих Юганскнефтегаза, Мегионнефти работали вахтовым методом. Полностью на вахтовый метод перешли Мамонтовское, Холмогорское, Варьеганское УБР, нефтедобывающие управления Правдинскнефть, Варьеганнефть.

Следовательно, на втором месте по значению и роли в структуре трудовых ресурсов Севера тех лет были вахтовики. Буровики, нефтяники, строители доставлялись непосредственно в вахтовые поселки из мест постоянного проживания — из Украины, Закавказья, Поволжья, Казахстана. Они работали на промыслах полмесяца-месяц, после чего сменялись новыми «летающими бригадами». При этом отпадала необходимость расселять людей на постоянное место жительства, сокращалось дорогостоящее жилищно-гражданское строительство, не возникало проблем трудоустройства

супругов вахтовиков. Экономические расчеты показали, что затраты на обустройство и доставку одного вахтовика на нефтяном месторождении значительно ниже, чем при традиционном способе расселения населения¹⁴ — в 1,3—1,4 раза¹⁵.

Н.Ю.Гаврилова считает, что вахтово-экспедиционный метод более эффективен, когда он используется в пределах одного региона, не связан с переброской людей из других климатических и часовых поясов, а опирается на систему «базовый город— вахтовый поселок». Вахтовый метод работ в 1970—80-е гг. широко применялся во всех отраслях нефтегазового комплекса: от разведки и обустройства месторождений нефти и газа до их транспортировки и переработки. Масштабы его использования в регионе постоянно возрастали¹⁶.

П.С.Сапожников и А.Д.Чудновский в своей монографии указывают на наличие двух стадий в развитии вахтового метода. Они полагают, что вахтовый метод применялся первоначально на тех нефтяных месторождениях Среднего Приобья, которые находились в относительной близости к формирующимся здесь населенным пунктам. В дальнейшем вахтовый метод развился в вахтово-экспедиционную систему использования трудовых ресурсов, имеющую отличия в методах организации производства и в применяемых режимах труда¹⁷. Существовало мнение, что это приводило к ограничению жизнеспособности населенных пунктов. Следовательно, создание постоянных поселений вблизи месторождений рассматривалось как нежелательное явление¹⁸.

Н.Ю.Гаврилова обстоятельно проанализировала причины применения вахтового метода. В числе важнейших факторов, обусловивших использование вахтовой организации труда, она выделяет природно-климатические условия региона, поскольку по медико-биологическим показателям территория Крайнего Севера была малопригодна для постоянного проживания¹⁹.

Однако к середине 1980-х гг. уже была разработана методика обустройства нефтегазовых промыслов в экстремальных условиях Севера. В ранее существовавших разработках не учитывались социальные факторы, единовременные и текущие затраты по объектам социальной инфраструктуры, а также социальные последствия интенсификации²⁰. Внедрение новой методики обусловило изменение социального облика Севера Тюменской области к лучшему

и способствовало сокращению применения вахтового метода организации труда.

Основными причинами широкого применения вахтово-экспедиционного (межрегионального) метода в исследуемый период явились большие объемы производства, осуществлявшиеся в условиях ускоренной разработки и обустройства месторождений, для выполнения которых в регионе было недостаточно трудовых ресурсов²¹, а также неразвитость социальной инфраструктуры²².

Для государства, разумеется, «вахта» была более экономична, не требовала особых затрат. Крупные компании и сегодня не прочь возвести этот метод в число главных, не считаясь со сложившейся социально-экономической ситуацией в северных округах Тюменской области.

Комплектование кадров происходило также за счет обучения на производстве (принятых на какие-либо рабочие вакансии, но при этом не имевших базовых навыков для выполнения трудовых обязанностей). В городах Тюмень, Сургут, Лабитнанги и др. Главтюменнефтегаз создал учебно-курсовые комбинаты, которые готовили специалистов нужных профессий. В монографии Н.М.Пашкова даны весьма высокие оценки обучению рабочих на производстве, подчеркнута большое значение УКК в подготовке рабочих кадров.

Однако еще в начале 1970-х гг. учеными из Иркутска (В.Калашник, С.Ким) на материалах Иркутской области был изучен вопрос о качестве подготовки рабочих в системе УКК. Ими был сделан вывод, что обучение профессии на предприятии давало, как правило, лишь начальную квалификацию, переполняя производство низкоквалифицированными рабочими кадрами и одновременно увеличивая дефицит квалифицированной рабочей силы²³.

В 1971—1972 гг. парткомы НГДУ Сургутнефть, Юганскнефть, Нижневартовскнефть, строительных трестов Сургутгазстрой, Мегионгазстрой, Тюменьгазстрой проанализировали работу учебно-курсовых комбинатов и, обсудив ее, совместно с администрацией разработали меры по укреплению материальной базы УКК, совершенствованию методики преподавания, повышению ответственности головных предприятий²⁴. В 1970-х — первой половине 1980-х гг. наблюдалось ежегодное увеличение подготовки рабочих кадров непосредственно на производстве. Следовательно, точно так же, как и на предыдущем этапе, большое значение при

подготовке кадров придавалось учебно-курсовым комбинатам предприятий.

Таким образом, в комплектовании кадров нефтяных районов в 1970-х гг. значительную роль играла система подготовки кадров на крупнейших предприятиях (объединениях, трестах, НГДУ) и на их сервисных службах. Годовые отчеты крупнейших объединений свидетельствовали о большой работе предприятий по подготовке рабочих через учебно-курсовые комбинаты. Например, в объединении «Запсибнефместрой» в годовом отчете за 1978 г. указывалось, что, как и в предыдущие годы, большая часть вновь подготовленных рабочих прошла обучение через УКК²⁵.

В 1980-х гг. подготовка в системе УКК не только сохранялась, но и постоянно возрастала. Если в Главтюменнефтегазе в 1980 г. было подготовлено 9 тыс. новых рабочих и 12,7 тыс. повысили свою квалификацию, то в 1985 г. эти показатели составляли, соответственно, 20,9 и 26,6 тыс. человек. Значительно выросло число рабочих, прошедших подготовку в УКК в системе Главсибтрубопроводстроя. Если в 1973—1975 гг. повысили свою квалификацию свыше 7 тыс. рабочих главка, то в X пятилетке этой работой было охвачено 18,6 тыс. рабочих, а в XI — 21,1 тыс. человек²⁶.

Плановые расчеты, произведенные отделом рабочих кадров и быта ГТНГ, показывали их положительную динамику в отношении увеличения числа рабочих и роста потребности в рабочих кадрах²⁷.

Таблица 1

Рабочие кадры в 1974-1976 гг. (тыс. чел.)

	1974 г.	1975 г.	1976 г. (проект)
Численность рабочих	38,5	42,0	49,0
Дополнительная потребность в рабочих	21,5	25,5	27,5

В 1976 г. численность рабочих ГТНГ насчитывала 41 000 человек, масштабы работы по подготовке кадров возрастали с каждой пятилеткой, о чем свидетельствуют данные таблицы. Главку для решения производственных задач требовалось еще не менее 11 000 рабочих²⁸.

Обеспечение дополнительной потребности в рабочих осуществлялось за счет окончивших ПТУ, однако ставка на них делалась

минимальная (400 человек в год), равно как и на выпускников школ (500 человек в год), на молодежь по общественному призыву и уволенных в запас (4—5 тыс. человек в год), и на организованный набор самими предприятиями и стройками (20—22 тыс. человек). Следовательно, основной упор делался на активную политику самих предприятий по проведению оргнабора²⁹.

В качестве важного источника формирования трудовых ресурсов нефтегазового региона рассматривалась молодежь. Это отмечено во всех годовых отчетах главков. Однако прием молодых рабочих ограничивался отсутствием жилья. Недостаток в рабочей силе испытывали в особенности транспортные, буровые предприятия, что неблагоприятно сказывалось как на комплектовании рабочей силы и ее подготовке, так и в целом на производстве³⁰.

Л.И.Брежнев, выступивший на XVIII съезде ВЛКСМ, призвал «взять» богатства Сибири не числом, а умением, т.е. с помощью новейшей техники и технологии, где главная роль отводилась молодежи. На предприятиях и в организациях «Главтюменнефтегаза», осуществлявших освоение Севера Западной Сибири, работало свыше 15 000 комсомольцев — юношей и девушек, как местных, так и прибывших сюда со всех районов страны³¹.

В 1970-х — первой половине 1980-х гг. по-прежнему организовано приезжали в Тюменскую область комсомольцы, откликнувшиеся на общественный призыв, и уволившиеся в запас военные. Значительная часть этой молодежи еще не обладала необходимыми профессиональными навыками и умениями и нуждалась в специальной подготовке на производстве. Проблему профессионального обучения вновь прибывшей молодежи решали ведомственные учебно-курсовые комбинаты.

В те годы продолжался стремительный рост объема строительно-монтажных работ, потребовавший значительного увеличения числа работающих. Пополнять коллективы строителей за счет ресурсов Тюменской области не представлялось возможным, и министерство помогло главку решить эту проблему. По постановлению ЦК ВЛКСМ на стройки главка были направлены из республик Советского Союза несколько сотен комсомольцев и молодежи. Е.А.Хлыстова в своих работах постоянно обращала внимание на решающую роль молодежи в освоении Севера, проводила мысль о необходимости расширения северных льгот для работников³².

«Главтюменнефтегазстрой» проводил большую работу в пограничных округах страны, приглашая демобилизованных пограничников на ударные комсомольские стройки области. По решению Министерства обороны главку были приданы три строительных батальона, которые передислоцировались с Украины в Сургут, Ноябрьск, Уренгой. В литературе встречаются истории о добровольцах, воинах, пожелавших после службы поехать на комсомольские стройки Севера³³. Ю.Кропачев, бывший начальник КММУ-3 (г.Нижневартовск) в 1964—1982 гг., в воспоминаниях писал, что в строительстве людей постоянно не хватало, поэтому Управление пополняло свои ряды за счет демобилизованных пограничников и комсомольских отрядов из Свердловска, Горького и других городов³⁴.

На объектах строительства «Главтюменнефтегаза» ежегодно работало до 7 000 студентов из различных вузов страны. За третий трудовой семестр студенческие строительные отряды выполняли объемы строительно-монтажных работ, равные годовому плану общестроительного треста³⁵. В 1979 г. в Уренгой прибыл студенческий отряд Московского высшего технического училища им. Н.Э.Баумана численностью 422 человека, выполнявших работы на основных строительных объектах, помимо этого они вели огромную общественную, культурно-просветительную работу³⁶. Следовательно, в нефтяных районах, как и в 1960-е гг., применялась временная рабочая сила.

В советской историографии использование спецконтингента рассматривалось только применительно к первоначальному этапу нефтяного освоения. Однако изучение документов выявило, что в 1970-х — начале 1980-х гг. сохранялось привлечение при обустройстве промыслов условно осужденного и условно освобожденного контингента. Например, таковые использовались на обустройстве Самотлорского месторождения и строительстве Белозерного центрального товарного парка. Спецконтингент проживал совместно с остальными рабочими, без каких-либо культурно-бытовых условий, а также надлежащего контроля. Так, условно освобожденный И.Г.Алдобаев, работавший в СУ-55 треста Мегонгазстрой, 12 ноября 1976 г. совершил побег, 24 ноября был задержан в Свердловской области, а СУ-55 за подписью старшего инспектора отдела кадров передала в спецкомендатуру табель за ноябрь с указанием его присутствия на рабочем месте.

Рассмотрение ЧП с участием спецконтингента становилось весьма регулярным на заседаниях исполкома Нижневартовского райсовета. Например, в решении от 29.12.76 г. № 204 нижневартовским спецкомендатурам предписывалось усилить контроль за поведением и режимом проживания этой группы лиц³⁷.

Проблемы, сохранявшиеся при комплектовании рабочих кадров, касались прежде всего их текучести. В ряде работ встречается утверждение о решении в основном кадровой проблемы в 1970-х гг. Однако изученные нами источники говорят об обратном. Так, проблема текучести кадров на предприятиях «Главтюменнефтегаза» не теряла своей остроты на протяжении всего исследуемого периода³⁸.

Группа социологов «Главтюменнефтегаза» исследовала причины текучести кадров на предприятиях города Нефтеюганска. А.Н.Филимонов указывал, что результаты исследования послужили основой улучшения жилищных условий, строительства новых учреждений культурно-бытового назначения³⁹. Текучесть кадров особенно ярко проявлялась в строительстве, где условия труда были очень тяжелыми, а зарплата значительно ниже, чем на предприятиях нефтедобычи⁴⁰. А.Н.Аверин и Е.П.Антропов в числе главных причин, влиявших на текучесть рабочей силы, выделяли неразвитость социальной сферы, уровень соцкультбыта, материальную заинтересованность, условия труда⁴¹.

Поэтому, несмотря на официальное заявление о том, что проблема с кадрами решена, на деле все обстояло несколько иначе. Например, в Нижневартовске в первой половине 1970-х гг. социальная ситуация резко ухудшилась. Это было связано с несоответствием социальной инфраструктуры города быстрому увеличению численности населения. В городе, как вспоминал В.Пушкарев, появилась социальная напряженность, наблюдалось снижение жизненного уровня, усилилась текучесть кадров⁴². Например, численность населения г.Нижневартовска с 1971 по 1987 гг. увеличилась в 10 раз⁴³, а в Сургуте за тот же период в 5,8 раза⁴⁴. Решать проблему трудовых ресурсов следовало не за счет вновь прибывших рабочих, а за счет подготовки подрастающих нижневартовцев и сургутян, которые после окончания школы, как правило, уезжали на Большую землю, чтобы получить образование, т.к. по месту жительства учиться было негде.

В Нижневартовске во второй половине 1970-х гг. планировалось ежегодно увеличивать подготовку новых рабочих и повышать их квалификацию посредством различных форм обучения⁴⁵. Так, тресту «Нижневартовскжилстрой» в 1977 г. требовалось 400 штукатуров-маляров, каменщиков, плотников, а маломощный учебно-курсовой комбинат треста не в состоянии был подготовить такое количество рабочих⁴⁶. Было очевидно, что городу требовались собственные ПТУ и техникум. Именно в этом русле был сделан доклад Л.А.Зольниковой — секретаря Нижневартовского горкома КПСС на заседании исполкома Нижневартовского райсовета 19 сентября 1979 г. Она отметила неэффективность привлечения рабочей силы со стороны, требовавшего огромных финансовых ресурсов, а также предоставления жилья и подчеркивала, что необходимо изыскивать, готовить трудовые ресурсы на местах⁴⁷.

Первостепенную значимость при освоении Самотлорского месторождения имели не только геологи, буровики, нефтяники, но и энергетики. Их работа в немалой степени зависела от электриков и электромонтеров. В управлении «Нижневартовскэнерго» во второй половине 1970-х гг. также ощущалась острая нехватка квалифицированных кадров. Пополнение рядов грамотных рабочих-электромонтеров шло за счет выпускников Тобольского СПТУ № 5, которое размещало объявления о приеме на учебу в местных газетах.

В крупных нефтяных городах не хватало не только представителей профессий, непосредственно связанных с добычей и транспортировкой нефти, но и торговых работников, специалистов общественного питания: технологов и поваров. Так, в перспективном плане развития Нижневартовского района на 1974 г. отмечались недостатки в работе предприятий общественного питания, возникавшие из-за низкой квалификации кадров⁴⁸.

На собрании партактива «Главтюменнефтегаза» по итогам работы в девятой пятилетке определили главное направление деятельности — решить задачу улучшения питания, быта и торговли в нефтяных районах⁴⁹.

Решение проблемы подготовки кадров для УРСа нефтяников в г.Сургуте предполагалось за счет открытия ведомственного торгово-кулинарного училища, судьбу которого проследить не удалось⁵⁰. По этому пути пошли и в Нижневартовске. НГДУ «Нижневартовскнефть» им. В.И.Ленина открыло свое ведомственное

училище. Инициаторами создания училища были начальник ОРСа Н.Н.Рыкун и начальник отдела кадров Тамара Михайловна Кувшинова. Одной из причин организации училища было то, что индивидуально-бригадная или наставническая форма не могли обеспечить подготовку кадров в нужном количестве и необходимого качества⁵¹.

В январе 1975 г. объявили набор в первую группу поваров со сроком обучения 6 месяцев. «Кадры преподавателей подобрали свои — Синкина Зинаида Алексеевна, назначенная старшим мастером (приехала из Урая, имевшая большой опыт работы в общественном питании) и Набокина Тамара Ивановна (приехала в Нижневартовск по направлению из Тюменского Управления рабочего снабжения, имевшая опыт работы мастера производственного обучения по профессии повар). Первый выпуск курсовиков из числа молодежи (25 человек) оправдал надежды — они восполнили часть недостающих кадров поваров на котлопунктах месторождений»⁵².

Решение об открытии училища было одобрено первым секретарем горкома партии С.Д.Великопольским и секретарем по идеологии Э.Д.Бушмакиным, так как к ним не раз обращались с этим вопросом не только начальники ОРСов, но и руководители нефтяных предприятий.

В августе 1975 г. в газете «Ленинское знамя» было опубликовано объявление об открытии при ОРСе НГДУ «Нижневартовскнефть» торгово-кулинарного училища с отделениями: продавцов с 1-годовалым сроком обучения и поваров-кулинаров с 2-летним сроком обучения. Принимались лица, окончившие 8—10 классов и достигшие 16—18 летнего возраста, на кулинарное отделение, 17—18 лет — на отделение продавцов. Это привело к изменению настроения молодежи и вызвало желание учиться в профтехучилище, которое располагалось по месту жительства⁵³.

С января 1976 г. для работы директором торгово-кулинарного училища НГДУ «Нижневартовскнефть» им. Ленина была назначена ответственный секретарь общества «Знание» горкома партии, педагог по образованию Кириенко Валентина Михайловна⁵⁴. Из воспоминаний В.М.Кириенко: «...начинали с пустого места. Набрали 102 человека, желающих получить профессию повара, продавца. Занятия проводили в здании вечерней школы № 1, собирали

по крохе все, что было нужно для нормальной работы. На 1976/1977 уч.г. у нас появилось 2-х этажное здание (ул. Набережная, 80-А), полностью оборудованное. Нефтяники выделили один этаж общежития, для новых мастеров производственного обучения и преподавателей выделяли жилье. Помогало НГДУ им. Ленина и Тюменский УРС. К нам приезжала учиться молодежь из других городов и республик, оставаясь работать потом на наших предприятиях»⁵⁵.

Популярность училища росла, расширялось количество профессий, по которым осуществлялась подготовка — обучали уже не только поваров и продавцов, но и кондитеров, продавцов промышленных и продовольственных товаров, кассиров-контролеров⁵⁶. В 1977/78 учебном году, когда набор учащихся достиг 250 человек, руководители ОРСа предложили открыть на базе ведомственного училища государственное профтехучилище. Следовательно, благодаря инициативе местных руководителей на базе НГДУ в г. Нижневартовске была начата подготовка необходимых рабочих кадров для сферы торговли и общественного питания, что имело большое значение в работе различных предприятий города.

Подобное положение с нехваткой кадров и острой необходимостью их подготовки из числа горожан складывалось в другом центре нефтедобычи — Сургуте. В начале 1980-х гг. там не был преодолен недостаток в нефтяниках, строителях, связистах. Руководители предприятий возлагали надежды на подготовку квалифицированных рабочих из числа выпускников ПТУ⁵⁷.

Публикации в местных газетах отражали острый недостаток рабочей силы, особенно в строительстве. Мы уже отмечали, что в строительстве заработная плата была ниже. Другой причиной такого положения являлось плохое обеспечение строителей жильем. Так, стройтрест в Нижневартовске не имел хорошего общежития, отделочники привлекались на другие объекты, а собственное общежитие достроить было некогда. Получалось как в известной пословице: «сапожник без сапог»⁵⁸.

За годы девятой пятилетки 24 000 рабочих, инженеров, техников с высокой общеобразовательной и профессиональной подготовкой трудились на предприятиях Главка более трех лет. Это оказало решающее влияние на успешное выполнение напряженных государственных планов пятилетки всеми подразделениями.

В формировании рабочих кадров важную роль играли инженеры и ученые «Главтюменнефтегаза». Их вклад значим не только с точки зрения решения проблем нефтяной промышленности Западной Сибири, где в сложных природно-климатических условиях приходилось изобретать новые методы работы, но и потому, что необходимо было быстро обучать этому руководителей среднего звена и рабочих. В пояснительной записке к годовому отчету объединения «Запсибнефтьстрой» говорилось о большом количестве инженерно-технических работников и квалифицированных рабочих, привлекаемых к обучению молодых рабочих на производстве. Например, в тресте «Юганскнефтьстрой» занятия проводили В.В.Середкин, А.Н.Веселов, А.П.Волков, отдавшие делу обучения рабочих от 5 до 15 лет⁵⁹.

Многие традиционные методы и способы освоения месторождений оказались либо неприемлемыми, либо слишком капиталоемкими, а темпы роста добычи нефти в соответствии с планом должны были увеличиваться,— все это требовало от инженеров и ученых умения быстро находить наиболее правильные и оптимальные решения. В новом нефтяном районе появилась своя, «сибирская» школа, выросли сотни талантливых специалистов высокой квалификации. Но без рабочих рук вряд ли было возможно решить поставленные задачи.

«В девятой пятилетке под руководством областного комитета КПСС и партийных органов на местах Главтюменнефтегазом полностью решена проблема рабочих кадров», — так рапортовалось очередному съезду КПСС⁶⁰.

После XXV съезда КПСС партийные организации должны были сосредоточиться на мобилизации трудовых коллективов для выполнения поставленных производственных задач⁶¹. Для реализации обширной экономической программы нефтегазодобывающему комплексу по-прежнему требовалось множество дополнительных рабочих рук. Численность рабочих и служащих к 1980 г. по сравнению с 1975 г. увеличилась в 2 раза.

Рост числа рабочих наиболее заметен на рубеже 1970—80-х гг., что опять-таки следует связывать с расширением масштабов добычи нефти.

**Численность рабочих кадров в «Главтюменнефтегазе»
в 1978—1980 гг. (тыс. человек)⁶²**

Годы	Количество рабочих
1970	21,0
1975	38,0
1978	81,5
1979	91,0
1980	109,0

Дополнительная потребность в рабочих кадрах оценивалась в 50—70 тыс. человек. Следовательно, некомплект по рабочим вакансиям по приблизительным подсчетам в указанные годы составлял от 25 до 40%.

Текучесть кадров оставалась высокой и в 1980-е гг. В 1980 г. она составила 28%, сменяемость кадров — 66%⁶³. В 1983 г. текучесть кадров составила 18,5%⁶⁴. За 1983 г. в системе «Главтюменнефтегаза» было подготовлено 15,9 тыс. человек, повышение квалификации прошло 2,6 тыс. человек. Вновь принятых на работу насчитывалось 83,8 тыс. человек. В то же время число уволенных составило 69,6 тыс. человек⁶⁵.

На 1 января 1984 г. в «Главтюменнефтегазе» численность рабочих составила 147 000 человек. Комплектование осуществлялось, как указано в пояснительной записке к годовому отчету по Главку за 1983 г., за счет прибывших из других районов страны, за счет местных рабочих (проживавших постоянно), выпускников ПТУ (1058 человек), военнослужащих, уволенных в запас (1181 человек), выпускников школ (402 человека), из нефтяных районов СССР (500 квалифицированных рабочих), по вызову из других регионов страны (вахта, численность рабочих составляла 12,5 тыс. человек).

Вопросы подготовки кадров неоднократно рассматривали бюро и пленумы Тюменского обкома, окружкомов, райкомов и горкомов нефтегазодобывающих районов⁶⁶. Для Тюменской областной партийной организации забота о становлении жизнедеятельных производственных коллективов была главной задачей, ибо от этого зависело успешное развитие территориально-производственного комплекса. Большинство коллективов, осваивающих Север, были молодые и не имели многолетних традиций, создавались,

формировались и функционировали в трудных условиях Севера. В 1983 г., например, сформировалась 121 новая бригада⁶⁷.

На огромной территории работали сотни и тысячи бригад, звеньев, рабочих смен. Успехи коллективов складывались из многих составляющих. С.Т.Будьков писал: «Прежде всего, люди знают цель, понимают значение своего труда. К этим экстремальным условиям психологически они были подготовлены, хотя, может быть, не ожидали всего набора трудностей. Надо учитывать и фактор организации. Ведь задание каждой бригады, результаты ее труда были запрограммированы. В штабе геологов, нефтяников или строителей семь раз взвесили, какую бригаду послать, в каком составе, какой срок ей дать для работы, чем оснастить, как повлиять на ее работу. То есть элемент стихийности сведен к минимуму. А остальное решает коллектив, его умение организовать свою жизнь, свою работу»⁶⁸. Процессам формирования коллективов уделялось постоянное внимание, особенно на собраниях партактива «Главтюменнефтегаза»⁶⁹.

Было очевидно, что на Тюменский Север пришли разные люди: по характеру, по своей подготовленности, по уровню квалификации. Из числа новоселов создавались новые бригады, участки, управления, тресты. Но одно дело — учредить производственную единицу, а другое — создать сплоченный, способный решать сложные задачи трудовой коллектив⁷⁰. Приезжало много буровых бригад, т.е. это были уже сложившиеся коллективы. Первые два года они, как правило, не осваивали плановую проходку, бурили лишь по 18—20 тыс. м. На собрании актива «Главтюменнефтегаза» (1976 г.) было принято решение местным передовым бригадам взять шефство над прибывшими, чтобы помочь новичкам освоить методы передовиков, заложить основы крепких профессиональных отношений⁷¹.

Формирование трудовых ресурсов происходило при значительной обратной миграции. Такие меры, как практика заключения срочных трудовых договоров, совершенствование организации и оплаты труда позволили в девятой пятилетке стабилизировать кадры основного производства.

По данным Управления рабочих кадров и быта Министерства строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности следует (1981 г.), что стройки и предприятия в основном были

укомплектованы необходимыми кадрами. Их пополнение осуществлялось на 75—80% за счет организованного набора населения, а также по комсомольским призывам молодежи. Большую роль играло направление рабочих из централизованных источников.

В отрасли сложилась следующая структура подготовки рабочих по видам: в профтехучилищах — 23%; в учебно-курсовой сети — 25%; непосредственно на производстве — 52%. Признавалось, что большое внимание в отрасли уделялось развитию наиболее перспективной формы подготовки квалифицированных рабочих — средних профтехучилищ. Сложившаяся структура подготовки кадров не могла быть оценена как удовлетворительная. На пятилетку намечался ее пересмотр.

В X пятилетку проявилась интересная особенность: в то время как добыча нефти увеличилась в 2 раза, прирост численности рабочих составил 25—30%. Вероятно, это можно объяснить, по сравнению с предшествующим этапом, как технологическими улучшениями в организации добычи нефти, так и повышением уровня профессионализма рабочих⁷². Однако не следует забывать об изменении демографической ситуации в стране и снижении числа выпускников школ, начиная с середины 1970-х гг.⁷³

В объединении «Нижневартовскнефтегаз» впервые в отрасли стала использоваться система экономической ответственности предприятий и производственных единиц за нарушения хозяйственной дисциплины, что сократило примеры безответственности, непродуманных решений. За подобные нарушения снимали 10% фонда материального поощрения⁷⁴.

Изучение проблемы показало, что кадровый вопрос на предприятиях нефтяной промышленности в 1970-х — первой половине 1980-х гг. решался несколькими путями: завоз рабочей силы из других регионов (вахта), подготовка рабочих в ведомственных учебно-курсовых комбинатах, наставничество, групповая подготовка рабочих по месту работы, создание ведомственных профтехучилищ, привлечение военнослужащих, студентов, выпускников школ и ПТУ.

Комплектование рабочих кадров осуществлялось в соответствии с государственной политикой и под контролем партийных комитетов. Даже открытие ведомственных училищ необходимо было согласовать с городским комитетом партии. Большое внимание

в привлечении рабочей силы придавалось пропаганде, вещавшей о трудовых порывах и героизме, возбуждавшем в молодом поколении желание принять участие в великих свершениях.

В 1985 г. в одной из популярных работ указывалось: «Север и Сибирь еще очень нуждаются в людях... Главенствующую роль будут играть кадры, ибо экономика движима людьми, которых пока еще не достает в этих районах»⁷⁵.

В 1970—80-е гг. в связи с ростом масштабов нефтегазового производства число главков и их структурных подразделений возросло. К 1985 г. в состав «Главтюменнефтегаза» входило 480 предприятий, «Главтюменнефтегазстрой» — 196, «Тюменьгазпрома» — 114. Всего действовало уже почти 20 главков⁷⁶. К началу 1980-х гг. на ведущих предприятиях нефтегазового комплекса трудились свыше 50 000 инженеро-технических работников (ИТР). Удельный вес данных работников с высшим образованием поднялся в 1960—70-е гг. с 23 до 43%⁷⁷. На предприятиях указанного главка в 1970-х гг. работало свыше 15 000 комсомольцев⁷⁸. На молодежь и комсомольцев по-прежнему делалась главная ставка⁷⁹.

Разумеется, к середине 1980-х гг. кадровая проблема утратила былую остроту, однако не была решена. «Главтюменнефтегаз» в 1985 г. просил разрешения у Миннефтепрома на определенные льготы по осуществлению организованного набора рабочей силы⁸⁰. Изменение социально-демографической картины требовало изменений в политике подготовки кадров и их закрепления. В телеграмме заместителя министра нефтяной промышленности генеральному директору ГТНГ Р.И.Кузоваткину сообщалось: «Для закрепления кадров и создания стабильных трудовых коллективов предоставить в наименьшие сроки проект строительства и ввода в действие важнейших объектов обустройства нефтяных месторождений, включая дороги, города, рабочие поселки. Предоставить задания смежным ведомствам по строительству жилья и объектов соцкультбыта»⁸¹.

Одно из направлений изменений кадровой политики виделось в расширении роли ПТУ в подготовке квалифицированных рабочих. Тем более, что в 1970-е гг. государство уже осознавало преимущества системы профтехобразования по сравнению с обучением на производстве⁸².

Источники рабочей силы оставались прежними, сложившимися на протяжении первых двух этапов нефтяного освоения.

В комплектовании рабочих кадров стала преобладать постоянная рабочая сила. Молодежь, краткосрочно подготовленная на предприятиях, спецконтингент, а также вахтовики уже не являются доминирующей рабочей силой на втором этапе освоения нефтегазового комплекса.

Вместе с тем следует отметить, что не все проблемы формирования кадров удалось решить в полной мере. Хотя предприятия нефтегазовой промышленности готовили рабочие кадры в количестве, существенно превышающем потребности, тем не менее нефтегазовая промышленность и строительство испытывали в них, особенно в 1970-е гг., серьезный дефицит. В «Тюменьгазпроме» обеспеченность рабочими кадрами в 1980 г. составляла 87,7%, «Главтюменьпромстрое» — 78,3%, «Главтюменнефтегазе» — 82,0%.

Хотя текучесть кадров с каждым годом снижалась, уровень ее оставался достаточно высоким. Главная причина — отставание в развитии социальной инфраструктуры. Как и в первые годы освоения месторождений, у тех, кто увольнялся по собственному желанию, основным мотивом была неудовлетворенность жилищно-бытовыми и культурными, производственными условиями. Как отмечал в своем докладе на состоявшемся 4—5 ноября 1975 г. совещании по социально-экономическому развитию НДГК начальник лаборатории социально-экономических исследований НГДУ «Мегионнефть» В.М.Пушкарев, нестабильность уровня жизни населения в районе в последние 5—7 лет привела к тому, что усилилась текучесть квалифицированных кадров, и, как следствие, снизился уровень организации труда, ухудшились показатели использования рабочей силы, показатели воспроизводства населения⁸³. Высокую миграцию, текучесть, трудности с формированием квалифицированных кадров в Нижневартовском районе старший инженер лаборатории социально-экономических исследований Ф.И.Бирюков связывал с тем, что привлечение людей на Север в Нижневартовском районе идет по второму направлению — минимальное развитие социально-бытовой инфраструктуры компенсируется высокими заработками⁸⁴. Но высокие заработки были характерны только для нефтяных предприятий, поэтому и формирование стабильных трудовых коллективов в этой отрасли происходило быстрее. Из числа работников нефтегазового комплекса, строительных и геолого-разведочных организаций по собственному желанию в 1980 г. уволилось

2/3, среди газовиков — 88%, нефтяников — свыше 70%. В результате на предприятиях стабильный состав кадровых рабочих был сравнительно мал⁸⁵. В «Главтюменнефтегазстрое» в 1980 г. на долю рабочих со стажем работы до 1 года приходилось 45%, до 3 лет — 26%, до 5 лет — 13%, свыше 5 лет — 16%.

В связи с ростом масштабов освоения месторождений в 1970-е гг. обострилась проблема с инженерно-техническими и руководящими кадрами. В «Тюменьгазпроме» укомплектованность специалистами составляла в 1980 г. 87%, «Главтюменнефтегазе» — 89%. Вместе с тем значительное количество специалистов трудилось на рабочих специальностях (поскольку зарплата рабочего была значительно выше), высокой оставалась текучесть специалистов⁸⁶.

Учитывая имеющиеся недостатки в работе с кадрами, решения XVIII Тюменской областной партийной конференции в декабре 1980 г. обязали партийные, советские, хозяйственные, общественные организации усилить внимание к вопросам формирования рабочих и инженерно-технических кадров. Для реализации этой задачи в предыдущий период были созданы определенные положительные предпосылки: достаточно широкая сеть профтехучилищ, система подготовки и повышения рабочих кадров на производстве.

К середине 1980-х гг. профессиональная подготовка ориентировалась на бригадную форму организации труда. В связи с широким распространением бригад нового типа резко возросла потребность в подготовке рабочих широкого профиля, совмещающих несколько профессий. Министерство нефтяной промышленности вплотную приступило к разработке отраслевых методических указаний по исследованию результатов аттестации рабочих мест, при планировании подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров⁸⁷.

Оценивая в целом итоги предшествующих лет, следует отметить, что самые главные из них — появление крупнейших отрядов сибирских нефтяников, газовиков, геологов, строителей; формирование производственных коллективов, способных решать сложные технические, социальные, экономические проблемы дальнейшего развития топливно-энергетического комплекса в Западной Сибири.

Примечания

- ¹ Население и трудовые ресурсы. М., 1990. С. 362—363.
- ² Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 июня 1972 г. «О дальнейшем совершенствовании системы профессионально-технического образования» // Профтехобразование России: итоги XX века и перспективы. М., 1999. Т. 2. С. 419.
- ³ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1970. С. 278.
- ⁴ Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964—1985 гг.). Тюмень, 2002. С. 56—57.
- ⁵ Официально поселок получил статус города 23 июля 1980 г., первоначально планировался как город-спутник Нижневартовска и был рассчитан на 5 тыс. человек. Для поселка были характерны те же проблемы, что и для остальных поселений Севера: отсутствие водопровода, канализации, очистных сооружений. Не было дорог, отсутствовало элементарное благоустройство улиц. Мощности котельной не соответствовали потребностям в тепле. В домах было очень холодно. Зимой температура в помещениях не превышала 10—12 градусов. См.: Сподина В.И. Меггон: страницы истории. Новосибирск, 2000. С. 68—69.
- ⁶ Возник в связи с разработкой Медвежьего газоконденсатного месторождения. 11 февраля 1971 г. образован сельсовет. С 9 марта 1972 г. — город окружного значения. См.: Ямал. Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа. Салехард, 2004. Т. 2. С. 179.
- ⁷ Первые поселенцы появились в конце 1973 г., в связи с началом освоения Уренгойского газоконденсатного месторождения. Статус города получен 1 июня 1980 г. См.: Там же. С. 212.
- ⁸ Возник в связи со строительством железной дороги до Нового Уренгоя. Статус города получен 28 апреля 1982 г. См.: Там же. С. 205.
- ⁹ Когалым получил статус города 15 августа 1985 г. Историческая летопись Когалыма берет начало в 1976 г., когда на берегу реки Ингуягун вырос палаточный городок строителей. См.: Васильев А., Кранс М. Когалым: время и люди. Взгляд со стороны. М., 2000. С. 124.
- ¹⁰ ГАТО. Ф. 2146. Оп. 1. Д. 2146, 2863.
- ¹¹ Чечин П., Мамлеев Р., Сторожев В. Вахтовым методом. Свердловск, 1978. С. 25.
- ¹² Сапожников П.С., Чудновский А.Д. Вахтовый метод освоения Севера. М., 1988. С. 142.
- ¹³ Чечин П. и др. Вахтовым методом. С. 30.
- ¹⁴ Алексеев В.В., Ламин В.А. Прометеи сибирской нефти. Свердловск, 1989. С. 247.
- ¹⁵ Чечин П. и др. Вахтовым методом. С. 26.
- ¹⁶ Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие... С. 44—45.
- ¹⁷ Сапожников П.С., Чудновский А.Д. Вахтовый метод... С. 25—26.
- ¹⁸ Аверин А.Н., Антропов Е.П. Западная Сибирь: социальная инфраструктура районов освоения. М., 1988. С. 79—80.
- ¹⁹ Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие... С. 46.
- ²⁰ Кузнецова О.Л. Экономическая эффективность применяемых способов нефтегазопромыслового обустройства в экстремальных условиях Севера // Нефтяное хозяйство. 1984. № 10. С. 11.

- ²¹ ГАТО. Ф. 2146. Оп. 1. Д. 1984. Л. 36.
- ²² Проблемы в социальной сфере решались крайне медленно. Например, в Нижневартовске первый и единственный на тот момент кинотеатр открыли в 1977 г. В 1985 г. в городе обеспеченность детскими учреждениями составляла 50%, школами — 60%, больницами — 60%, поликлиниками — 45%. Только в двух микрорайонах из 14 подавалась горячая вода. См.: Орлов Б.П. Сибирь: шаг индустрии. М., 1988. С. 80.
- ²³ Калашник В., Ким С. Совершенствование рабочей силы — важнейший фактор роста эффективности общественного производства // Социально-экономические проблемы рабочей силы при социализме. Л., 1972. С. 182—183.
- ²⁴ Тюменская правда. 1973. 4 ноября; 5 ноября.
- ²⁵ ГАТО. Ф. 2146. Оп. 1. Д. 1914. Л. 101.
- ²⁶ Сибирская нефть / Под ред. В.И.Муравленко, В.И.Кремнева. М., 1977. С. 201.
- ²⁷ ГАТО. Ф. 2146. Оп. 1. Д. 1288. Л. 45.
- ²⁸ Там же. Л. 41.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. Д. 1984. Л. 36.
- ³¹ Алексеева Л.В. Кадровый вопрос и организация труда на Севере Западной Сибири в 1970-е гг. (на примере «Главтюменнефтегаза») // Западная Сибирь: проблемы истории, историографии и источниковедения: Материалы окружной науч.-практ. конф., посвященной 300-летию Миллера. Нижневартовск, 2005. С. 166.
- ³² Хлыстова Е.А. Тем, кто работает в Сибири, на Севере и Дальнем Востоке. М., 1979. С. 5.
- ³³ Молодежь и время. Тюмень, 1993. Ч. 3. С. 66—67.
- ³⁴ Кропачев Ю. Годы созидания // Югра. 2005. № 8. С. 22.
- ³⁵ Пельмский А. Организатор, инженер, строитель // В пламени жизни. Тюмень, 1999. С. 130.
- ³⁶ Молодежь и время. Ч. 3. С. 86—87.
- ³⁷ Нижневартовский районный государственный архив. Ф. 9. Оп. 1. Д. 26. Л. 192.
- ³⁸ ГАТО. Ф. 2146. Оп. 1. Д. 2151. Л. 14.
- ³⁹ Нефтяная эпопея Западной Сибири. М., 1995. С. 246.
- ⁴⁰ Кропачев Ю. Годы созидания. С. 21.
- ⁴¹ Аверин А.Н., Антропов Е.П. Западная Сибирь... С. 12.
- ⁴² Пушкарев В. Нижневартовск: проблемы и перспективы // Ленинское знамя. 1975. 26 ноября.
- ⁴³ Цифры и факты: ЦСУ СССР сообщает // Коммунист. 1987. № 1. С. 127; Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987. С. 398—399.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Ленинское знамя. 1977. 26 мая.
- ⁴⁶ Ленинское знамя. 1977. 21 мая.
- ⁴⁷ Нижневартовский районный государственный архив. Ф. 9. Оп. 1. Д. 70. Л. 153—154.
- ⁴⁸ Там же. Д. 21. Л. 213.
- ⁴⁹ ГАТО. Ф. 2146. Оп. 1. Д. 1517. Л. 14.
- ⁵⁰ Там же. Ф. 1844 Оп. 1. Д. 617. Л. 42.
- ⁵¹ Ленинское знамя. 1977. 14 апреля.

- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же. 15 августа.
- ⁵⁴ ГАТО. Ф. 1844. Оп. 1. Д. 617. Л. 44.
- ⁵⁵ Воспоминания В.М.Кириенко записаны С.Л.Бабушкиной 15 марта 2002 г.
- ⁵⁶ ГАТО. Ф. 1844. Оп. 1. Д. 617. Л. 41.
- ⁵⁷ Там же. Д. 788. Л. 80.
- ⁵⁸ Ленинское знамя. 1976. 14 декабря.
- ⁵⁹ ГАТО. Ф. 2146. Оп. 1. Д. 1914. Л. 102.
- ⁶⁰ Великая стройка нашего времени. Из опыта работы коллектива «Главтю-
меннефтегаза». М., 1978. С. 12—13.
- ⁶¹ Ленинское знамя. 1977. 18 ноября.
- ⁶² ГАТО. Ф. 2146. Оп. 1. Д. 2249. Л. 7.
- ⁶³ Там же. Д. 2154. Л. 14.
- ⁶⁴ Там же. Д. 2863. Л. 39.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Там же. Д. 2247, 2249.
- ⁶⁷ Там же. Д. 2863. Л. 38.
- ⁶⁸ Будьков С.Т. Тюменский меридиан: ресурсы, проблемы, перспективы.
Свердловск, 1982. С. 19—21.
- ⁶⁹ ГАТО. Ф. 2146. Оп. 1. Д. 1517. Л. 24.
- ⁷⁰ Тюменский меридиан. М., 1983. С. 46—47.
- ⁷¹ ГАТО. Ф. 2146. Оп. 1. Д. 1517. Л. 18.
- ⁷² Там же. Д. 1709. Л. 322.
- ⁷³ См.: www.auditorium.ru
- ⁷⁴ Бернштейн С.Я., Жемерикин В.П., Рутман Л.И. Экономическая ответст-
венность за нарушения договорной дисциплины в объединении «Нижневартов-
скнефтегаз» // Нефтяное хозяйство. 1985. № 6. С. 7.
- ⁷⁵ Хлыстова Е.А., Орлов И.Н. Север и Сибирь зовут молодых. М., 1985. С. 13.
- ⁷⁶ Карпов В.П. «Третье Баку». Формирование и развитие Западно-Сибирско-
го нефтегазового комплекса в 1960—90-е гг. // Ежегодник ТОКМ: 2001. Тюмень,
2002. С. 226.
- ⁷⁷ Алексеев В.В., Ламин В.А. Прометей сибирской нефти. С. 247.
- ⁷⁸ Алексеева Л.В. Кадровый вопрос и организация труда... С. 166.
- ⁷⁹ ГАТО. Ф. 2146. Оп. 1. Д. 1968, 1984.
- ⁸⁰ Там же. Д. 2863. Л. 39.
- ⁸¹ Там же. Л. 58.
- ⁸² Улановский Э.М. Основные пути снижения стоимости строительства и
эксплуатации учебных заведений для подготовки рабочих кадров // Социально-
экономические проблемы рабочей силы при социализме. М., 1972.
- ⁸³ Ленинское знамя. 1975. 26 ноября.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Пашков Н.М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по
созданию и развитию нефтегазового комплекса. 1964—1080 гг. Томск, 1988. С. 123.
- ⁸⁶ Там же. С. 124.
- ⁸⁷ Костин Л. Профессиональная подготовка в условиях реформирования шко-
лы // Профессиональное образование. 1984. № 11. С. 5—7.

Раздел 3

**ЮГРА
И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ
ТЕРРИТОРИИ**

Глава 1

СОЗДАНИЕ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА И СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В НАЧАЛЕ 1930-х гг.

Социально-политическое развитие северных регионов страны в первой трети XX в. проходило противоречиво. Оставаясь отдаленными от политических центров национальными окраинами, они лишь в декабре 1930 г. смогли обрести сколько-нибудь определенное административно-политическое устройство. Речь идет о переходе к институтам национально-территориальной автономии народов Севера. Из имевшихся двух проектов административных объединений для малых народов Севера, один из которых предполагал создание сети национальных районов, а другой — национальных округов, победил второй¹. После издания постановления ЦИК и СНК СССР от 23 июля 1930 г. «О ликвидации округов», административная комиссия ВЦИК пришла к выводу, что в условиях Крайнего Севера административно-территориальное устройство малых народов должно пойти по линии сохранения окружной системы. Однако в остальной части страны окружная система упраздняялась².

В местах компактного расселения аборигенов формировались национальные округа и районы. На практике сразу же обнаружилось противоречие, которое выражалось в отсутствии учета интересов коренных жителей при проведении реформы национального строительства. В административном отношении национальные округа были подчинены областям (краям), что свидетельствовало, по замечанию К.И.Зубкова, о крайне усеченном понимании их политико-управленческой субъектности, связывалось с декларированным пониманием прав коренных народов.

10 декабря 1930 г. Президиум ВЦИК принял постановление «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера», по которому на Севере Западной Сибири создавалось два национальных округа (в составе Уральской области)³. Для выполнения постановления предписывалось:

«К 1 апреля 1931 г. уточнить границы Ямальского и Остяковогульского округов, границы районов и местонахождение окружных и районных центров;

структуру и штаты нацрайонов и округов установить к 1 мая 1931 г.;

к 1 июня подобрать работников, а к 1 августа 1931 г. они должны прибыть на места;

служебные и жилищные здания закончить к октябрю месяцу; обеспечить новые окружные центры радиосвязью и аппаратурой;

провести районные и окружные съезды партийных и советских организаций в декабре;

всю работу по районированию закончить к 1 января 1932 г.»⁴.

Работу по новой территориально-административной реформе планировалось завершить к 1 января 1932 г., однако дальнейшие события показали, что к указанному сроку справиться с поставленными задачами не удалось.

С начала 1931 г. в центре и на местах развернулась подготовительная работа по формированию кадрового состава и размещению новых учреждений. Уже в апреле 1931 г. в Центральный Комитет Севера были направлены информационные письма о ходе национального районирования Уральского Севера, однако фактических результатов по созданию новых районов и округов к тому времени еще не было.

В 1931—1932 гг. было издано большое количество документов, неоднократно рассматривавших территориально-административные вопросы, вносивших изменения в начертание границ районов и округа. Так, в дополнение и уточнение постановления ВЦИК от 10 декабря 1930 г. предписывалось «взять в Ямальский округ среднее и верхнее течение реки Таза до реки Тольки из Восточно-Сибирского края». Рекомендовалось организовать два новых района: Пуровский и Верхне-Тазовский⁵. Расформирование Тобольского округа предполагалось произвести к 1 июня 1931 г.

В округе к работе приступило оргбюро в составе трех человек во главе с секретарем окружкома ВКП(б). На оргбюро возлагалась работа по созданию округа и руководство районами. Комплектование руководства округа планировалось произвести за счет «переброски» работников бывшего Тобольского округа. Для материального стимулирования была установлена дополнительная надбавка к зарплате служащим советских и партийных организаций: в первый год — 10%; второй — 20% и третий — 30%. В Ямальском округе оргбюро составили Кобельков, Скутин, Островский

и Феоктистов⁶. Г.А.Мазуренко называет еще одного члена оргбюро — Суворова⁷. Одновременно оргбюро занималось формированием партийной организации и комитетов.

Из информационного письма оргбюро Ямальского (Ненецкого) национального округа (октябрь 1931 г.) и материалов I Съезда Советов округа следует, что оргбюро приступило к работе по организации округа с 20 июня 1931 г., с того же времени был ликвидирован Обдорский райисполком⁸.

Началу работы оргбюро предшествовал ряд постановлений Центра и уральских организаций. По постановлению Уралсовета от 23 мая 1931 г. было сформировано оргбюро, которое в первой половине июня выехало в Тобольск и Обдорск⁹.

Постановление оргбюро Ямало-Гыдюмского (Ненецкого) национального округа «Об организации курсов по подготовке секретарей национальных советов» от 14 августа 1931 г. позволяет представить, насколько сложной была работа по укомплектованию районных оргбюро и низовых советов соответствующими кадрами. В документе отмечалось: «В целях обеспечения туземными кадрами организуемых на территории округа национальных советов признать неотложной задачей организацию двухмесячных курсов секретарей названных советов». Руководителем курсов назначался старший инструктор орготдела К.К.Пермяков. Срок проведения курсов устанавливался с 1 октября по 1 декабря 1931 г. Орготдел немедленно должен был дать распоряжение организационным бюро районов об обеспечении комплектования слушателей на курсы и посылке их к назначенному сроку. Местному хозяйственному управлению предписывалось принять меры к обеспечению прибывающих курсантов соответствующим помещением.

Прошел год с даты образования округа, но работа по созданию новых советов, по сути, еще не начиналась из-за отсутствия кадров, что подтверждается информационным письмом оргбюро Ямальского (Ненецкого) национального округа Уральскому облисполкому, Комитету Севера при Президиуме ВЦИК (октябрь 1931 г.). Из документа известно, что формирование районных оргбюро из-за отсутствия руководящих работников в основном было закончено только к 20 сентября, исключение оставил Приуральский район, где не имелось председателя райоргбюро, временно эта работа возлагалась по совместительству на местного туземца — работника кооперации.

Штат районных оргбюро по-прежнему полностью не был укомплектован, отсутствовали работники в отделе северного хозяйства и инспектуре. Туземцев в районном аппарате также не имелось, вследствие того, что они еще находились на летних касланиях в тундре, хотя намечалось из их числа 7 человек назначить заместителями председателей РИКов. Райоргбюро в октябре были доставлены на места и развернули работу по подготовке организации национальных советов¹⁰.

Нельзя утверждать, что даже поздней осенью 1931 г. кадровое обеспечение окружного аппарата завершилось. Не был укомплектован специалистами отдел северного хозяйства (оленовод, зоотехник, ветинспектор), вакантными оставались должности ответственного секретаря окрика и инспекторов авиации и связи. Остальные отделы Ямальского окрисполкома развернули к тому времени работу.

Сохранялись трудности в формировании партийных органов. В сентябре 1931 г. оргбюро ВКП(б) Ямальского округа приняло решение обеспечить рост районных партийных организаций не менее чем на 30% за счет вступления в партию бедняков и середняков. Ямальский окружком сформировали из 25 человек, а его бюро — из 14 человек: Архиповский, Будницкий, Кобельков, Колещук, Максимова, Мухин, Скороспехов, Сыропятов, Сычев, Суворов, Феоктистов, Хатанзеев, Шишкин, Щеголев. В 1931 г. вступило в партию 14 человек, в 1932 г. — 158. Среди вступивших в партию были представители ненцев: Ф.Е.Лагей, А.И.Хатанзева, С.М.Вануйто, К.И.Того и др. Общая численность парторганизации в округе весной 1932 г. составляла 244 человека¹¹. По данным М.А.Лаврентьевой, в октябре 1932 г. в округе действовало 25 партячеек, на учете в них состояло 420 коммунистов, 69 человек были коренной национальности¹².

1 января 1932 г. ВЦИК издал постановление, в котором намечалось создание на территории Ямальского округа еще одного района — Пуровского¹³. 17 марта 1932 г. исполком Ямальского округа постановлением президиума сформировал оргбюро Пуровского района, в состав которого вошли: Оносов (председатель), Галкин (заместитель), Ильных (ответственный секретарь)¹⁴.

7 января 1932 г. Президиум ВЦИК упразднил Тобольский округ, подробно определил территории, границы и административное

деление новых округов. Применительно к Ямальскому округу предписывалось:

«1. Числить в составе образуемого Ямальского (Ненецкого) национального округа следующие административные единицы упраздняемого Тобольского округа Уральской области:

- а) район озера Нум-то (Кун-то) Березовского района;
- б) Обдорский район полностью за исключением Кушеватского и Мужевского сельсоветов полностью и Шурышкарского туземного остяцкого района со всеми входящими в его состав населенными пунктами, относимыми в Остяко-Вогульский национальный округ;
- в) верховье реки Пура с ее притоками: Большой Пур и Верхний Пур (Пота), Тяхмо-Петл и Пяку-Петл Сургутского района;
- г) все острова Северного Ледовитого океана, расположенные между 65 и 77 меридианами восточной долготы (от Гринвича).

2. Границы Ямальского (Ненецкого) национального округа установить следующим образом:

- а) с севера: Карское море с заливами — губами: Байдарацкой, Обской, Тазовской, Ныда-Яма и проливом Малыгина;
- б) с запада: граница с Ненецким национальным округом Северного края и автономной Коми (Зырянской) областью;
- в) с юга: граница с Остяко-Вогульским национальным округом Уральской области;
- г) с востока: по существующей границе Уральской области с Восточно-Сибирским краем.

3. Административный центр Ямальского (Ненецкого) национального округа временно утвердить в селении Обдорске (Сале-Гард), а самый округ разделить на следующие 5 районов:

а) Надымский район с административным центром в селении Хэ в составе территории в районе оз. Нум-то (Кун-то) Березовского района и всей системы рр. Надыма и Ныды за исключением мыса Круглого с селением Ямбургском, относимых в Нижне-Тазовский район;

б) Нижне-Тазовский район с административным центром в селении Халь-Мер-Седе в составе мыса Круглого с селением Ямбург-Сале, всей Гыданской чистой тундры, земли Ны-да-я (Гыда-я), п-ова Явай и всех островов Карского моря, расположенных между 73 и 77 меридианами восточной долготы (от Гринвича), Медвежий, Вилькицкого, Агнеса (Черный) и т.д.;

в) Приуральский район с административным центром в селе-нии Щучье в составе территории бассейна рр.Полуя и Щучьи со всеми их притоками, а также всех островов Карского моря (Байдарацкой губы), расположенных между 65 и 67 меридианами восточной долготы (от Гринвича);

г) Пуровский район с административным центром в районе среднего течения р.Пур при впадении в нее р.Пяку-Петл в составе территории бассейна р.Пур с ее притоками;

д) Ямальский район с административным центром на р.Пяты-Юн в составе территории п-ова Я-Мал и всех островов Карского моря, расположенных между 67 и 73 меридианами (от Гринвича) восточной долготы (о.Белый и т.д.)»¹⁵.

Итак, на этапе нового районирования Ямальский округ (административный центр — с.Обдорск) объединил вместо пяти планируемых четыре района: Надымский, Нижне-Тазовский, Приуральский, Ямальский. В дальнейшем Ямальский округ пополнился за счет Пуровского, Шурышкарского и Красноселькупского районов¹⁶. Особенности формирования новых районов была их обширная территория и минимальное число советов.

Надымский район располагался в центральной части округа в бассейне р.Надым. Его площадь составляла более 100 тыс. кв. км¹⁷. Административным центром являлось с.Хэ. В состав района, кроме сельсовета в Хэ, входили Ныдо-Надымский и Явай-Гыданский с охватом населения 2 251 человек¹⁸.

Тазовский район охватил северо-восточную часть округа (п-ова Гыданский и Тазовский) в нижнем течении р.Таз. На западе территория района омывалась водами Обской и Тазовской губ, на севере — Карского моря. Площадь района составляла более 170 тыс. кв. км. Административным центром стало с.Хальмер-Седе¹⁹. В состав района вошли два сельсовета — Тазовско-Пуровский и Верхнепуровский. В 1932 г. эти сельсоветы были переименованы в Гыдоямский и Тазовский, с охватом населения 3 912 человек²⁰.

Приуральский район располагался на западе округа, от берегов Байдарацкой губы до бассейна рр. Щучья и Полуя. Площадь района составляла 66 тыс. кв. км. Административным центром района была выбрана деревня Щучье. В состав района входили два сельсовета — Обдорский и Щучьереченский²¹, по другим данным — три тузсовета: Собской, Товопогольский и Щучьереченский²².

Ямальский район занимал территорию п-ова Ямал, с административным центром на р.Пяты-Юн. В состав района были включены два сельсовета — Пуйковский и Северо-Ямальский²³, по другим данным — три сельсовета: кроме указанных, еще Ново-Портовский с населением 5 658 человек²⁴.

Пуровский район располагался в центральной части округа в бассейне р.Пур. Территория составляла более 100 тыс. кв. км. На его территории размещались два сельсовета — Верхнепуровский и Нижнепуровский. Административный центр разместился в Тарко-Сале²⁵.

Шурышкарский район занимал территорию на юго-западе округа. В 1930 г. он был отнесен к Остяко-Вогульскому округу, фактически же оформился в 1931 г. В состав района входили 4 сельсовета: Кушеватский, Мужевский, Сынский Шурышкарский. Административный центр — с.Мужи. Территория района в момент образования составляла 62 тыс. кв. км²⁶, а в настоящее время — более 50 тыс. кв. км²⁷.

Обдорский сельсовет был выделен в самостоятельный и подчинялся только окружному исполкому²⁸.

Как происходило новое районирование и процесс создания органов власти, хорошо видно на примере Пуровского района. После создания оргбюро района, заручившись планом следования до Пура и памяткой-инструкцией по организационному оформлению района, члены оргбюро готовились приступить к работе. К 21 марта состав оргбюро был увеличен до 13 человек. Для передвижения членов оргбюро были закуплены олени. Установлена дата выезда — 30 марта. Однако выехали с опозданием на полмесяца — 15 апреля. В с.Хэ прибыли месяц спустя — 15 мая. В справке об организации района автором объясняется причина столь медленного продвижения — пьянство членов оргбюро. Из-за распутицы дальше ехать было нельзя. Вернулись обратно. 29 июля 1932 г. сформировали новое оргбюро в составе Оносова, Самбургского и Фоминцева.

В сентябре 1932 г. новый состав оргбюро двинулся водным путем до Хальмер-Седе, по акту приняли Пуровский район из Тазовского РИКа и, не доехав до места назначения (Тарко-Сале), остановились в Уренгое. Тратили государственные деньги, не занимаясь, по сути, никакой работой. 14 декабря Оносов предпринял выезд вверх по Пуру к аборигенам. В одном из стойбищ он устроил пьянку, дебош и стрельбу из нагана. После такого собрания

нетрудно предположить, что думали туземцы о представителе новой власти. После этого Оносов сбежал в Салехард.

Из окружного центра приехала специальная бригада и в конце января 1933 г. приступила к организации выборов в советы, однако туземцев собрать не удалось, и выборы не были утверждены. 16 апреля состоялся съезд советов Пуровского района и только после этого Пуровский район организационно оформился²⁹.

В результате даже к весне 1932 г. в округе не удалось завершить работы по переходу на новую систему административного управления. Оргмероприятия затянулись еще на год. В постановлении бюро Комитета Севера при Президиуме ВЦИК по докладу председателя Ямальского окрисполкома С.Ф.Скороспехова «Об организации Ямальского округа» были отражены результаты работы по формированию национального округа. В частности, подчеркивалось: «Отметить, как крупное достижение оформление организации национального округа, проведенной перевыборной кампанией, закончившейся окружным съездом советов 4 марта 1932 г. Вместе с тем указать, что для окончательного завершения организации округа и укрепления в нем аппарата советской власти требуется еще длительная, настойчивая работа и активная помощь советских учреждений Уральской области. Отметить, что окружному оргбюро удалось втянуть в строительство национального округа значительные массы трудящихся коренного населения»³⁰.

Таким образом, сами советские функционеры признавали наличие проблем в организации округа, рассчитывая на поддержку уральских организаций. Что же касается положения о втягивании в национальное строительство аборигенов, то данное утверждение кажется весьма преувеличенным. Сведения о коренизации окружного и районного аппаратов советских и хозяйственных организаций (на 1 апреля 1933 г.) свидетельствуют, что доля в них туземного населения едва ли превышала 10%, причем по ряду районов и организаций данные не были представлены вовсе³¹.

В связи с организацией национального округа перестройке должна была подвергнуться вся система низовых советов. В связи с созданием новых национальных объединений на Севере Президиум ВЦИК 10 сентября 1931 г. издал постановление «О перевыборах Советов, районных и окружных съездов Советов в национальных районах и округах Крайнего Севера»³².

На момент создания округа на Ямальском Севере, по некоторым данным, имелось 5 туземных советов, в том числе 2 кочевых; по другим данным — всего 3 совета³³. На основании постановления Уралоблисполкома от 23 мая 1931 г. планируемая к созданию сеть национальных советов была расширена до 8. Оргбюро посчитало необходимым увеличить число национальных советов до 10 за счет выделения из намеченного к организации Обдорского национального совета Приуральского района. «Обдорский национальный совет, объединяя 41 поселок, расположенный по Оби и ее притокам на расстоянии минимум 300 верст в окружности, полностью обслужить оседлое население не сумеет». Возможно, принятию этого решения способствовало мнение Уральского Комитета Севера, который считал, что «девять тузсоветов для округа, крайне недостаточно»³⁴.

Подготовка к выборам в окружные, районные и туземные советы началась уже в октябре 1931 г. Предварительно проводились разъяснительные собрания, где осуществлялась агитация и обсуждались практические вопросы социалистического переустройства северного хозяйства. Кампания, в отличие от перевыборов прошлых лет, состояла из двух этапов: массово-разъяснительного и избирательного — с таким расчетом, чтобы при проведении этой работы охватить все население округа. Главные проблемы на этом этапе советизации были связаны с языковым барьером, жилищным кризисом и нехваткой всех видов средств. Особенно острой была нужда в помещениях, сколько-нибудь пригодных для жилья и работы. Имеющихся в Обдорске фондов для размещения учреждений, сотрудников и членов их семей не хватало.

В районах положение с размещением было еще хуже, так как в будущих райцентрах имелись только фактории хозорганизаций, ни в коей мере не обеспечивающие потребности в помещениях. С целью решения проблемы нехватки площадей производилась доставка построек, собранных, например, в Салехарде, в отдаленные пункты водным транспортом. Так перевозили дома в Тазовский район, в результате чего райцентр помещениями более или менее был обеспечен. Надымский РИК, развертывая строительство в райцентре — пос. Ныда — на зиму 1931—1932 г. свое местоположение перенес в с.Хэ, опять-таки по причине отсутствия жилья, пригодного для зимовок. В Ямальском районе было

построено всего одно здание, обеспечивающее размещение районных организаций и жилищные нужды. Понятно, что организация работы учреждений советской власти происходила в неблагоприятных условиях. В Салехарде, благодаря привлечению ссыльных крестьян, стало возможно развернуть новое окружное строительство (бараки, землянки в первую очередь). Были построены общежитие для строителей-рабочих, помещение под строительную контору, заложен Дом туземца и три жилых двухэтажных дома, здания для окрисполкома и госбанка³⁵.

К 1 ноября 1931 г. в округе с большим трудом были созданы районные и сельские туземные избирательные комиссии. В выборах 1931/32 г. в Ямало-Ненецком округе приняло участие 64% населения³⁶, однако есть и другие данные. В постановлении бюро Комитета Севера при Президиуме ВЦИК по докладу председателя Ямальского окрисполкома С.Ф.Скороспехова «Об организации Ямальского округа» сообщалось, что в перевыборах в округе участвовали только 62% всех избирателей.

В 1932 г., в соответствии с решениями вышестоящих органов, был взят курс на упразднение туземных советов, которые теперь должны были заменить советы, организованные по национально-территориальному признаку. Новые советы на Севере теперь должны были в большей степени выступать проводниками классовой политической линии советской власти. В постановлении бюро Комитета Севера при Президиуме ВЦИК по докладу С.Ф.Скороспехова подчеркивалось, что «перевыборная кампания выявила обострение классовой борьбы и, с одной стороны, значительно выросшее классовое самосознание бедноты и батрачества в тех районах, где раньше велась советская работа, а с другой — открытое сопротивление полуфеодалов, кулаков и шаманов. В ряде районов советы и оргкомитеты сумели организовать и возглавить батрацко-бедняцкие массы в борьбе с кулаками и тем создали почву для дальнейшего укрепления власти советов и социалистического переустройства ненецкого хозяйства»³⁷. В документе обращалось внимание на «крупную политическую ошибку», состоявшую в том, что «ряд советов и райисполкомов округа не приняли достаточных мер к привлечению середняка, как в строительстве советов, так и в социалистическом переустройстве хозяйства, в результате чего во вновь избранных советах оказалось только 13%

средняков, а в колхозах имеется лишь ничтожная прослойка середняков (окрисполкомом распущен Тувпогульский совет, в котором не было избрано ни одного середняка)»³⁸.

Сеть вновь организованных советов рассматривалась ВЦИК как крайне недостаточная (кочевые советы, охватывающие огромные территории, включают всего лишь по 2 000 населения). «Большинство советов не имеют технически и политически подготовленных секретарей, благодаря чему работа советов крайне слаба. Не налажена связь советов с райисполкомами вследствие отсутствия почтовых и радиосообщений, что сводит почти на нет руководство советами со стороны райисполкомов»³⁹.

На 10 января 1932 г. в пяти районах Ямальского округа насчитывалось 10 туземных советов и один сельский⁴⁰. По данным В.П.Петровой, в 1931—1932 гг. было создано 11 нацсоветов⁴¹. Фактически, количественного роста советов в округе почти не произошло (в 1929 г. — 9; в 1930 г. — 10 советов). Нельзя исключать, что и сведения о большой явке избирателей на выборы сильно преувеличены, так как в их проведении обнаружилось немало трудностей⁴². В их числе — недостаточная информированность, отсутствие необходимых материалов для агитации, соответствующих для выборов документов, неявка туземцев, нерасторопность секретарей тузсоветов и т.п.

Советы формировались и строили свою работу на основе «Положения об окружных съездах советов и окружных исполнительных комитетах национальных округов северных окраин РСФСР», утвержденного ВЦИК и СНК РСФСР 20 апреля 1932 г.⁴³ В районах с оседлым населением создавались сельские советы, действующие на основании общего положения, а в местах, где преобладало кочевое или полукочевое население, — кочевые советы, работа которых определялась особым положением, утвержденным ВЦИК.

В Ямальском округе кочевые советы начали формироваться с 1932 г.⁴⁴ На страницах партийной и советской прессы тех лет вопрос о кочевых советах, призванных охватить советизацией кочевников, стоял весьма остро. Кочевой совет должен был проводить хозяйственные мероприятия, работу по коллективизации, осуществлять руководство организациями и учреждениями, находящимися в его ведении. Подчинялся кочевой совет исполкому

райсовета. Организационные вопросы были типичными: формирование кочевой избирательной комиссии, выявление лиц, подлежащих лишению избирательных прав, выбор делегатов на районный съезд. Территория и границы деятельности кочевого совета определялись национальным РИКом или окрисполкомом. Кочевой совет формировался при наличии 200 и более человек населения. Предполагалось, что совет должен иметь две резиденции — зимнюю и летнюю. От 30 человек населения выбирался 1 депутат в совет, сроком на 1 год. Исполнительными органами являлись президиум совета во главе с председателем и уполномоченные кочевого совета⁴⁵.

При кочевых советах формировались кочевые общественные суды, которые действовали в порядке общественной нагрузки. Суд состоял из председателя и двух членов. Заседание проводилось открыто, велось на родном языке. Рассматривали дела, связанные с нарушением правил охоты и звероловства, охраной лесов, нерестилищ, кражами и порчей имущества, оскорблениями, невыполнением договоров. Дела об имущественных спорах рассматривались на сумму, не превышающую 100 руб., трудовые споры — не более чем на 25 руб.⁴⁶ В постановлении 2-го пленума Ямальского окрисполкома подчеркивалось неудовлетворительное состояние работы судов. «Туземные суды бездействуют, их роль в тундре отсутствует»⁴⁷.

Задачами сформированных вновь советов на Севере признавались разъяснительная работа среди туземцев, организация школ и больниц, создание красных чумов. Деятельность советов осуществлялась по нескольким направлениям: политико-организационному, хозяйственному и финансово-бюджетному. Такая многофункциональность была необходимой, и она же позволяла координировать деятельность советских органов по разным направлениям экономической и социально-культурной работы.

Советское строительство, по мнению областного руководства и Комитета Севера, шло медленно. Называлось много недостатков, главные из которых сводились к малой численности советов, недостаточному охвату советами коренного населения, слабому привлечению туземцев к советской работе, отсутствию проведения классовой линии в деятельности национальных советов. Для устранения недочетов и создания условий для быстреего укрепления

советской власти, развития социалистического строительства во вновь образованном округе Бюро Комитета Севера предложило Ямальскому окружному исполкому серию мероприятий:

«1. Укомплектовать все советы политически подготовленными секретарями и развернуть в них массовую работу с беднотой и батрачеством для создания советского актива.

2. Развернуть подготовку кадров из ненцев и усилить выдвижение и коренизацию советского аппарата.

3. Принять меры к широкому вовлечению середняков в советское и колхозное строительство (в работу советов, секций, кооперации, ККОВ и т.п.).

4. Разработать вопрос о разукрупнении кочевых советов и о создании новых районов на Гыда-Яме и Северном Ямале.

5. Применять более решительные меры вытеснения, ограничения и изоляции кулачества путем удаления их из всех организаций, привлечения к твердым заданиям (в тех районах, где существуют организации бедноты и батрачества и комитеты содействия заготовкам), отпуска им дефицитных товаров-продуктов в строгом соответствии с выполнением твердых заданий.

6. Принять меры к осуществлению на практике со стороны окрисполкома надлежащего руководства колхозами, как путем живого инструктажа, так и укомплектования колхозов руководящим и техническим персоналом.

7. Учитывая слабость материальной базы колхозов, впредь оленей, конфискованных в судебном порядке, передавать, как правило, не в совхозы, а в колхозы в порядке долгосрочного кредита.

8. Уделить особое внимание руководству и практической помощи Надымскому оленсовхозу, особенно в укомплектовании его кадрами пастухов из ненцев, в возведении построек и снабжении необходимыми товарами-продуктами. Не допускать в дальнейшем практиковавшегося ранее расчета с пастухами оленями, приводящего к созданию новых единоличных хозяйств за счет обобщественного сектора»⁴⁸.

Административный нажим при решении проблем советского строительства на Ямале был типичен для Севера и в какой-то степени неизбежен, во-первых, ввиду значительной отсталости коренного населения, во-вторых, в связи с тем, что советы теперь выступали орудием проведения коллективизации и внесения в

туземную среду начал «классовой борьбы» — идей, одинаково чуждых сознанию аборигенов.

27 февраля — 4 марта 1932 г. в помещении Дома туземца прошел I окружной съезд советов Ямальского округа⁴⁹, в работе которого приняли участие 60 делегатов (они вряд ли представляли все население ямальской тундры). Съезд был открыт председателем оргбюро С.Ф.Скороспеховым.

Свою главную задачу съезд видел в том, чтобы наметить мероприятия по дальнейшему оживлению и укреплению деятельности национальных советов. Ставилась и сопутствующая политическая задача — «нанести решительный удар классовым врагам-кулакам, полуфеодалам и шаманам тундры». Съезд наметил комплекс задач, нацеленных на культурные преобразования в округе: «Тундра отставшая, некультурная станет тундрой социалистической»⁵⁰.

В адрес съезда пришли немногочисленные приветственные телеграммы из Института народов Севера, Уралавтодора, Остяко-Вогульского окружного съезда, от рыбаков и ударников комсомольской бригады Нового Порта⁵¹. На съезде выступили А.И.Парамонов — председатель Уралоблисполкома — с докладом «О работе Уральского областного исполкома» и С.Ф.Скороспехов с докладом «О работе оргбюро и очередных задачах»⁵².

В прениях выступавшие отмечали неудовлетворительную организацию работы и снабжения на рыбных промыслах, критиковали заготовителей. Прозвучала критика и в адрес некоторых национальных РИКов. Например, руководство Надымского РИКа «плохо заботилось о кочевых советах». А работники Пуровского национального совета «даже не знают, какое население там живет, да и вообще живет ли кто»⁵³. Отсутствие связи в некоторых кочевых районах с местным населением — типичная черта тех лет. На это указывали члены оргбюро, отметив, что, начав работать в округе с 20 июня 1931 г., еще не видели основного ненецкого населения⁵⁴.

Вопрос о разрывании классовой борьбы также стал предметом обсуждения на съезде. «В нашей тундре классовая борьба разгорается, как в любой русской деревне и направлена к тому, чтобы не дать организовать советской власти. Кулак тундры раздает пачками деньги и оленей не потому, что он так любит бедноту, а исключительно в целях привлечения батрачества, бедняков и середняков на свою сторону». В этой критике досталось и

работникам кооперации, за отсутствие у них классового чутья: «До сего времени работники факторий и интегральной системы считают, что только тот хороший работник, кто принесет много песцов, не признают никакого классового расслоения»⁵⁵. Делегат из Ямальского района Пуйко отмечал, что «для того, чтобы хорошо национальный совет передвигался и имел результаты в работе, нужно эту работу поставить планоно, а то бывает гонение от чума к чуму совершенно бесцельно. Недостаток оленей в стадах советов также приводит к срыву отдельных мероприятий, проводимых советской властью»⁵⁶.

Отсутствие дорог, плохая связь внутри района, между районом и окружным центром осложняла проведение советских мероприятий. Делегат из Надымского района Пермяков говорил: «Нет связи с районом. Материалы о выборах получили после того, как выборы уже провели»⁵⁷.

Состоявшийся окружной съезд показал наличие большого числа проблем с советизацией Ямальского Севера. Обеспокоенность затягиванием советского строительства на Севере выражена в решениях пленумов Ямальского окрисполкома (1933 г.), где в качестве центрального рассматривался вопрос о перестройке работы советов. Для выполнения решений пленумов, во-первых, были проведены курсы по подготовке секретарей национальных советов, а, во-вторых, в низовые советы для оказания практической помощи отправлялись работники окрисполкома.

2-й окружной пленум Ямальского окрисполкома принял постановление «О работе советов округа и поднятию их руководящей роли в тундре». В нем подчеркивалась слабая работа в этом направлении: «...Со стороны риков до сего времени не уделялось достаточного внимания по улучшению условий работы оседлых и кочевых советов»; «кочевые советы бесцельно кочуют по просторам тундры, гоняясь за населением»⁵⁸. В постановлении пленума нашли отражение причины, по которым тормозилась советизация. В их числе: недостаточно развитая массово-разъяснительная работа; неудовлетворительная сеть избирательных участков; выбор одних и тех же лиц в советы по нескольку раз; недостаток секретарей в советах, несвоевременное комплектование и незнание ими национального языка; низкая зарплата, отсутствие снабжения работников кочевых советов, необеспеченность их оленями; отсутствие

зимних и летних резиденций советов и точек кочевания; нерегулярность сборов пленумов национальных советов; процент участия населения в выборах от 25 до 33; советы на самостоятельный бюджет не переведены; хозяйственные организации игнорируют советы. Например, Ядинская фактория Уралпушнины и Собский интегральный кооператив заявили: «У нас нет бумаги, нет людей, которые бы для вас составляли сводки и отчеты; кроме того, мы вам не подчинены». «Председатель Яр-Салинского кооператива доходил до того, что отбирал у совета имущество: дрова, железные печи, лотки, выгонял совет из занимаемого помещения»⁵⁹. Таким образом, помимо натянутых отношений с коренным населением у советов возникла еще одна линия конфронтации — с хозяйственными организациями, ведущими заготовки и не заинтересованными в каких-либо структурах контроля за своей деятельностью.

В постановлении пленума окрисполкома записано, что с 1 января 1934 г. все туземные советы должны быть переведены на самостоятельный бюджет. В их ведение должны быть переданы школы, избы-читальни, красные чумы, медицинские и ветеринарные учреждения⁶⁰. Советы обязывали вести работу по развертыванию сети факторий, обеспечивать их работниками для лучшей постановки заготовок пушнины. Одновременно запрещали всякое местное налоговое самоуправство⁶¹. С переводом советов на самостоятельный бюджет должна была повыситься их роль и ответственность за решение большинства социально-экономических и социально-культурных вопросов.

Лишение избирательных прав — явление весьма характерное для северной советизации. Точных критериев отнесения хозяйств к эксплуататорским не было, и поэтому в лишении права голоса царил полный произвол. По мнению секретарей райкомов партии, избирательные комиссии проявили недостаточную «классовую бдительность», поэтому простор для произвола был достаточно широким. В.П.Петрова указывает, что в 1931—1932 гг. в округе было учтено 488 человек, подлежащих лишению избирательных прав⁶². Решение о лишении принималось общим собранием национально-го совета. Нередко в списки «лишенцев» попадала вся семья.

Анализ документов позволяет заключить, что перемены в политической деятельности национальных советов не происходило, они как бы оставались на одном уровне. Советы существовали, но

активно политикой не занимались. Между тем нельзя отрицать, что наряду с пассивностью национальных советов очевиден факт все возрастающего на них давления со стороны районных, окружных и областных партийных, советских структур по организации мероприятий, решавших задачи коллективизации тундровиков.

Поведение аборигенов в ответ на проводимые советской властью преобразования зачастую принимало формы пассивного «повседневного сопротивления»: работа спустя рукава, безынициативность, мелкое воровство, неявка на собрания и т.п.⁶³ Советские мероприятия начала 1930-х гг. дали старт нарушениям системы собственности у ненцев. Путем конфискации частных стад, административного разграничения пастбищ между колхозами, советские органы власти пытались заставить кочевников жить в новых условиях. Это, по мнению А.В.Головнева, ослабило былую гибкость миграций кочевников, особенно в периоды климатических невзгод, например, гололеда. Тем не менее, традиционный ненецкий режим землепользования продолжал действовать даже в рамках новой административной системы. Многие оленеводы сберегли небольшие частные стада оленей и сохранили наследственные права на использование участков пастбищных территорий. За порядковыми номерами колхозных бригад скрывались традиционные ненецкие родственно-соседские объединения⁶⁴.

Главным объектом в жизни ненцев, как подчеркивает А.В.Головнев, являлся олень. До тех пор, пока советская власть не оказывала сильного на них давления и не покушалась на оленей, ненцы терпели ее. Иногда ненцы шли на открытый конфликт с новой властью, используя традиционные методы: уход в отдаленные тундры и вооруженные выступления.

Бюро Уральского Комитета Севера 13 апреля 1931 г. рассмотрело вопрос о методах заготовок оленины на Севере. Были установлены контрольные цифры по заготовкам: убою подлежали 100 тыс. голов, что, фактически, составляло треть всего поголовья. Заготовки планировали вести на добровольных началах, путем покупки животных за наличный расчет (это касалось только бедняков); что же касается зажиточных оленеводов, то им предстояло отдать государству безвозмездно свои стада в рамках безавансовой контракции⁶⁵. Именно такие заготовки спровоцировали вооруженное выступление ненцев против советской власти.

С началом коллективизации ненцы резко изменили традиционный ритм сезонных миграций: в 1931 г. лишь половина оленеводов Ямала вернулась с северных летних пастбищ на юг, в зону административного контроля; в 1932 г. — лишь десятая часть. В дальнейшем недовольство советской властью вылилось в незначительное восстание («мандалада») в 1934 г.⁶⁶ Недовольство аборигенов мероприятиями советской власти в экономической и социокультурной сферах сопровождалось возмущениями, которые иногда перерастали в вооруженные столкновения. Распространенным способом противодействия был отказ перевозить приезжих начальников по тундре. Многочисленные документы о политическом положении в северных районах в 1933—1934 гг. свидетельствуют о фактах возросшей антисоветской активности: «появление бандгрупп, угроза оружием колхозникам, борьба против целевого снабжения, агитация за разгром складов интеграла, враждебное отношение к русским»⁶⁷.

Наибольшей остроты борьба достигла среди зажиточных кочевников-олленеводов. В течение 1932—1933 гг. имело место стихийное проявление недовольства в самых различных формах: срыв собраний и выборов, сокрытие имени и фамилии, состава семьи и поголовья оленей, бойкот и избиения бедняков-активистов⁶⁸.

В Ямальской тундре ненцы противились реорганизации родовых советов в национально-территориальные. Скорее всего, это происходило потому, что, выбрав в совет людей, которым они доверяли, ненцам было не совсем ясно, зачем нужны новые выборы и новые рекомендованные кандидатуры. «Новые советы выбирать не будем, подчиняться им не будем»⁶⁹, — заявляли крупные оленеводы Ямала. В докладе Ямальского окрисполкома IX расширенному пленуму Комитета Севера была предпринята попытка выявления причин недовольства местного населения мероприятиями советской власти.

В докладной записке Ямальского окружкома о политическом состоянии округа к концу 1934 г. сообщалось: «Если в 1932—1933 гг. только отдельные, еще недостаточно организованные группы кулаков и шаманов выступали против организации советов и пытались влиять на трудовое население тундры в целях привлечения их на свою сторону, и помешать партийным и советским органам осуществлению хозяйственно-политических мероприятий,

главным образом, оленных заготовок и заготовок пушмехсырья, то уже с весны 1934 г. эти отдельные кулацко-шаманские группы стали соединяться, а к осени 1934 г. оформились в одну многочисленную группу под названием “Мандолюда”, в переводе на русский означает “собравшиеся”. Основным местом деятельности “Мандолюды” являлся почти весь Ямальский полуостров и восточное побережье Байдарацкой губы. Руководителями и организаторами были: Ныд Вануйто, Хатеве Окатэтто, Вейсайби Окатэтто, Ютола Серпиу»⁷⁰.

Волнения на Ямале начались сразу же, как только власти начали форсировать социалистические мероприятия и принуждать аборигенов к их выполнению⁷¹. В результате активных антисоветских действий на Ямале ненцы сорвали перевыборы советов, ликвидировали Нейтинский, Тамбейский и Теутейский нацсоветы. В тундре начался массовый убой оленей. Основными требованиями жителей Ямальской тундры являлись: «Отменить нормы отоваривания продуктами и промтоварами», «Покупать по потребности и на деньги», «Долой кулаков и бедняков — мы все одинаковы», «Восстановить в правах голоса кулаков и шаманов», «Не признаем советов и своих выборных», «Новые советы выбирать не будем», «Уберите русских», «Мы против советских законов и выполнять их не будем», «Выдать всех ненцев с факторий и из советов», «Детей в школу отдавать не будем». Исполнение этих требований означало бы, что советская власть должна отказаться от всего, что она до сих пор делала в тундре.

Первыми выразили недовольство заготовками оленины и пушнины Эко Анагуричи (владелец 3000 оленей) из Надымского района и Май Солинтэр (владелец 3500 оленей) из Ямальского района. Последний 11 марта 1932 г. «в присутствии ненцев Типчи Сыротэтто и Семена Сыротэтто заявил уполномоченным Хэнско-го кооператива Витязеву и Ануфриеву, что он не признает постановление бедняцкого собрания о контрактации оленей», что бедняки не имеют права обсуждать вопрос о нем и его оленях. «Много было у вас разных уполномоченных, ничего они не добились, не добьетесь и в дальнейшем. Я могу жить без русских. У меня есть олени, сыт буду». 24 апреля 1932 г. Май Солинтэр при вручении ему повестки о явке в суд за эксплуатацию батраков заявил: «Советскую власть не признаю, у меня свои законы»⁷².

В 1934 г. отчасти под воздействием слухов о «войнах» на Казыме и Тольке, а в основном из-за неприятия все более бесцеремонных действий советской власти, на Ямале действительно разворачивается мандалада. В одних случаях собравшиеся прибегали к пассивным средствам борьбы — блокаде советских факторий или их саботажу. Например, весной 1934 г. с каравана нарт «были сброшены и оставлены в тундре грузы, направленные на фактории Ямальского и Приуральского районов». При других обстоятельствах шли в ход более активные методы. На северном Ямале «группировщики в присутствии зам. пред. окрика т. Ного, члена президиума окрика т. Зеленина и инструктора окрика Самбурского устроили “народный суд” (кулацкая расправа) над председателем Тамбейского нацсовета и членом совета, категорически отказавшимся идти в группировку. Этим товарищам раздели догола, катали по снегу, избивали, а затем обязали идти в группировку»⁷³.

На Хэнской стороне Обской губы (в Надымской тундре) была разграблена выездная фактория в верховьях Надыма и убиты Мурашев (уполномоченный УГРО), Дмитрий Лагей (милиционер) и Максим Ануфриев (член правления интегралкооператива и зав. разъездной факторией).

В докладной записке «О политическом положении в Ямальском районе по состоянию на 15-е августа 1934 года» сообщалось весьма подробно о событиях, развернувшихся в тундре⁷⁴. Автор записки — Елфимов, руководитель бригады окружкома и окрисполкома в Южно-Ямальском национальном совете. Он сообщал: «Основным местом действий кулацкой группировки Ямала является Южно-Ямальский национальный совет. ... Занимает территорию Среднего Ямала от п. Яр-сале до Морды-Яги с количеством кочевого ненецкого населения до 400 хозяйств, постоянно кочующих на территории совета: зимой 270—300 чумов и летом 130—150 чумов.

Весной 1934 г. на эту площадь подошло из Приуральской тундры и Малого Ямала еще до 100 хозяйств. Кулацкая прослойка населения, систематически саботирующая проведение всех хозяйственно-политических мероприятий, в марте—апреле 1934 г., используя свою силу экономического воздействия над бедной и середнячеством, допущенные перегибы, родовые взаимоотношения, организовавшись в группу, действуя в основном методом застраживания отобрать оленей, роспуском всевозможных слухов и пр., стянула

вокруг себя до 80% Ямальского населения, распространив свое влияние на население Приуральского района в направлении Еркуты Лучида и на население Северного Ямала обслуживаемого кочевыми советами Теутейским, Нейтинским, Тамбейским»⁷⁵.

Далее им была охарактеризована политическая ситуация на Ямале по состоянию на 15 августа 1934 г., хотя Елфимов описывал, как развивались события, начиная с июня 1934 г.: «Группа с количеством мужчин до 600 человек, представляющих из себя жителей всех перечисленных районов и пришедших из Надымского района, расположена на правой стороне реки Юрибея, начиная от его среднего течения до устья. Разбившись стойбищами в 5—6 чумов, сгруппировавшихся вокруг одного кулацкого чума с хорошо организованной связью между ними.

В июне текущего года через мыс “Каменный” перевалило Обь 26 хозяйств: Салиндер Нерчи, Вануйто Ябери, Ядне Пайдаво, Ядне Ядаку, Салиндер Папочи, Салиндер Мыняне, Ядне Сюнз, Ядне Ненакучи, Ядне Тэл, Ядне Ирику, Ядне Оле, Адер Небе, Адер Хасю, Адер Юю, Адер Ерча, Адер Пидилума, Салиндер Лево, Салиндер Янгане, Вануйто Анири, Вануйто Тамник, Выло Аполи, Выло Хатчево, Ядне Пай-Айво, Вануйто Лаву, Салиндер Няроайво, Салиндер Айволи. Под руководством кулака Надымского района Вануйто Ябери (один из организаторов Мало-Ямальской группировки 1932—1933 гг.) и кулака из Туруханского края Ядне-Тэл. С приходом этой группы населения руководство группировкой Ямала возглавляется Вануйтами, Таи, Панума (кулаки Южно-Ямальского национального совета), Вануйто, Ябери (кулак Надымского района), Ядне Тэл (кулак Енисея), Худи-Ерана (Ямальский кулак), Худи Саут (кулак), Салиндер Епсута, Салиндер Яули (Ямальские бедняки)»⁷⁶.

Автор записки указывал, что среди собравшихся имелась достаточно большая прослойка людей, «насиленно взятых в группу вплоть до арестов, эта часть участников группы не проявляя никакой активности в действиях кулачества настроена из группы уйти и отходит под защиту нацсоветов»⁷⁷.

Далее в документе приводились высказывания и характеристики на представителей такой «группировки».

Янвай-Пиноли — бедняк, член н/совета: «Я не хотел идти к кулакам, а они приехали ко мне в чум с собаками и начали силой отбирать наших оленей, говоря, что если вы с нами жить не будете,

олений ваших угоним к себе, будем ими кормить своих людей. Я думал, думал. Что делать? Жаловаться ехать в Щучье далеко, ну и дал им слово, что буду жить с ними. Раз вот вы сейчас приехали сюда с н/советом, я прикладываю свою тамгу за н/с. С кулаками я жить не могу вместе, я по-маленьку от них уйду. Мое мнение такое: народ, который живет с кулаком, не давать на факториях ему хлеба, хотя бы и за пушнину, вот тогда они скоро от них отколются».

Тогали-Модай (середняк): «Да, я состою в группировке, но меня насильно туда взяли. Приехали ко мне в первый раз пять человек и говорят: — Давай пойдем к нам жить, русские нас не стали совсем кормить. Я спрашиваю: — А кто меня будет кормить, если я к вам уйду? — Будешь есть своих оленей, насколько хватит. — Я отказался пойти в группировку. Дня через два приехало ко мне больше людей с собаками и говорят: — Ну, как, надумал с нами жить. — Нет, не надумал. Ну, тогда они соскакивают и начинают угонять моих оленей. А я без оленей куда? Согласился пойти в группу. Я знаю, что сделал худое дело, дал им свое слово, все же с ними жить не буду. Сейчас вот думаю подкаслать ближе к совету, если там отберут оленей, то все же там недалеко будут нацсовет и фактория, как-нибудь прокормят меня».

Тогали-Епсута: «Меня заставили пойти к кулаку, приехали ко мне люди и говорят: — Русские заморят нас голодом, а будем одни жить, тогда прокормимся лучше. Я им говорю: — У меня еще немного хлеба есть, я голодом не сижу, с вами жить не буду. Тогда соскакивает Худи-Нуди-Хасаво (кулак) и говорит: — Как не пойдешь с нами жить, ведь ты мне должен. Ну, что же, что должен, отдам потом. Он тогда поймал у меня быка хорошего и теленка и поехал. Остальные всех оленей заворачивают, ну я и дал свое слово им. Тогда мне быка отдали, а теленка увезли и сейчас не отдают. С началом зимы пойду к совету, с кулаками жить не буду и даю вам свою тамгу»⁷⁸.

Переговоры советской власти с взбунтовавшимися ненцами продолжались в течение всего 1934 г. Протоколы заседаний бюро Ямало-Ненецкого окружкома ВКП(б) лета — осени 1934 г. свидетельствуют, что главной проблемой для окружного руководства являлось непослушание советской власти ненцев Ямала⁷⁹.

2 декабря на собрании около оз. Яро-то (Приуральский район) в присутствии бригады окружкома ВКП(б) под страхом избиения

сдали представителям района свои удостоверения часть членов Щучьереченского нацсовета. До этого подвергались суду (раздевание, катание по снегу, избивание) члены и бедняки Щучьереченского нацсовета Хаю Вылко, Неуси Лаптандер и др. Здесь же зажиточные аборигены потребовали выдачи на суд председателя Приуральского рика Хатанзеева, переводчика райотдела НКВД Григория Наричи и одного из членов Щучьереченского нацсовета. Лишь благодаря значительной численности и энергичным действиям бригады окружкома партии расправа не состоялась⁸⁰.

«Повсюду наблюдается массовый убой оленей. На северном Ямале, а также и на Байдарате в основном закрыт пушной промысел. Трудовому населению «Мандолыдой» запрещено промышлять зверя. «Нынешний год, — говорят руководители “Мандолыды”, — не год промысла, а год разговоров с советской властью»⁸¹.

30 декабря 1934 г. состоялось внеочередное заседание бюро ВКП (б) Ямало-Ненецкого округа, постановившее «просить обком партии разрешить операцию по изъятию главарей группы». Вина за срыв хозяйственных мероприятий, за медленно создаваемые советы и колхозы возлагалась на коренных жителей. В докладной записке «О положении в Ямальском районе» от 26 августа 1934 г., составленной руководителем бригады Елфимовым, на этот счет прямо говорилось: «Кулацкая прослойка населения систематически саботировала проведение всех хозяйственно-политических мероприятий»⁸².

Главными организаторами и руководителями «кулацко-шаманской группировки» назывались в официальных документах Ныд Вануйто, Хатево Окатэтто (кулак), Вейсайби Окатэтто (сын кулака Тилянга Окатэтто, осужденного в 1932 г.), Ютола Серпиу (середняк), Ямно Окатэтто (шаман), Янота Вануйто, Януоти Вануйто, Ханзекко Худи (кулак), Солинтэр (имя и соцположение не установлено), Илья Пырырко (середняк)⁸³.

Эсико Лаптандор дважды состоял в мандаладе — в 1930-х и 1940-х гг. Он вспоминал: «Когда началась мандалада, я кочевал в устье Юрибея. Мандалада пошла с Оби, прошла через горы, Константинов Камень, дошла до моря. Я не знаю по именам, кто были те русские, которые отбирали оленей. Солдаты как солдаты, красноармейцы. Какой был год — тоже не знаю. Когда началась советская власть, красноармейцы стали ходить по тундре, по чумам.

По 10—15 человек ходили с ружьями. Все должны были давать им упряжки оленей. Хоть бедный, хоть богатый — все равно должен дать оленей и нарты, если кто не дает, значит, он за белых, его сразу стреляют. А если дает, то должен отвезти красноармейцев дальше, куда они скажут. Потом уже может вернуться назад на своей упряжке. Красноармейцы людей собирали с каждой тундры по одному, в Салехард на собрание увозили. Потом (какое-то время спустя) пошло другое дело. Сказали, что надо собрать по нашей (Усть-Юрибейской) тундре 300 оленей и отдать бесплатно. Люди не хотели отдавать оленей. А потом стало еще хуже. Красноармейцы стали ездить по чумам, искать золото. Если человек золото не отдавал, его самого увозили. Шаманов всех забирали. Красноармейцев возили ненцы на своих упряжках. Они же отнятых оленей в стадо собирали и куда-то угоняли. На следующий год оленей у всех стали отнимать. Встретился я тогда же с человеком по имени Епцу Худи. Он сказал: “В этом году мы попались”. Я его спросил: “Во что попались?” Он ответил: “Русские пришли. Советская власть на нас напала. Всех оленей отобрали и сделали из них одну кучу. Людей стали назначать. Из кучи сделали несколько стад. Детей и женщин собрали по тундре и, как оленей, погнали, увезли на двух баржах в Яр-Сале (культбазу). На баржах нужно справиться некуда, везде воняет”»⁸⁴.

Выступление против советов вообще — явление весьма распространенное у жителей тундр в те годы. Аборигены наивно верили в возможность отстоять прежнее родовое управление и сохранение привычного образа жизни, их не покидала надежда, что власть оставит, наконец, их в покое. Состоятельные остяки и самоеды рассуждали: «Не надо нам совет. Без него раньше жили лучше»; «Пусть будет как раньше: роды со старшинами, так лучше и начальства меньше»⁸⁵.

На основе анализа документов можно прийти к выводу о том, что власть родовых князей в Ямальской тундре сохранялась фактически не только до середины 1930-х гг., как указывал А.А.Базаров и ряд исследователей, но и в последующие годы.

В течение двух лет (1931—1932 гг.) продолжалось формирование партийных и государственных органов власти. Переход на новую административную модель удалось завершить только в 1933 г. Советское строительство на Ямале в начале 1930-х гг.

характеризовалось противоречивостью. С одной стороны, наблюдалось стремление форсировать создание советов, а с другой, советские активисты столкнулись с неразрешимой проблемой по охвату ненцев советами и проведению основных мероприятий: коллективизации и заготовок.

Ненцы оказали активное сопротивление мероприятиям советов и откочевали вглубь полуострова Ямал. Советская власть рассчитывал получить в тундровых советах разветвленный покорный аппарат для осуществления на Севере планов строительства социализма. Он должен был любой ценой обобществить промысловые хозяйства, перевести кочевников на оседлость, ликвидировать неравенство, покончить с неграмотностью и обеспечить невиданный взлет культуры. Ненцы сначала настороженно, а затем враждебно восприняли новый курс. Советы не получили их доверия и поддержки. Ненцы видели в них чуждую и непонятную власть, которая бесцеремонно вмешивалась в их жизнь, разрушала веками существовавшие отношения, навязывала совершенно неприемлемые иррациональные формы коллективного хозяйства, сеяла вражду и ненависть к соплеменникам.

Ненцы не в силах были остановить машину наступления социализма по всему фронту, да и не пытались всерьез этого сделать. Как следовало из тактики ведения их по преимуществу пассивных традиционных «войн», они нередко давали этой машине возможность нанести сокрушительный удар в пустоту, отступали, скрывались в отдаленных тундрах, приспосабливались к колхозным и административным новшествам, но с завидным упорством сохраняли свой строй жизнедеятельности. Казалось, по всем тундрам победоносно прошествовали карательные отряды и бригады уполномоченных, были очищены от кулаков колхозы и переизбраны советы. Однако то там, то здесь вдруг вновь обнаруживались «гнезда контрреволюции».

Советская власть явственно ощущала это мягкое, но упорное противодействие. Принимаемые постановления и планы перевода кочевников на оседлость (в 1935 г. и позднее) оказывались формальными, в создаваемых и пересоздаваемых колхозах неизменно одерживали верх традиционные методы ведения хозяйства, обустраиваемые поселки и фактории не приобретали значения центров, оставаясь для оленеводов пунктами эпизодических визитов.

Советская власть так и не смогла найти свое место в тундре, стать нужной ненцам (или сколько-нибудь значительной их части)⁸⁶. Различные формы сопротивления ненцев мероприятиям советской власти свидетельствовали о том, что аборигены не могли полностью принять чуждый им образ жизни, нередко не понимали, почему новая власть не может оставить их в покое.

Примечания

- ¹ Никитин Д.Н. Журнал «Революция и национальности». Теория и практика национального строительства в СССР (1930—1937 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 133.
- ² ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 715. Л. 26.
- ³ СУ 1931. № 8. С. 98; ГУ ГАТО в г.Тобольске. Ф. 695. Оп. 1. Д. 162. Л. 10.
- ⁴ ГУ ГАТО в г.Тобольске. Ф. 695. Оп. 1. Д. 162. Л. 32.
- ⁵ ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 715. Л. 16.
- ⁶ Дементьева Н. Это начиналось так // Югра. 2000. № 11. С. 25.
- ⁷ Мазуренко Г.А. Партийное строительство на Советском Севере в период построения социализма. Томск, 1979. С. 84.
- ⁸ ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5. Л.11—14.
- ⁹ ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 790. Л. 3.
- ¹⁰ Судьбы народов Обь-Иртышского Севера // Из истории национально-государственного строительства (1822—1941). Тюмень, 1994. С.182.
- ¹¹ Мазуренко Г.А. Партийное строительство... С. 85, 95, 97, 99.
- ¹² Лаврентьева М.А. Советское и партийное строительство в районах Крайнего Севера в 1926—1936 гг. // Вестник Ленинград. ун-та. Серия истории, языка и литературы. Л., 1961. Вып. 4. № 20. С. 7.
- ¹³ ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 790. Л. 3.
- ¹⁴ Гриценко В. Трудное детство Пуровского района // Ямальский меридиан. 2002. № 4. С. 26.
- ¹⁵ Судьбы народов... С. 188.
- ¹⁶ Прибыльский Ю.П. Советизация Севера... С. 70.
- ¹⁷ Ямал. Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа. Салехард, 2004. Т. 2. С. 184.
- ¹⁸ ГУ ГАТО в г.Тобольске. Ф. 695. Оп. 1. Д. 165. Л. 10.
- ¹⁹ Ямал. Энциклопедия ... Т. 3. С. 142.
- ²⁰ ГУ ГАТО в г.Тобольске. Ф. 695. Оп. 1. Д. 165. Л. 10.
- ²¹ Ямал. Энциклопедия ... Т. 2. С. 330.
- ²² ГУ ГАТО в г.Тобольске. Ф. 695. Оп. 1. Д. 165. Л. 10.
- ²³ Ямал. Энциклопедия... Т. 3. С. 326.
- ²⁴ ГУ ГАТО в г.Тобольске. Ф. 695. Оп. 1. Д. 165. Л. 10.
- ²⁵ Ямал. Энциклопедия... Т. 2. С. 341.
- ²⁶ ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 17а. Л. 74, 177.
- ²⁷ Ямал. Энциклопедия... Т. 3. С. 286.
- ²⁸ ГУ ГАТО в г.Тобольске. Ф. 695. Оп. 1. Д. 165. Л. 10.

- ²⁹ Гриценко В. Трудное детство ... С. 26.
- ³⁰ Судьбы народов... С. 191—194.
- ³¹ ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 38. Л. 17.
- ³² Зибарев В.А. Советское строительство у малых народностей Севера (1917—1932 гг.). Томск, 1968. С. 265—266.
- ³³ ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6. Л. 4.
- ³⁴ ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 790. Л. 3.
- ³⁵ Судьбы народов... С. 183—184.
- ³⁶ Веселкина В.В. Возникновение национальной государственности у малых народов Обского Севера (1917—1934 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1971. С. 255—256.
- ³⁷ Судьбы народов... С. 191—194.
- ³⁸ Там же. С. 192.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ ГУ ГАТО в г. Тобольске. Ф. 695. Оп.1. Д. 165. Л. 10.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ СУ. 1932. № 39. С. 176.
- ⁴⁴ Строгаль А. Национальное строительство. Ямальские загибы // Известия Уральского облисполкома. 1932. № 66. С. 14.
- ⁴⁵ ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 35. Л. 18—18 об., 19—20.
- ⁴⁶ Там же. Л. 23.
- ⁴⁷ Там же. Л. 9.
- ⁴⁸ Судьбы народов... С. 196.
- ⁴⁹ ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5; Киселев Л.Е. Партийное руководство хозяйственным и культурным строительством в автономных округах Севера РСФСР (октябрь 1917 — июнь 1941 гг.). Томск, 1989. С. 230.
- ⁵⁰ ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5. Л. 1—2, 12.
- ⁵¹ Там же. Л. 5.
- ⁵² Календарь памятных дат Ямало-Ненецкого автономного округа на 2002 г. Салехард, 2002. С. 12.
- ⁵³ ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5. Л. 15.
- ⁵⁴ Там же. Л. 11—14.
- ⁵⁵ Там же. Л. 15.
- ⁵⁶ Там же. Л. 22.
- ⁵⁷ Там же. Л. 23.
- ⁵⁸ Там же. Оп. 3. Д. 35. Л. 9.
- ⁵⁹ Там же. Л. 9 об.
- ⁶⁰ Там же. Л. 11.
- ⁶¹ Там же. Л. 14.
- ⁶² Петрова В.П. Волнения ненцев на Ямале в 1932—1934 гг. // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 1996. Тюмень, 1998. С. 101—102.
- ⁶³ Алексеева Л.В. О стратегиях сопротивления аборигенов Ямальского Севера советизации в первой половине 1930-х гг. // Природа терроризма и психологии человека на историческом фоне его угрозы. СПб., 2007. С. 8.
- ⁶⁴ Головнев А.В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004. С. 92.

- ⁶⁵ ГАСО. Ф.Р-241. Оп. 2. Д. 2461. Л. 12 об.
- ⁶⁶ Головнев А.В. Кочевники тундры... С. 92.
- ⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 42. Д. 112. Л. 20.
- ⁶⁸ Петрова В.П. Волнения ненцев... С. 102.
- ⁶⁹ Зибарев В.А. Советское строительство... С. 276.
- ⁷⁰ ГАОПОТО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 22. Л. 184.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Судьбы народов... С. 238—239.
- ⁷³ Там же. С. 240—241.
- ⁷⁴ ЦДНПО. Ф. 3057. Оп. 1. Д. 13. Л. 234—237.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Там же. Л. 234.
- ⁷⁸ Там же. Л. 235.
- ⁷⁹ Там же. Д. 51. Л. 130.
- ⁸⁰ Судьбы народов... С. 240—241.
- ⁸¹ Там же. С. 241—243.
- ⁸² ЦДНПО. Ф. 3057. Оп. 1. Д. 13. Л. 23.
- ⁸³ Судьбы народов... С. 238.
- ⁸⁴ Гриценко В.Н. История Ямальского Севера в очерках и документах. Омск, 2005. Т. 1. С. 265.
- ⁸⁵ Зибарев В.А. Советское строительство... С. 277.
- ⁸⁶ Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 184—192.

Глава 2

«КУЛАЦКАЯ ССЫЛКА» НА ТЕРРИТОРИИ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО ОКРУГА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.: ЧИСЛЕННОСТЬ, РАЗМЕЩЕНИЕ, УСЛОВИЯ ЖИЗНИ

К началу 1930-х гг. входившая в состав Уральской области территория Северо-Западной Сибири представляла собой обширный труднодоступный и малоосвоенный район. Обладая значительными сырьевыми и биологическими ресурсами, данный регион существенно уступал по уровню социально-экономического развития, численности и плотности населения сопредельным районам Урала и Сибири. Индустриализация страны, развернутая в годы первой пятилетки, повлекла за собой развитие различных отраслей промышленности, которые потребовали и соответствующего контингента рабочей силы. Одним из основных источников комплектования рабочей силы для развивавшихся отраслей производства в северных районах стали крестьяне, высланные сюда в процессе осуществления массовой коллективизации сельского хозяйства.

Согласно принятому 5 февраля 1930 г. постановлению бюро Уралобкома ВКП(б) «О ликвидации кулацких хозяйств в связи с массовой коллективизацией», высылке в малонаселенные и необжитые районы Уральского Севера только из округов Уральской области подлежало «до 15000 кулацких хозяйств»¹. Кроме этих 15000 «уральских кулаков» еще несколько ранее, на заседании бюро Обкома 31 января 1930 г., было решено «ориентировочно принять предложение центра о размещении на Урале 40 000 семейств кулачества, высылаемых из других районов Союза». Из них к размещению в Тобольском округе (куда входил и Обдорский район, из которого в 1930 г. будет образован Ямальский (Ненецкий) округ) планировалась 21 000 семейств². Причем в ходе разработки всех этих переселенческих планов всегда подчеркивалось, что «кулацкая ссылка» должна была размещаться исключительно «в порядке колонизации, с расчетом использования на лесоразработках и рыбных промыслах», должна была быть поставлена «в такие материальные условия, при которых она будет

находиться в полной зависимости от государственных предприятий, дающих ей заработок»³.

Таким предприятием, на которое была возложена обязанность по вселению и обслуживанию репрессированных крестьян⁴ и от которого они были поставлены в полную экономическую зависимость, в Обдорском районе (а в дальнейшем и Ямальском округе) стал Уральский (с 1931 г. — Обский) государственный рыбопромышленный трест (или Рыбтрест). 27 апреля 1930 г. в Свердловске между председателем правления Рыбтреста П.К.Ботманом и заведующим Уральским Областным Отделом труда М.Ф.Кулешевым был заключен специальный договор, утвержденный ПП ОГПУ по Уралу 29 апреля. Согласно этому договору:

«1. “Рыбтрест” принимает от “Уралоблтруда” ориентировочно три тысячи (3000) переселенцев[-]кулаков, из коих 2500 семейств временно расселенных в Тобольском округе по выбору “Рыбтреста” и не менее 500 семейств рыбаков[,] имеющих дополнительно прибыть в Тюмень.

3. С открытием навигации “Рыбтрест” обязуется перебросить принятые им семьи в Обдорский и Березовский районы.

По прибытии на места кулацкие семейства вселяются в первую очередь в имеющиеся у “Рыбтреста” жилые помещения и в принудительном порядке в населенных пунктах указанных районов, где они (переселенцы) живут впредь до постройки жилищ, которые должны строиться силами переселенцев...»⁵.

К маю 1930 г., как сообщало ПП ОГПУ по Уралу, Рыбтресту была произведена передача 2 530 семей для дальнейшей отправки таковых к местам работ в Обдорский район⁶. Исполняя принятые обязательства, на 14 июля 1930 г. «Рыбтрест» в Обдорском районе «располагал» 1123 семьями «кулаков». Правда, точность этих сведений ставилась под сомнение даже в источнике: это были лишь «общие свободные цифры», которые «в полной мере вопрос учета не разрешают»⁷. В отношении же расположения спецпоселков для размещения данных семей «Рыбтрестом», в полном соответствии с указаниями областных органов о принудительной колонизации северных территорий, еще до получения первых людских континентов таковые планировались как «наиболее целесообразные экономические пункты, слабо освоенные по вылову рыбы и имеющие в окрестностях топливные и строительные материалы»⁸. Однако на

практике и с обстраиванием, и со снабжением переселенцев возникли серьезные проблемы.

Уже 23 августа 1930 г. на заседании малого Президиума Уральского облисполкома констатировалось: «Признать состояние хозобстраивания кулаков в Тобольском севере в целом неудовлетворительным, а в Обдорском районе угрожающим: планы строительства сорваны, в Обдорском районе все высланные (за исключением 270 человек) размещены или во временных летних помещениях и шалашах, или в зимних помещениях туземцев, специального санообслуживания нет ... заболеваемость, особенно цингой, растет». Для исправления создавшегося положения предусматривалось: «сейчас же отгрузить из Обдорского района 400 семейств и направить их для использования на работах по указанию ПП ОГПУ по Уралу». Кроме того, «Рыбтрест» обязывался составить точный план расселения и дальнейшего строительства поселков для переселенцев⁹.

После принятия этого постановления 17—18 сентября 1930 г. при Обдорском Райуправлении «Рыбтреста» было создано специальное совещание «по вопросу проработки жесткого плана переселенческого строительства на промыслах района»¹⁰. Предложенные совещанием планы 20 сентября 1930 г. были рассмотрены и утверждены на заседании Обдорского райисполкома, который за слабое руководство переселенческим строительством объявил Райуправлению треста выговор¹¹.

Численный состав находившегося в Обдорском районе контингента репрессированных выражался следующими цифрами. По состоянию на 25 сентября 1930 г. в районе размещались 1044 семьи переселенцев или 5365 человек. Однако, как указывалось выше, отправке за пределы района подлежало 400 семей, состоявших из 2263 человек¹². Таким образом, к концу 1930 г. численность переселенческого контингента, находившегося в районе, должна была определяться приблизительно в 3000 человек (600 с небольшим семей).

Ко второму кварталу 1931 г., как видно из табл. 1, переселенцы были расселены в 11 пунктах района, в основном расположенных в южной его части. Количество их жителей оставалось фактически прежним — 611 семей (3 110 человек).

**Дислокация пунктов постоянного жительства переселенцев
по Обдорскому району по состоянию на 6 апреля 1931 г.**

Места расселения	Количество семей	Количество людей
1. р.Шуга	45	228
2. р.Нью-Яда	20	102
3. р.Ханби-Яга	70	355
4. промысел Пуйко	60	308
5. промысел Ямбура	40	203
6. промысел Казымский мыс	30	154
7. промысел Аксарка	40	204
8. Обдорск	116	591
9. пос.Тушвош	20	103
10. пос.Питляр	100	508
11. пос.Кушеват	70	354
ИТОГО	611	3110

Сост. по: ГАТО. Ф. 1785. Оп. 5. Д. 6. Л. 19.

В июне 1931 г. заместитель управляющего «Рыбтреста» дал распоряжение «принять 200 семей переселенцев[-]рыбаков[,] в общем количестве составляющих 996 человек, направленных из Азово-Черноморского района на Тобольский север для колонизации ...». Местом их назначения должны были стать Березовский и Обдорский районы (по 100 семей в каждый соответственно)¹³. В последнем переселенцы были размещены в количестве от 4 до 20 семей по существовавшим спецпоселкам. Причем 16 семей были отправлены в бассейн р.Таз¹⁴. Данное обстоятельство знаменовало известное расширение географии спецпоселенческой сети, продвинувшейся дальше на северо-восток региона. Состоявшееся 20 февраля 1933 г. совещание ответственных работников Ямальского отделения Обьрыбтреста, подтвердив «прямую целесообразность использования с[пец]/переселенцев как рабочую силу в рыбной промышленности», высказалось за необходимость создания поселков в таких пунктах, как Новый Порт (на 100 семей) и Тазовский район (на 150 семей)¹⁵.

Произведенная в течение 1933 г. организация этих спецпоселений, находившихся за Полярным кругом, осуществлялась

посредством крупной переброски нескольких поселков из соседнего Остяко-Вогульского округа, размещение поселенцев в котором «не совсем отвечало хозяйственным интересам треста»¹⁶. Вообще же такие переброски «излишнего населения» превратились в обычную производственную практику Обьтреста. Обычными стали и сезонные «передвижки» рабочей силы. Ежегодно трест весной набирал до 2 000 трудоспособных переселенцев в поселках Остяко-Вогульского округа для переброски таковых на период путины на заполярные промысла и рыбозаводы Ямала.

Что же касается динамики численности поселенцев, то существенного ее увеличения по сравнению приведенными выше данными по состоянию на апрель 1931 г. к середине 1930-х гг. не произошло. Конечно, определенный рост спецссылки имел место, однако по поводу его величины источники дают разные сведения. В докладной записке «О спецпереселенческом вопросе на Обском Севере» от 6 сентября 1934 г., направленной управляющим Обьрыбтреста Н.А.Углановым Наркому пищевой промышленности А.И.Микояну говорилось, что «всего в системе треста находится 17 000 чел[овек], составляющих 4086 семей. Размещены они на 29 поселках. Из них за полярным кругом в Ямальском округе размещены 6 поселков около 6 000 ч[еловек]»¹⁷. В то же самое время в записке, посвященной тому же вопросу и отправленной тому же адресату Омским облисполкомом в 1935 г. (с 1934 г. округ вошел в состав Омской области) речь идет о «886 трудоселенческих хозяйств с общим количеством членов семейств 3 759 человек»¹⁸. Сходные цифры о размерах спецссылки по состоянию на начало 1935 г. приводятся Ямальским окружкомом ВКП(б) (4 005 человек) и Управлением НКВД по Омской области (3 582 человек)¹⁹.

Изменения общего количества переселенцев происходили не только в результате осуществлявшихся «Рыбтрестом» перемещений последних. Свой вклад в колебания их численности вносили и процессы естественного движения, протекавшие в среде ссыльных. Данные по этому вопросу носят весьма ограниченный и фрагментарный характер, но даже они свидетельствуют, что заболеваемость и смертность среди переселенцев, вызванная главным образом неудовлетворительными условиями их содержания, была высока, особенно в первые годы ссылки. Так, в 1931 г. Уралоблздравотдел

констатировал: «Наличие целого ряда вспышек сыпного и брюшного тифа почти по всем местам расселения спецпереселенцев, огромнейшего числа простудных заболеваний, целый ряд заболеваний кожного характера — все это влияет на большую смертность как среди взрослого, так и в особенности среди детского населения»²⁰.

Ситуация на Обдорском Севере в лучшую сторону по сравнению с общеобластной не отличалась. Как отмечалось выше, в условиях отсутствия достаточной жилой площади, какого бы то ни было медобслуживания и роста заболеваемости, особенно цингой, около 2 200 переселенцев по требованию Облисполкома были вывезены из Обдорского района в течение 1930 г. Однако проблема нормального размещения и обслуживания ссыльных этим решена не была. 3 мая 1931 г. Бюро Уралобкома ВКП(б) приняло постановление, обязавшее все хозорганизации, в распоряжении коих имелись спецпереселенцы, «форсировать строительство поселков для переселенцев с расчетом, чтобы к 1 июня было выстроено не менее 70%, к 1 июля — 90% и к 1 августа 100% всей потребности»²¹. Несмотря на это, в Обдорский район лес для строительства стал поступать лишь со второй половины августа. Немалую роль в задержке строительства сыграло отношение к делу заведующих промыслами и начальника Райуправления треста, которые высказывались «о ненужности строительства, его дороговизне, что о кулаке заботиться мы не должны, он является вековым эксплуататором бедноты и т.д.»²². Уполномоченный Союзрыбы по Уралу А.Н.Яхнович, посетивший в 1930 г. Обдорский район, также отмечал, что «отношение ряда хозяйственников к спецпереселенцам желает много лучшего», что на них смотрят как на людей, «которых навязали хозяйственникам, а последние не знают как от них избавиться»²³. В итоге переселенцы, завезенные в район в 1930 г., по выражению управляющего делами Союзрыбы А.Самсонова, «сидели, рассованные по всем норам»²⁴.

К началу 1932 г. в основных пунктах размещения переселенцев Ямальского округа для них было построено 58 строений, пригодность которых для проживания была весьма сомнительной. Произведенное в феврале 1932 г. окружным прокурором обследование размещенной в округе спецссылки выявило, что «благодаря их поздней отстройке и из сырого лесоматериала и недостаточного

отопления почти во всех спецпереселенческих домах бежит с потолка и со стен, воздух сырой... Сложенные печи в большинстве своем уже непригодны. В бараках холодно. В некоторых спецпереселенческих квартирах поставлены железные печки, но в значительной части квартир печек нет никаких, даже железных в силу чего последние совершенно не отапливались...». Большие проблемы имелись и с топливом. Та часть переселенцев, что были заняты на строительных работах, «хотя в недостаточной мере, но все же снабжаются щепьем и отходами на строительстве», а «лица, используемые на рыбопромыслах и других работах, топливом совершенно не снабжаются и никаких мер в этом отношении не принимается»²⁵.

Резолюция Окружкома ВКП(б) по данному вопросу гласила: «в недельный срок снабдить все бараки ... печками, приняв меры к ... достройке неотстроенных бараков, а также произвести их отопление»²⁶. Впрочем, два года спустя, в 1935 г. и Окружком ВКП(б), и Окружной отдел НКВД вновь констатировали недостаток жилой площади и «скверное качество бараков», требовавших капитального ремонта в Обдорске, Новом Порту и Тазе. На прежнем уровне находилось и снабжение топливом²⁷. Типичным в этом отношении являлось положение спецпоселка Новый Порт: «дома внутренними перегородками на комнаты не разгорожены, 50% в домах вставлены одинарные рамы, стекла в которых большинство выбиты, завешены рогожными коврами, дома нормально не отапливаются, дровами в достаточном количестве трудпосел[енцы] не обеспечены, ... в силу чего в домах стоит большая сырость, темнота, грязнота. Труд/пос[еленцы] спят на полах или сплошных нарах, что предусмотрено медициной крайне недопустимым и доводит до антисанитарного состояния»²⁸.

Другим фактором развития цинготных и других эпидемических заболеваний являлось и поставленное «из рук вон плохо» медицинское обслуживание ссыльных. К 1932 г. для них был организован лишь один медицинский пункт в Аксарке, работавший на котором фельдшер обслуживал еще и промысловых рабочих. В остальных поселках медпомощь либо была не организована совсем (Пуйко), либо оказывалась «общими» медицинскими учреждениями (Обдорск). Для обслуживания спецпереселенцев в округе был выделен только один врач²⁹. В результате имеющиеся

отрывочные данные о заболеваемости и смертности поселенцев по округу рисуют весьма мрачную картину. Так, уже упоминавшийся управляющий делами «Союзрыбы» А. Самсонов в своем докладе (1931 г.) писал: «Смертность громадная, особенно на крайнем севере. Заброшенные 9 семейств в Тазовскую губу вымерли за исключением 2-3 человек. В Обдорском районе смертность достигала 15—20%. Главным образом свирепствует цинга. В июне было эвакуировано в Тобольск 200 цинготных семей. В мою бытность свирепствовала скарлатина. Есть семейства, которые остались благодаря этой болезни без ребят»³⁰. Согласно другим данным, по Обдорской комендатуре за первый год ссылки умерло 346 человек, из них 245 детей, за пять месяцев 1931 г. — 103 человека³¹.

Итак, территория Обдорского района, а затем и Ямальского округа стала местом ссылки репрессированных в процессе массовой коллективизации крестьян. Численность этой спецссылки, находившейся в ведении Уральского (Обского) рыбтреста, на ее начальном этапе в конце 1930 г. составлявшая около 3 000 человек, постепенно увеличивалась, в конце 1935 г. составив 3500—4000 человек. К этому же времени устанавливается и сеть основных спецпоселков. Несмотря на указания областных и окружных органов, «обстраивание» спецпереселенцев и по темпам, и по качеству потребности последних не удовлетворяла. Наиболее уязвимой категорией в условиях сурового северного климата, нехватки жилой площади, отсутствия нормальной медицинской помощи стали дети, составившие более 70% умерших в первый год ссылки.

Примечания

¹ Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930—1936 гг.): Сб. док. / Сост. Т.И.Славко, А.Э.Бедель. Екатеринбург, 1993. С. 29—30.

² Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее — ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 8. Д. 54. Л. 452.

³ Там же. Л. 90, 452.

⁴ О необходимости выработки понятийно-категориального аппарата, с наибольшей степенью адекватности отражавшего бы реалии истории «кулацкой ссылки», см.: Красильников С.А. Серп и молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003. С. 7—25.

⁵ Государственный архив Тюменской области (далее — ГАТО). Ф. 1785. Оп. 5. Д. 3. Л. 1.

⁶ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939 гг. Документы и материалы: В 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929 — декабрь 1930 гг. / Под ред. В.Данилова, Р.Маннинг, Л.Виолы. М., 2000. С. 437—438, 444.

⁷ ГАТО. Ф. 1785. Оп. 5. Д. 3. Л. 15.

⁸ Там же. Д. 8. Л. 1, 3.

⁹ Там же. Д. 3. Л. 32—32 об. См. также: Трагедия советской деревни. С. 650.

¹⁰ См. подробнее: ГАТО. Ф. 1785. Оп. 5. Д. 8. Л. 28—30.

¹¹ Там же. Л. 31.

¹² Там же. Д. 15. Л. 27—27 об.

¹³ Там же. Д. 14. Л. 12.

¹⁴ Там же. Л. 3.

¹⁵ Там же. Д. 78. Л. 22—23 об.

¹⁶ Там же. Д. 96 а. Л. 2.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Государственный архив Омской области. Ф. 1088. Оп. 1. Д. 72. Л. 83.

¹⁹ Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства 1822—1944 гг.): Сб. док. Тюмень, 1994. С. 244; ГАТО. Ф. 1785. Оп. 5. Д. 125. Л. 5.

²⁰ См. подробнее: Раскулаченные спецпереселенцы на Урале. С. 60—61; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 238. Л. 148—152.

²¹ Раскулаченные спецпереселенцы на Урале. С. 45; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 27.

²² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 263 об.

²³ Там же. Д. 945. Л. 115 об. — 116.

²⁴ Там же. Д. 218. Л. 263 об. — 264.

²⁵ ГАТО. Ф. 1785. Оп. 5. Д. 58. Л. 23.

²⁶ Там же. Л. 24.

²⁷ См. подробнее: Судьбы народов Обь-Иртышского Севера. С. 244—245; Центр документации новейшей истории Омской области. Ф. 17. Оп. 1. Д. 234. Л. 1—6.

²⁸ ГАТО. Ф. 1785. Оп. 5. Д. 117. Л. 57.

²⁹ Там же. Л. 26—26 об.

³⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 264 об. — 265.

³¹ Загороднюк Н.И. Ссылка крестьян в Северо-Западную Сибирь (1929—1940 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1999. С. 133.

Глава 3

СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНИЯ В 1930—50-е гг. (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)

Государственная политика в области принудительных переселений характеризовалась прагматическим характером и преследовала решение комплекса задач. В апреле 1930 г. на государственном уровне была высказана идея колонизации Севера и освоения колоссальных природных ресурсов путем создания тюрем и лагерей, а также сети колонизационных поселков. Потоки принудительной миграции стали направляться с учетом целей и задач осуществления экономической политики. В балансе рабочей силы при реализации ряда народнохозяйственных программ, требуемой для освоения восточных территорий страны, спецконтингент стал играть решающую роль.

Начало проведения государственной политики спецпереселения связано с коллективизацией сельского хозяйства в СССР, которая сопровождалась раскулачиванием части крестьян. Первым нормативным актом, узаконившим выселение, стало постановление ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г., которое предоставило советским органам на местах право «выселения кулаков» с конфискацией их имущества. Принудительная высылка крестьян с осени 1930 г. получила наименование «спецпереселение», а «раскулаченные» высланные кулаки «II категории» стали именоваться «спецпереселенцами»¹. В 1945 г. правовой статус спецпереселенцев определялся следующим образом: «Спецпереселенцы не являются свободными гражданами СССР, а являются гражданами СССР без права выезда с мест их поселения, наблюдение за которыми возложено на органы НКВД (МВД)»².

На протяжении всего процесса спецпереселения общий контроль в работе по спецпереселенцам осуществлял НКВД (МВД). При НКВД был создан специальный отдел по спецпереселенцам (ОСП), который с течением времени менял названия и видоизменялся. Управлением спецпоселков ведали специальные комендатуры ОГПУ в соответствии с «Временными правилами о правах поселковой администрации в районах расселения спецпереселенцев». Комендатуры помимо специальных оперативных и хозяйственных

осуществляли административные и контрольные функции. На тех предприятиях, где были трудоустроены спецпереселенцы, существовали отделы спецпереселенцев, которые курировали производственную деятельность высланных.

В ходе коллективизации 1930 и 1931 гг. было выселено в принудительном порядке с мест постоянного проживания в отдаленные районы страны 1 803 392 человека. Большинство имели статус спецпереселенцев³, меньшую часть составили ссыльные (отправленные в ссылку на сроки) и административно-ссыльные (отправленные в ссылку навечно)⁴. Спецпереселения не ограничились принудительной высылкой части раскулаченных крестьян. Выселение отдельных категорий репрессированных граждан в места спецпоселений продолжается до 1950-х гг.

Общий процесс спецпереселения с 1930 по 1950-е гг. в СССР можно разделить на три периода. В 1930—1939 гг. в ходе сплошной коллективизации сельского хозяйства около 2 млн. человек были высланы с мест постоянного проживания в отдаленные районы страны. Второй период охватывает 1940—1943 гг. На спецпоселения были высланы раскулаченные на аннексированных (присоединенных) территориях. В 1940—1941 гг. из Западной Украины и Белоруссии, а также из Литвы были высланы поляки и евреи. В 1941 г. были переселены поволжские немцы. Общее число спецпереселенцев по СССР на 1941 г. составило 930 221 человек⁵. В 1942 г. в Краснодарском крае и Ростовской области было осуществлено переселение «неблагонадежного элемента», в основном лиц греческой, крымско-татарской, немецкой и румынской национальностей. В 1943 г. была осуществлена депортация с Северного Кавказа. Характерной чертой третьего периода 1944—1956 гг. является то, что в состав спецпереселенцев вошли самые разные категории репрессированного населения: депортированные (представители перемещенных народностей и выселенные), военнопленные, репатриированные⁶, интернированные⁷, участники и члены семей националистических и религиозных организаций, высланные по различным указам и постановлениям, и др.

На учете отдела спецпоселений НКВД СССР 5 сентября 1944 г. состояло 2 225 000 человек, на 1 января 1945 г. — 2 137 769 человек, в том числе «бывшие кулаки», советские немцы, представители различных народностей, ссыльнопоселенцы из Прибалтики

и Молдавии, семьи «ОУНовцев», «фольксдойче», «сектанты» и др. Все спецпереселенцы были расселены на территории 6 союзных и 7 автономных республик, 5 краев и 23 областей. Наибольшее число спецпереселенцев находилось в Казахстане — около 1 млн. человек, более 100 000 — в Узбекистане, Новосибирской области, Красноярском крае, Киргизии, в Омской области⁸.

Заселение спецпереселенцев в Коми АССР⁸ также проходило в три этапа, в 1930-е гг. были заселены «бывшие кулаки», в начале 1940-х гг. — поляки, евреи и советские немцы, во второй половине 1940-х гг. — советские немцы, члены семей ОУНовцев, «влазовцы», литовцы и др.

Причины принудительных переселений были многоаспектны. Т.И.Славко отмечает, что при переселениях в 1930-е гг. «партия и правительство предусматривали двоякую цель: взять у деревни дешевые рабочие силы, перераспределив их в промышленность, а за счет конфискации у них движимого и недвижимого имущества и передачи его в коллективную собственность батрацко-средняцким слоям, поддержать хотя бы минимальный уровень производства»⁹. В.М.Кириллов считает, что помимо решения экономических задач преследовались политические и идеологические цели: «нужно было утвердить в сознании народа утопически-уравнивательные принципы коммунизма, опорочив трудовое единоличное крестьянское хозяйство и искоренив психологию зажиточности»¹⁰. Исследователь депортаций (массовых переселений по национальному признаку и малых народностей) Н.Ф.Бугай выделяет следующие причины депортаций: несовершенство форм и методов реализации многих задач в национальных районах в ходе социалистического строительства, принудительность в коллективизации, незавершенность национально-государственного и административно-территориального устройства, постоянное «подхлестывание» в развитии сфер экономики, унификация национальных отношений, репрессии¹¹.

По мнению С.А.Красильникова, с точки зрения репрессивных органов, спецпереселенцы наиболее подходили для целей колонизации труднодоступных необжитых районов. Высланные крестьяне быстро вживались в местную природную и социальную среду, так как выслались семьями. Содержание аппарата комендатур обходилось много дешевле лагерного. К тому же крестьяне

сравнительно быстро адаптировались к любым разновидностям физического труда. Правовое положение спецпереселенцев было таково, что их в любой момент «по производственным соображениям» могли перебросить с одного места на другое, что было удобно с производственной точки зрения. Труд спецпереселенцев использовался в различных отраслях народного хозяйства, но чаще всего на работах тяжелых, малооплачиваемых и низкоквалифицированных. О том, что обеспечение экономики таким ресурсом, как принудительно используемая крестьянская «рабсила», становилось все более приоритетной задачей, свидетельствует тот факт, что на созданную решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 марта 1931 г. комиссию во главе с зам. пред. СНК СССР А. Андреевым возлагалось «наблюдение и руководство работой по выселению и расселению кулаков», в первую очередь в целях рационального использования труда последних в различных отраслях экономики. В полномочия комиссии входило рассмотрение заявок от хозяйственных наркоматов и ведомств на использование труда спецпереселенцев¹².

Изучение принудительных переселений на протяжении всего периода их существования (1930—50-е гг.), со стороны регионов вселения, «изнутри», позволяет говорить о том, что экономические потребности государства с течением времени имели приоритетное значение при проведении принудительных переселений. Освоение малозаселенных и важных в плане промышленного развития страны регионов стало главной целью политики спецпереселения, причем именно потребности регионов вселения спецпереселенцев диктовали дальнейшие шаги в проведении массовых переселений на протяжении рассматриваемого периода. На примере Коми автономной области (с 1936 г. — Коми АССР) в 1930—50-е гг. это явно прослеживается.

Одним из регионов, который подвергся наибольшему вселению спецпереселенцев, был Северный край, в состав которого до 1936 г. входили Коми автономная, Архангельская и Вологодская области. Коми область, расположенная на территории почти 400 тыс. км², обладала уникальными природно-сырьевыми запасами. Помимо нефти, газа, угля одним из главных богатств был лес, который занимал более 90% территории области. В 1920-е гг. ставилась задача освоить богатства Коми края, как можно быстрее

и в больших масштабах. Первый пятилетний план развития Коми области, разработанный к концу 1928 г., предусматривал возрастание удельного веса промышленной продукции в общем объеме производства с 39 до 62%, увеличение объема лесозаготовок более чем в три раза. Потенциал области был мизерным, в 1928 г. в Коми области из населения около 260 000 человек общее число промышленных рабочих не превышало 500 человек¹³.

В конце 1920-х гг. лесозаготовительная промышленность республики в связи с недостатком рабочей силы переживала кризис. С 1930 г. в Коми область переселяются спецпереселенцы для развития лесной промышленности, которая стала «главным фронтом социалистической индустриализации Коми области»¹⁴. Работа центра по «распределению» спецпереселенцев велась достаточно четко. Существовали планы, разрядки, по которым определенное количество спецпереселенцев направлялось в регионы. Между регионами высылки и Москвой велась активная переписка по согласованию количества переселяемых. В частности, в адрес крупнейшего лесозаготовительного треста Коми области «Комилес» 26 января 1930 г. поступила инструкция, в которой указывалось: «В связи с массовой коллективизацией в высших органах разрабатывается проект расселения кулацкого элемента деревни, преимущественно в северных частях союза, с возможностью для этого элемента заниматься общепольным трудом. Переселение намечается в принудительном порядке»¹⁵.

В ответ на это в Москву был отослан план использования кулаков, преимущественно в лесной отрасли. Правительство посчитало план приемлемым и констатировало, что «в мероприятиях по выполнению решения ЦК о заготовке 65 млн. кубм древесины на 1930 г. одной из важнейших задач должно стать вовлечение крупнейших лесных массивов Северного края, больше 50% из которых находится на территории Коми области»¹⁶. Далее в связи с этим 17 сентября 1930 г. всем крупнейшим лесозаготовительным трестам Северного края ВСНХ направил постановление, в котором было предложено наметить конкретные меры по максимальному использованию спецпереселенцев — «бывших кулаков» — на лесозаготовительных работах¹⁷.

Механизм разработки и принятия ключевых решений по вопросам спецпереселения имел трехуровневую структуру. Политбюро

принимало решения, затем решения оформлялись как постановления СНК или ЦИК СССР. На региональном уровне разработка вопросов выписки, расселения и использования труда «кулацких хозяйств» производилось комиссиями по спецпереселенцам, созданным при крайкомах и обкомах ВКП(б). Такая комиссия была создана и в Северном крае. После того, как планы расселения были окончательно оговорены и приняты, заключались договоры на трудовое использование спецпереселенцев между ОГПУ и различными наркоматами, а затем — на региональном уровне между органами ОГПУ и промышленными учреждениями. В частности, «Комилес», чтобы использовать как рабочую силу спецпереселенцев, которые находились под юрисдикцией ОГПУ, должен был заключать соглашения с каждой колонной, которые утверждало ОГПУ¹⁸. Переселенческий аппарат треста «Комилес» включал в себя отдел по спецпереселенцам (ОСП) и штат работников по спецпереселению при леспромпхозах. В частности, при руководстве Усть-Куломского леспромпхоза в 1935 г. работу в спецпоселках осуществляли и контролировали инспектор, агроном, техник строительства, счетовод-статистик и восемь завхозов¹⁹.

Первые эшелоны с высланными в Северный край стали прибывать в конце февраля 1930 г. из Украины, Центральных черноземных областей, Нижне-Волжского края, Средней Азии, Белоруссии и Крыма²⁰. В 1930—1931 гг. в Коми область было вселено 40325 человек²¹. По национальному составу в 1932 г. из 38902 человек было учтено: русских — 35149 человек, немцев — 2359, татар — 505, поляков — 31, чувашей — 265, представителей мордвы — 283, армян — 39, евреев — 9, киргизов — 143, чехов — 83²².

Численность спецпереселенцев в Коми области начинает резко сокращаться с 39 000 человек в 1932 г. до 25 000 человек в 1933 г.²³ В 1934 г. спецпереселенцев было уже 17859 человек²⁴, а к концу 1935 г. — 16954 человека²⁵. Во второй половине 1930-х гг. число раскулаченных на спецпоселениях в республике остается стабильным — около 17 000 человек, в частности, на 1 октября 1938 г. было учтено 17955 человек²⁶. Основной причиной уменьшения числа спецпереселенцев в Коми крае был высокий уровень смертности вследствие неблагоприятных условий жизни в спецпоселках и распространения эпидемических заболеваний среди спецпереселенцев. Также имели место побег из спецпоселков²⁷.

Исторически сложилось так, что начало (1930 г.) и конец (1953—1954 гг.) «кулацкой ссылки» были связаны с началом и концом всего процесса спецпереселения, в ходе которого под категорию спецпереселенцев попали не только репрессированные крестьяне, но и многие другие. На первом этапе спецпереселения (1930—1939 гг.) была отработана схема осуществления спецпереселения, регламентация данного процесса. Однако в последующие годы сохранились все проблемы со снабжением спецпоселков и их обслуживанием, высокий уровень заболеваемости и смертности.

В 1930—1931 гг. в Коми области сложилась сеть новых населенных пунктов — спецпоселков. Поселки в начале их организации переносились, закрывались, объединялись, и в итоге к 1938 г. их число сократилось с 42 до 36. Жилье и административные постройки строились самими спецпереселенцами, которые в течение двух-трех лет перемещались из землянок в бараки. По замыслу руководства спецпоселки должны были стать автономными населенными пунктами. В условиях севера автономность снабжения была труднореализуема. Урожай в сельхозартелях, за исключением некоторых передовых колхозов, был минимальным. Полностью обеспечить спецпереселенцев продуктами сельхозартели не могли. Поселки организовывались в удалении от местных населенных пунктов. Отсутствие связи и дорог в спецпоселках в 1932—1933 гг. привело к голоду, высокому уровню инфекционных заболеваний и вследствие этого к высокому уровню смертности. Многие из этих проблем сохранились в 1940-е гг., при поступлении новых партий спецпереселенцев и организации новых спецпоселков. Тем не менее, следует отметить, что в 1930-е гг. в Коми АССР возникает совершенно новый тип поселения — рабочие поселки, в которых благодаря труду спецпереселенцев развивались не только производственные и сельскохозяйственные предприятия, но также функционировали школы, клубы, библиотеки, больницы, детские сады, детские дома, инвалидные дома и другие учреждения.

Особое место в рамках спецпереселения занимает Великая Отечественная война. Начиная с 1939 г. на высшем партийно-государственном уровне в перечне рассмотренных вопросов и принятых решений доминировали постановления по «этнической» депортации. В первой половине 1940-х гг. отправленными на спецпоселение

и, соответственно, получившими статус спецпереселенцев были в подавляющем большинстве представители депортированных народов.

Одной из основных причин заселения новых партий в Коми АССР с 1940 г. было сокращение в 1930-х гг. численности спецпереселенцев и, соответственно, числа кадровых рабочих в лесной промышленности. В 1939 — начале 1940-х гг. в Москву из Коми АССР методично направлялись запросы на ввоз «дополнительной рабочей силы», так как планы лесозаготовок увеличивались, а собственных ресурсов для пополнения кадровых рабочих в лесу в Коми АССР не было. В конце 1939 г. «Комилес» получил согласие на «завоз рабочих». В докладной записке управляющего трестом «Комилес» указывалось: «Учитывая дефицит в балансе рабочей силы в Коми АССР, трестом по ходатайству перед вышестоящими директивными органами был поставлен вопрос о завозе рабочей силы извне республики, что и было разрешено в конце года»²⁸.

Первой крупной партией заселяемых в Коми АССР для проживания в режиме спецпоселения в 1940-е гг. были «польские осадники и беженцы». Под «осадниками» понимались бывшие военнослужащие польской армии, отличившиеся в советско-польской войне 1920 г. и получившие землю в районах, заселенных украинцами и белорусами, под «беженцами» — граждане тех же областей Западной Украины и Западной Белоруссии, но главным образом еврейского происхождения²⁹. В 1940 г. всего в Коми АССР переселили 19388 «польских осадников и беженцев»³⁰. Указом Верховного Совета СССР от 12 апреля 1941 г. польские граждане, как военнопленные, так и находящиеся в спецпоселках, лагерях и проживающие в советских городах, были амнистированы, им предоставлялось право свободного проживания на территории СССР, не находящейся на военном положении, как иностранцам³¹. С 1941 г. польские граждане вступали в формирующуюся польскую армию Андерса и в 1942 г. вместе с армией могли покинуть Советский Союз³². По постановлению Совнаркома СССР от 5 апреля 1944 г. польские граждане переселялись из регионов спецпоселений в южные районы страны. В 1944 г. в Коми АССР на спецпоселении проживал 8041 человек польских граждан, за исключением единичных случаев они были переселены в Ростовскую область, Ставропольский и Краснодарский края³³. После 1944 г. в Коми АССР учет по данным лицам уже не велся.

В 1944 г. численность поляков резко сократилась и в целом по стране, однако в 1948 г. из более 200 000 польских граждан, выселенных для проживания в режиме спецпоселения в 1940 г., остались на спецпоселении еще 32 000 человек³⁴.

С 1941 г. в Коми АССР начали заселять эвакуированных спецпереселенцев. Основную массу эвакуированных в Коми АССР спецпереселенцев составили раскулаченные и высланные в Карелию в 1930-е гг. крестьяне Поволжья, высланные повторно в 1941 г. по причине принадлежности к немецкой национальности уже из Карело-Финской ССР в Коми АССР. По данным ОТСП НКВД Коми АССР на 20 ноября 1941 г., в Коми АССР прибыло трудпоселенцев немецкой национальности из ББК (Беломоро-Балтийский комбинат) и УББЛАГ (Управление Беломоро-Балтийского лагеря) НКВД Карело-Финской ССР по эвакуации в августе 1941 г. 2529 человек, которые были расселены в четырех районах Коми АССР³⁵. К 25 декабря 1941 г. в Коми АССР было размещено прибывших в рамках эвакуации: эвакуированных — 8147 человек, трудпереселенцев — 8410, советских немцев — 2949 и 2540 спецэвакуированных³⁶. В 1941—1944 гг. при учете всех спецконтингентов велся особый учет категории «спецпереселенцы, в том числе немцы» (или трудссылка, трудпоселенцы, трудпереселенцы). В Коми АССР на 1 января 1942 г. общая численность трудпереселенцев, в том числе немцев, составляла 25077 человек³⁷. К 1943 г. их численность сократилась до 20 000 и в 1944 г. до 15 000 человек³⁸.

Общее число спецпереселенцев по СССР на 1 января 1941 г. составило 930221 человек³⁹. Во время Великой Отечественной войны «бывшие кулаки» были единственными из различных категорий спецпереселенцев, кто был призван на фронт. ГКО 11 апреля 1942 г. принял постановление № 1575 сс, согласно которому разрешалось «бывших кулаков» призывать на военную службу. НКВД СССР 22 октября 1942 г. был издан приказ, по которому все спецпереселенцы, призванные в Красную Армию, и «прямые» члены их семей (жена, дети) снимались с учета трудссылки и получали паспорта. К концу 1942 г. мобилизация трудпоселенцев в Красную Армию завершилась. Всего было призвано 60747 трудпоселенцев, в том числе из Коми АССР — 2589 человек. К 10 декабря 1942 г. было снято с учета по СССР 47116 трудпоселенцев, из них 17775 призванных в армию и 29341 — членов их семей⁴⁰.

В конце 1944 г. по Коми АССР всего было учтено трудпоселенцев и спецпереселенцев (после отправки польских граждан) — 19372 человека⁴¹. На третьем этапе, в 1944—1950-е гг. основную массу заселяемых в Коми АССР составили советские немцы, члены семей ОУНовцев, «власовцы», а также ссыльнопоселенцы из Литвы и Молдавии. Спецпереселенцы поступали в распоряжение крупных лесозаготовительных и сплавных организаций в Коми АССР. Самым крупным предприятием, принимающим спецпереселенцев, как и в 1930-е гг., оставался трест «Комилес». В 1944 г. на спецпоселения в республику начинают прибывать члены семей ОУНовцев (участников организаций украинских националистов). Самых участников организации в данной категории не было, в основном это были женщины и дети, однако по документам спецпереселенцы проходили как «ОУНовцы». К 1 января 1947 г. членов семей ОУНовцев в Коми АССР насчитывалось 5531 человек⁴². Освобождение этой категории спецпереселенцев начинается только в 1950-е гг.

В 1945 г. в Коми республику были переселены депортированные из Литвы и Молдавии, общее количество которых, как указывает исследователь Н.А.Морозов, составило 3655 граждан⁴³. Однако анализ статистических данных МВД Коми АССР позволяет говорить о том, что депортированные из Прибалтийских республик и Молдавии на территории Коми АССР делились на две категории: ссыльнопоселенцы и спецпереселенцы. По данным МВД, в конце 1945 г. было учтено ссыльнопоселенцев и спецпереселенцев, высланных к 1945 г. в Коми АССР из Прибалтийских ССР и Молдавской ССР, 2154 человека⁴⁴. В подавляющем большинстве по национальности это были литовцы. В отличие от 1945 г., во второй половине 1940-х гг. и в 1950-е гг. литовцев спецпоселенцев и ссыльнопоселенцев учитывали, как разные категории, при этом разделяли на «литовцев, высланных в 1941 г.» и «литовцев, высланных в 1945 г.».

Две большие партии спецпереселенцев, размещенных в спецпоселках Коми АССР в 1945—1946 гг. (советские немцы и «власовцы»), относятся к репатрируемым. Немцы заселялись в Коми АССР в 1944—1946 гг., «власовцы» в 1946 г. В Европе после войны осталось в живых 5 000 000 граждан СССР. В их число входили, в основном, «восточные рабочие», т.е. советские граждане,

угнанные на принудительные работы в Германию и другие страны, военнопленные, в том числе офицеры Советской Армии, а также поступившие на военную службу и в полицию противника. Сюда же входили десятки тысяч отступивших с немцами их пособников и всякого рода беженцев. Все перечисленные выше граждане СССР подверглись репатриации, т.е. возвращению на родину. Среди них преобладали «восточники», которые оказались в Прибалтике, Западной Украине, Западной Белоруссии и других западных районах СССР. Из «восточников» часть была направлена к месту жительства, часть — призвана в армию, а третья часть была выслана на спецпоселения — 166751 человек, к ним, в частности, относились репатриированные немцы (граждане СССР немецкой национальности)⁴⁵.

На основании приказа МВД СССР № 1-2120 от 7 февраля 1945 г. немцы выселялись из приграничных районов Прибалтики, Молдавии, Белоруссии, Украины. Далее последовал ряд директив о сплошном выселении немцев с территорий, находившихся «под оккупацией» (тех, кого не успели вывезти в 1941 г.). Одновременно на спецпоселения стали отправлять эшелоны с советскими немцами, вывезенными в годы войны в Германию, Австрию, Польшу, Чехословакию.

Часть нового потока была направлена в Коми АССР с конца 1944 г. Наибольшая численность спецпереселенцев-немцев приходится на середину 1946 г. — 12924 человека. Всего по СССР на спецпоселениях в 1946 г. (включая переселенных с 1941 г.) находилось более 1 000 000 немцев. Среди переселенных в Коми АССР советских немцев были уроженцы Одесской, Николаевской, Запорожской, Житомирской, Днепропетровской областей Украины, Ленинградской области. Частичное освобождение немцев начинается с 1954 г. Постановлением Совета Министров СССР № 1439-649 от 5 июля 1954 г. с немцев-спецпоселенцев были сняты некоторые ограничения: они могли свободно передвигаться в пределах республик, краев, областей, выезжать в командировки, являться на отметку в органы МВД один раз в год. С учета спецпоселения были сняты дети немцев. На основе Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г. были сняты ограничения в правовом положении немцев и членов их семей, находившихся на спецпоселении. Однако права возвращения на места, откуда они

были высланы, немцы были лишены. Лишь по прошествии почти десяти лет, в 1964 г., они освобождались из-под административного надзора, и только в 1972 г. им было разрешено селиться в других районах страны.

Из общего потока репатрируемых в 1944—1945 гг. военнопленные и «вызывающие подозрения» из гражданских были отправлены для проверки в проверочно-фильтрационные лагеря НКВД-МВД СССР (ПФЛ). В 1946—1947 гг. основная масса содержащихся в ПФЛ и ИТЛ мелких коллаборационистов, служивших, как правило, рядовыми в немецкой армии, в Армии Власова, национальных легионах, полиции и т.д., была отправлена на 6-летнее спецпоселение. По учету отдела спецпоселений МВД СССР этот контингент условно назывался «власовцы». В него входили и направленные на 6-летнее спецпоселение солдаты и офицеры, побывавшие в плену. В 1946—1947 гг. на 6-летнее спецпоселение поступило 148079 «власовцев»⁴⁶.

«Власовцы» размещались в том числе и в лесозаготовительных спецпоселках. Планы по размещению военнопленных были составлены еще в 1944 г. 2 ноября 1944 г. был издан приказ наркомата лесной промышленности, по которому НКВД обязали завезти для работы на лесозаготовках в районах Архангельской, Молотовской, Кировской, Вологодской, Ярославской, Калининской и Горьковской областей, Карело-Финской ССР, Удмуртской и Коми АССР 50 000 военнопленных. В Коми АССР предполагалось трудоустроить по трестам «Комилес» 6 000 человек и «Печорлес» — 4 000 человек⁴⁷. Дальнейшие события разворачивались почти в соответствии с планом. МВД СССР приказом № 0322 от 4 октября 1946 г. обязало начальников лагерей в Коми АССР передать в октябре 1946 г. на лесозаготовки 8500 спецпереселенцев, в том числе из Интлага — 1000, Ухтижемлага — 750, Усть-Вымлага — 3000, Воркутлага — 2750, Печорлага — 1000 человек. Из 8500 человек направлялось на предприятия трестов «Комилес» — 3000, «Печорлес» — 3000, «Вычегдасплав» — 1000, «Комилестрансстрой» — 1500⁴⁸. В конечном итоге численность «власовцев» на спецпоселениях в Коми АССР, перемещенных из северных лагерей республики, составила к марту 1947 г. 9847 человек⁴⁹.

С 1947 г. численность «власовцев» на спецпоселениях начинает падать, в основном, по причине высокой смертности. В 1952 г.

большинство спецпереселенцев-«власовцев» были сняты с учета спецпоселений по истечении 6-летнего срока. По разным данным всего по стране было освобождено от 87631 до 95553 человек. Большинство «власовцев» немецкой, калмыцкой, чеченской, ингушской, балкарской, карачаевской, греческой и «крымскотатарской» национальностей (5819 человек) было переведено на спецпоселение навечно (в 1954 г. это решение было отменено). Часть «власовцев», занятых на незавершенных строительных объектах, была временно оставлена на учете спецпоселений. Они освобождались в 1953—1955 гг. по мере завершения того или иного строительства⁵⁰.

По статистике спецпоселений МВД Коми АССР, на 1 июля 1949 г. в республике насчитывалось 27538 спецпереселенцев (немцы — 10736, «власовцы» — 7114, «бывшие кулаки» — 6021, ОУНовцы — 3092, литовцы — 553 человека)⁵¹. На 1 сентября 1950 г. в Коми АССР проживали в режиме спецпоселения 8165 «власовцев», 11015 немцев, 3169 ОУНовцев, 601 литовец, 5102 «бывших кулака» и 128 ссыльных, всего 28180 человек⁵².

В январе 1953 г. в СССР на спецпоселениях находилось 1820140 человек, в основном немцы — 788975, а также чеченцы — 183445, украинцы — 163653, татары — 111037, литовцы — 75024, русские — 56589 человек, а также калмыки, ингуши, греки и многие другие⁵³. К 1953 г. общая численность спецпереселенцев в Коми АССР сократилась до 24420 человек, уменьшилось число «бывших кулаков» — до 4512 человек, «власовцев» — до 2540, но увеличилось число немцев — до 12141, и высланных из Прибалтики⁵⁴. К 1957 г. численность спецпереселенцев в Коми АССР сокращается до 5 000 человек⁵⁵. Это говорит о том, что освобождение основной массы спецпереселенцев происходит в 1955—1956 гг.

Всего, учитывая небольшие партии вселяемых спецпереселенцев, общая численность спецпереселенцев, отправленных на спецпоселение в Коми АССР в 1930—50-е гг. составила около 110 000 человек. Спецпереселенцы работали не только на предприятиях лесной промышленности, но и в сельском хозяйстве, на предприятиях местной промышленности, речного флота, жилищного и гражданского строительства, в учреждениях просвещения, здравоохранения, торговли и др.⁵⁶

Регионы, куда заселялись спецпереселенцы, испытывали в них особую потребность, так как не обладали достаточными трудовыми ресурсами, а спецпереселение считалось крайне эффективной с экономической точки зрения операцией. Хлопоты, связанные с заселением спецпереселенцев, значительно перекрывались получаемыми при этом выгодами: обеспечение даровой рабочей силой основных народнохозяйственных отраслей, дополнительные преимущества в борьбе за централизованно распределяемые ресурсы (материальные, финансовые, продовольственные и др.). Однако спецпереселение оказалось не столь экономически выгодным, как ожидалось. Существовали факты явного расточительства государственных средств. Это проявлялось уже на стадии расселения, когда из-за просчетов в выборе участков многие поселки подлежали переносу или ликвидации. Забрасывались поселки с уже имевшимися строениями, раскорчеванными под пашню территориями. Отсутствие инфраструктуры в местах заселения спецпереселенцев приводило к неожиданным трудностям. Отсутствие дорог и связи со спецпоселками приводило к низкой маневренности работы по руководству спецпереселенцами, перебои в снабжении приводили к голоду и смертности в спецпоселках. Имея высокий уровень смертности и низкий уровень производительности труда, власти были вынуждены смириться с тем, что качественные показатели спецпереселения крайне низкие, и компенсировать их можно только за счет количества.

Самая актуальная проблема, решаемая руководством Коми АССР в послевоенный период — это «закрепление спецпереселенцев в составе постоянного кадра лесной промышленности». Во второй половине 1940-х гг. принимались различные решения, направленные не просто на улучшение снабжения, а на создание таких условий, которые бы способствовали «закреплению» спецпереселенцев на предприятиях. Руководство было также заинтересовано в том, чтобы спецпереселенцы, долгое время работавшие в лесной промышленности и восстановленные в правах, тоже оставались в республике.

В докладной записке секретаря Коми Обкома ВКП(б) т. Тараненко секретарю ЦК ВКП(б) Г.М.Маленкову от 24 мая 1946 г. «О льготах для работающих в Коми АССР» говорилось: «В IV пятилетнем плане определено большое развитие народного хозяйства

Коми АССР. Это потребует значительного завоза рабочей силы. Однако, мы ежедневно встречаемся с трудностями закрепления тех кадров, которыми располагали в настоящее время. Рабочие и служащие в настоящее время в значительной своей массе настроены выехать из Коми АССР. После окончания войны выехало много специалистов, особенно из лесной промышленности, где масса бывших трудпереселенцев выехала в другие области. Выезд продолжается и по сей день»⁵⁷. Чтобы решить эту проблему, было необходимо не только улучшить снабжение, но также повысить зарплату, распространить на спецпереселенцев ряд льгот.

Несмотря на предпринимаемые усилия, после освобождения основной массы спецпереселенцев и восстановления их во всех гражданских правах в середине 1950-х гг., лесная промышленность Коми АССР снова начала испытывать острый дефицит в рабочей силе, так как бывших спецпереселенцев не удерживали в республике ни высокая зарплата, ни льготы. Слишком тяжела была участь этих людей в суровых лесных краях, поэтому они старались выехать как можно быстрее. Достаточно большое количество бывших спецпереселенцев осталось в республике, так как они обзавелись здесь семьями, но нужды лесной промышленности их количество не покрывало. Оказалось, что развитие лесного комплекса осуществлялось только за счет постоянных вливаний рабочей силы извне. Эту практику пришлось продолжить и в дальнейшем. В 1950-е гг. начинают осуществляться промпереселения, оргнаборы и другие методы привлечения рабочих из других регионов, прежде всего в лесную промышленность Коми АССР.

Спецпереселение как общегосударственная политика преследовало разные цели. Тут были и политические, и идеологически мотивы. Исследование региональных особенностей спецпереселенческой политики СССР в 1930—50-е гг. на примере Коми АССР, как одного из крупных спецпереселенческих регионов, позволяет сделать вывод о том, что именно экономические потребности государства играли приоритетную роль в осуществлении массовых принудительных переселений. В 1930-е гг. существовала необходимость в проведении форсированной индустриализации, затем — в мобилизации сил на Великую Отечественную войну, далее — на послевоенное восстановление экономики. Государство нуждалось в тех природно-сырьевых ресурсах, которые

размещались в малозаселенных и малоосвоенных регионах страны. Во многом общегосударственная политика спецпереселения строилась исходя из потребностей регионов. Это доказывает тот факт, что ни одна партия спецпереселенцев не была направлена, в частности, в Коми край без согласования цифр между Москвой и руководством Коми области (Коми АССР).

Примечания

¹ Красильников С.А. Спецпереселенцы: «правовое положение» в бесправном обществе // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. М., 1996. С. 91.

² НАРК (Национальный архив Республики Коми). Ф.Р.-605. Оп. 4. Д. 68. Л. 97.

³ Под *спецпереселенцами* понимаются граждане, высланные массовыми партиями в административном порядке в отдаленные районы страны. В 1930-е гг. была выслана одна категория — «бывшие кулаки», они именовались «спецпереселенцы». С 1933 г. «бывшие кулаки» стали именоваться «трудпереселенцы», а спецпоселки, в которых они были размещены, — трудпоселки. В первой половине 1940-х гг. «бывшие кулаки» и немцы, высланные с территории бывшей республики немцев Поволжья, входили в категорию «трудпоселенцы» («трудпереселенцы» или «трудссылка»). К спецпереселенцам относились поляки, евреи и другие депортированные. В конце войны трудпереселенцы вновь стали именоваться спецпереселенцами. С 1949 г., после проведения переписи всех спецпереселенцев, их разделили на выселенцев и спецпоселенцев. Спецпереселенцев следует отличать от *ссылных* и *ссылнопоселенцев*, т.е. высланных индивидуально и по решению суда (статус *ссылнопоселенцев* применялся в 1942—1943 гг. к части высланных из Прибалтийских ССР, в 1944 г. они были определены к спецпереселенцам), а также от *административноссылных* — высланных индивидуально, но по решению не судебного органа, а того или иного административного органа. Спецпереселенцы, *ссылные* и *ссылнопоселенцы* составляли *спецконтингент* (Игнатов Н.М. Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930—50-е гг. Сыктывкар, 2009. С. 4).

⁴ Зеленин И.Е. Ликвидация кулачества как класса // История СССР. 1990. № 6. С. 31.

⁵ Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социс. 1992. № 2. С. 12, 15.

⁶ Репатриации — возвращение граждан СССР с 1944 г. с оккупированных Германией во время войны территорий и с территории Германии. После проверочно-фильтрационных пунктов репатриированные частично возвращались свободными гражданами, частично, в связи с определенной «неблагонадежностью», отправлялись на спецпереселения и в лагеря.

⁷ Интернирование — особый режим ограничения свободы (поселение в определенной местности и т.д.), устанавливаемый одной воюющей стороной в отношении проживающих на ее территории гражданских лиц другой стороны или нейтральным государством в отношении военнослужащих воюющих государств.

⁸ Земсков В.Н. Заключение, спецпереселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные // История СССР. 1991. № 5. С. 164—165.

⁹ Кокурин А.И. Спецпереселенцы в СССР или Год большого переселения // Отечественные архивы. 1993. № 5. С. 102—110.

¹⁰ С 1921 по 1936 гг. — Коми автономная область, в 1936—1991 г. — Коми АССР, с 1991 г. — Республика Коми.

¹¹ Славко Т.И. Раскулачивание // ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. Франкфурт; М., 1999. С. 132.

¹² Кириллов В.М. История репрессий и правозащитное движение в России. Екатеринбург, 1999. С. 59.

¹³ Бугай Н.Ф. Конец 30-х — 40-е годы. Европейский Север: депортация народов // Национальные отношения в Коми АССР: история и современность. Вып. I. Труды ИЯЛИ. Вып. 52. Сыктывкар, 1991. С. 84.

¹⁴ Данилов В.П., Красильников С.А. Предисловие // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1931—1933 гг.: Сб. документов. Новосибирск, 1993. С. 5.

¹⁵ Морозов Н.А., Рогачев М.Б. ГУЛАГ в Коми АССР (20—50-е годы) // Отечественная история. 1995. № 5. С. 182.

¹⁶ История Коми АССР. Сыктывкар. 1978. С. 270.

¹⁷ НАРК. Ф. Р.-144. Оп. 1. Д. 3125. Л. 4.

¹⁸ Там же. Ф. Р.-701. Оп. 1. Д. 36. Л. 13.

¹⁹ Там же. Ф. Р.-144. Оп. 1. Д. 3125. Л. 46.

²⁰ Там же. Л. 46.

²¹ Там же. Д. 1681. Л. 3.

²² Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1996. С. 231.

²³ НАРК. Ф. Р.-148. Оп. 1. Д. 576. Л. 121.

²⁴ Там же. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 911. Л. 3.

²⁵ Спецпоселки в Коми области: Сб. документов. Сыктывкар, 1997. С. 252.

²⁶ НАРК. Ф. Р.-144. Оп. 1. Д. 3192. Л. 15.

²⁷ Там же. Ф. П.-1. Оп. 3. Д. 137. Л. 24.

²⁸ Там же. Д. 461. Л. 37.

²⁹ См. подробнее: Игнатова Н.М. Рождаемость и смертность спецпереселенцев-«бывших кулаков» в Северном крае в 1930-е гг. // Историческая демография. Научный журнал. 2009. № (4) С. 48—53.

³⁰ НАРК. Ф. П.-1. Оп. 3. Д. 720. Л. 95.

³¹ Земсков В.Н. Спецпереселенцы по документам НКВД-МВД // Социс. 1990. № 11. С. 10.

³² НАРК. Ф. Р.-605. Оп. 4. Д. 68. Л. 49.

³³ Там же. Ф. Р.-144. Оп. 1. Д. 3244. Л. 68.

³⁴ Рогачев М.Б. Поляки в Коми АССР. 1930—50-е годы // Вестник культуры Коми АССР. 1991. Вып. 1. С. 23.

³⁵ НАРК. Ф. Р.-605. Оп. 4. Д. 160. Л. 4.

³⁶ Бугай Н.Ф. 40—50-е годы: последствия депортации народов // История СССР. 1992. № 12. С. 121.

³⁷ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 9479. Оп. 1 сч. Д. 71. Л. 176.

- ³⁸ НАРК. Ф. П.-1. Оп. 3. Д. 775. Л. 72.
- ³⁹ Архив МВД Республики Коми. Ф. 31. Оп. 1. Д. 44. Л. 93.
- ⁴⁰ НАРК. Ф. П.-1. Оп. 3. Д. 1079. Л. 90.
- ⁴¹ Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социс. 1992. № 2. С. 12, 15.
- ⁴² Там же. С. 20.
- ⁴³ НАРК. Ф. П.-1. Оп. 3. Д. 1079. Л. 90.
- ⁴⁴ Архив МВД РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 167. Л. 53,72.
- ⁴⁵ Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми АССР (1929—1956 гг.). Сыктывкар, 1998. С. 197.
- ⁴⁶ Архив МВД Республики Коми. Ф. 31. Оп. 1. Д. 50. Л. 1—27.
- ⁴⁷ Земсков В.Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944—1956 гг.) // Социс. 1995. № 6. С. 11.
- ⁴⁸ Там же. С. 12.
- ⁴⁹ НАРК. Ф. Р.-144. Оп. 1. Д. 3262. Л. 59.
- ⁵⁰ Там же. Д. 3225. Л. 13.
- ⁵¹ Там же. Ф. П.-1. Оп. 4. Д. 178. Л. 124.
- ⁵² Земсков В.Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба. С. 12.
- ⁵³ Спецпоселки в Коми области: Сб. документов. Сыктывкар, 1997. С. 292.
- ⁵⁴ Архив МВД Республики Коми. Ф. 31. Оп. 1. Д. 167. Л. 56—72, 113.
- ⁵⁵ Бугай Н.Ф. 40-е — 50-е годы: последствия депортации народов // История СССР, 1992. № 12. С. 142.
- ⁵⁶ Земсков В.Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные. С. 157.
- ⁵⁷ НАРК. Ф.П.-1. Оп. 5. Д. 518. Л. 3.
- ⁵⁸ Там же. Оп. 3. Д. 973. Л. 15.
- ⁵⁹ Там же. Д. 729. Л. 51—52.

Раздел 4

**ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
И ПАТРИОТИЧЕСКОЕ
ВОСПИТАНИЕ
В СОВРЕМЕННОЙ ЮГРЕ**

Глава 1

СОВРЕМЕННОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ РАДИКАЛЬНЫХ РЕФОРМ

20 декабря 2007 г. в Государственном университете — Высшей школе экономики состоялось итоговое заседание Комиссии Общественной палаты по вопросам интеллектуального потенциала нации. Члены Комиссии во главе с ее председателем — ректором ГУ-ВШЭ Ярославом Кузьминовым представили доклад «Образование и общество: готова ли Россия инвестировать в свое будущее?», ставший результатом их двухлетней деятельности¹.

В этом докладе среди приоритетов образовательной реформы названа перестройка исторического образования. Главное внимание уделено преподаванию истории в школе в контексте характерного для современного общества кризиса идентичности и необходимости воспитания школьников в духе толерантности.

В предлагаемом докладе² делается попытка сформулировать основные проблемы, возникающие при комплексном подходе к преподаванию истории, и предложить некоторые возможные направления их решения в контексте реформы системы образования в целом. Этот контекст в значительной степени определяется вступлением России в Болонский процесс, предполагающий сближение образовательных систем европейских стран и обеспечение взаимного признания дипломов в условиях развития единого экономического пространства. Однако эти «технические» аспекты Болонского процесса, сколь бы важны они не были, не должны вести к механическому заимствованию тех или иных образцов.

По мнению Н.Копосова³, значение Болонского процесса для российской системы образования заключается, прежде всего, в том, что он создает «модернизационный момент», благоприятный для переосмысления целей и форм образования в меняющемся мире, с творческим учетом международного опыта. Упомянутый автор считает, что историческая наука, равно как и большинство академических дисциплин, функционирует в логике самовоспроизводства корпорации.

Тремя основными составляющими предлагаемого проекта являются перестройка преподавания истории в средней школе,

изменение подходов к преподаванию исторических курсов в качестве общеобразовательных в вузах и реформа подготовки профессиональных историков.

В докладе отмечено, что в преподавании истории в школе в последние годы наметился ряд позитивных тенденций: курсы по истории в значительной мере освободились от марксистской догматики и излишнего социологизирования; гораздо больше внимания стало уделяться истории культуры и быта; появились альтернативные учебники. Однако многие из традиционных недостатков еще сохранились, причем все они вытекают из представления о школьном курсе истории как о сокращенном варианте стандартного университетского курса.

Названы недостатки существующей практики преподавания истории в школе.

- 1) доминирование модели национальной политической истории;
- 2) перегруженность учебников фактическим материалом;
- 3) разделение истории на всемирную и отечественную, их недостаточная соотнесенность между собой;
- 4) европоцентризм в преподавании всемирной и русоцентризм в преподавании отечественной истории, что не соответствует требованиям современного мультикультурного общества;
- 5) ориентация на заучивание фактов, а не на развитие критического мышления⁴.

В докладе рассмотрен вопрос об изменении школьной программы по истории. Авторами предлагается ряд структурных изменений:

- 1) значительно сократить изложение политической и экономической истории и значительно шире включить материал по исторической антропологии, мифологии, истории религии, культуры и искусства;
- 2) отказаться от разделения курса истории на отечественную и зарубежную, равно как и от построения курса всемирной истории как серии национальных историй; кроме того, следует в большей степени представить материалы по истории стран Азии, Африки, Латинской Америки, «малых стран» Европы, государств, образовавшихся на обломках СССР, а также по истории отдельных народов Российской Федерации;
- 3) значительно больше внимания уделять «больным вопросам» истории; особенно в старших классах (и тем более в вузах) этот

материал можно давать на высоком уровне сложности, что должно стать одним из основных приемов развития критического мышления;

4) обеспечить лучшую координацию курса по истории с курсами по географии и литературе, в большей степени использовать в курсах по истории материалы художественной литературы, а также шире представить проблематику исторической географии, фундаментальную при предлагаемом более «глобальном» подходе к истории.

Особой проблемой является единый государственный экзамен по истории (ЕГЭ), который входит в противоречие с предлагаемой концепцией изучения истории в школе⁵.

В связи с необходимостью значительной перестройки школьной программы по истории важнейшей задачей становится подготовка и переподготовка учителей, способных ее реализовать. Это, в свою очередь, требует реорганизации исторической профессии и системы профессиональной подготовки историков.

Преподавание истории в вузах — следующая часть документа. Вначале рассматривается преподавание общеобразовательных дисциплин в вузах, что является наследием советской системы образования с ее циклом обществоведческих дисциплин (равно как и естественнонаучным циклом). Вопрос о целесообразности их сохранения, по мнению авторов, следует решать с учетом международного опыта⁶.

Большинство выпускников профильных факультетов работают не по специальности, причем для выпускников истфаков (в том числе лучших университетов мира) этот показатель нередко достигает 80—90%. В этих условиях профессиональное образование для большинства студентов фактически выступает в роли общего университетского образования. Нет никаких оснований считать, что это последнее должно воспроизводить структуру академических дисциплин. Аргумент о том, что получение некоторой системы знаний дисциплинирует мышление и создает предпосылки для дальнейшего образования, убедителен, но ничего не говорит о том, в каком именно объеме часов студенту может быть передан необходимый и достаточный опыт системного мышления. Уместно предположить, что установившаяся практика кажется здесь неизбежной исключительно в силу своей традиционности. Напротив,

очевидно, что узкопрофессиональный характер образования не позволяет студентам в достаточной мере получить другой важнейший опыт — умение смотреть на мир под углом зрения разных дисциплин. Помимо этого интеллектуального навыка, сохранение элементов общего образования позволяет студентам лучше подготовиться к жизни в условиях динамичного рынка труда.

Вероятно, для России оптимальным решением сегодня является не копирование европейской модели, а использование некоторых элементов американской, а именно, более широкое внедрение общеобразовательных курсов в программы высшего профессионального образования⁷.

Таковыми, соответственно, являются общеуниверситетское образование со специализацией на той или иной дисциплине на уровне бакалавриата и подготовка к конкретным видам трудовой деятельности (в том числе и к научным исследованиям) на уровне магистратуры.

Применительно к истории это означает, что бакалавры истории должны получать образование, более широкое, чем выпускники программ подготовки специалистов сегодняшних истфаков, а именно — общеуниверситетское образование с высокой долей исторических курсов. Напротив, выпускники магистерских программ по истории должны получать более узкую подготовку к работе в определенных типах учреждений (например, школах, музеях, архивах и т.д.). При этом система кредитов и выборность курсов открывают возможность индивидуализации обучения и максимально полного развития способностей каждого отдельного. Одна из рассмотренных проблем в докладе — преподавание истории в качестве общеобразовательной дисциплины в вузах, где перечислены интеллектуальные компетенции, развиваемые курсами по истории⁸.

Образование, в том числе и университетское, должно способствовать всестороннему развитию личности, как интеллектуальному, так и эстетическому и моральному. Между тем, современная система образования обеспечивает это не в полной мере, в частности, потому, что слишком ориентируется на идеал объективного научного познания. Социальные науки в целом, в том числе и научная история, возникли в значительной мере на основе морального дискурса (неслучайно они долго назывались моральными

науками) и самоутвердились по противопоставлению ему. Стремление изгнать из истории моральные соображения, чтобы «не судить, но понимать» прошлое, приводит, однако, к тому, что естественное для человека эмоциональное и ценностное восприятие исторических событий не учитывается в преподавании истории. В основе этого лежит свойственное большинству историков неумение видеть различия между бытовым морализаторством и критическим осмыслением и обсуждением эмоциональных и ценностных аспектов истории. По этой причине воспитательный потенциал истории и ее способность служить задаче развития критического мышления в области морали остаются слабо востребованными. Тем самым создаются условия для использования истории в качестве орудия идеологической индоктринации. Отсюда возникает необходимость как при подготовке историков, так и при преподавании исторических курсов, особенно затрагивающих «больные вопросы» недавней истории, уделять особое внимание развитию у слушателей способности рационального морального суждения о прошлом.

Раздел «Подготовка профессиональных историков» также представляется весьма интересным и дискуссионным.

Главными направлениями реформы профессионального исторического образования и его перестройки в рамках системы, где главной функцией истории является общеобразовательная, на уровне бакалавриата представляются следующие:

1) увеличение общеобразовательного компонента в подготовке историков и построение его на основе компетентностной модели;

2) усиление междисциплинарности, совместное чтение ряда курсов представителями разных дисциплин; обучение студентов-историков в смешанных группах со студентами других факультетов, как на исторических курсах, так и на курсах по другим дисциплинам, что также будет способствовать усилению междисциплинарности образования;

3) существенное повышение процента курсов по выбору;

4) сокращение числа и объема стандартных общих курсов, в хронологической последовательности излагающих событийную историю;

5) уменьшение доли курсов по политической истории и расширение за счет дисциплин по выбору доли курсов по экономической,

социальной, культурной истории, а также по истории религии, литературы и искусства;

6) отказ от европоцентризма при изучении всемирной и от русоцентризма при изучении отечественной истории;

7) отказ от ранней специализации; как правило, обязательную специализацию по кафедрам следует начинать с третьего курса, перенеся значительную часть ее в программы магистратуры;

8) повышение роли самостоятельной работы студентов, прежде всего, самостоятельного изучения ими научной литературы под контролем преподавателя;

9) сближение научной и учебной работы студента благодаря увеличению роли самостоятельной работы;

10) увеличение доли курсов, способствующих развитию профессиональной саморефлексии (курсов по историографии, проблемных курсов, курсов по методологии исследований, по социальной теории и т.д.), а также пересмотр в этом направлении программ общеисторических курсов;

11) создание возможностей для изучения иностранных языков (в частности, за счет дисциплин по выбору), расширение программ международного сотрудничества, более широкое использование иностранной (как переводной, так и оригинальной) литературы в качестве обязательной литературы для самостоятельного чтения и подготовки к занятиям;

12) выстраивание «цепочек» курсов на уровне бакалавриата с таким расчетом, чтобы они вели к магистерским программам.

На уровне магистратуры, по мнению авторов, представляются необходимыми следующие меры:

1) разработка магистерских программ разных типов: ведущих подготовку к научной работе и поступлению в аспирантуру; готовящих школьных учителей; готовящих к работе в других связанных с историей учреждениях и областях занятости;

2) магистерские программы подготовки к научной работе должны носить индивидуализированный характер, строиться вокруг индивидуальных и коллективных исследовательских проектов и содержать значительное количество дисциплин узкопрофессиональной подготовки; однако представляется необходимым сохранение и на уровне магистратуры требования прослушать определенный минимум курсов магистерского уровня по социальной

теории и другим социальным и гуманитарным наукам, в зависимости от темы научной работы магистранта;

3) магистерские программы подготовки учителей средней школы должны стать важным делом исторических факультетов университетов и всей исторической профессии;

4) среди других возможных магистерских программ следует указать программы по музееведению, архивоведению, охране памятников, туризму, краеведению, исторической журналистике и другим видам «публичной истории»; кроме того, следует развивать исторический компонент в различных междисциплинарных магистерских программах (например, программах по региональным исследованиям).

17 апреля 2009 г. в Москве в представительстве фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров состоялся семинар «О реформе исторического образования в России»⁹. На семинаре был обсужден проект такой реформы, разработанный при поддержке фонда сотрудниками Смольного института свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета. Главная идея проекта заключается в том, что историческое образование как в школе, так и в вузе должно способствовать, прежде всего, развитию критического мышления, а тем самым — воспитанию граждан демократического общества.

Вторая важнейшая функция исторического образования — передача общей культуры. В настоящее время обе эти функции подчинены интересам самовоспроизводства корпорации историков. В результате историческая наука существует сама по себе, а историческое сознание общества — само по себе. Неудивительно, что это последнее находится во власти политических мифов и идеологий, чаще всего — националистических.

Предложенный проект реформы предусматривает систему мер по перестройке преподавания истории в школе и в вузе. Проект основан на сравнительном изучении массового исторического сознания, исторической науки и исторической профессии, а также программ исторических курсов и учебников истории в России и ряде зарубежных стран. Он исходит из принципов Болонского процесса, в частности, компетентностного подхода к образованию. Проект опирается на опыт модернизации российского образования, накопленный Смольным институтом — первым в России учреждением либерального образования.

В рамках семинара состоялась презентация нового сайта «Память, образование, политика», разработанного для обсуждения вопросов исторического сознания современного общества, исторической науки и образования.

Прошло три года со времени опубликования доклада. Можно проанализировать реформирование исторического образования за этот период. Придерживаясь рекомендаций Совета Европы, российская система образования последовательно их реализует, но так, как это видится через призму ее, российской специфики.

В Нижневарттовском государственном гуманитарном университете специальное историческое образование реализуется в рамках направления «социально-экономическое образование». Завершен переход на 2-уровневую систему подготовки: бакалавриат и магистратура, разработаны четыре магистерские программы, работает аспирантура, преподаватели кафедры регулярно проводят курсы повышения квалификации для учителей истории. Преподавание дисциплин, связанных с историческим образованием в контексте дидактики истории, осуществляется с учетом рекомендаций Совета Европы. Студенты осваивают интерактивные технологии, технологии развития критического мышления, методы учебно-исследовательской деятельности и т.д.

В качестве заключения: центральным элементом концепции реформы исторического образования является реформа преподавания истории в качестве общеобразовательной дисциплины в школе и в вузе, дисциплины, главная цель которой состоит в развитии у школьников и студентов критического мышления. Этой задаче, в свою очередь, должна быть подчинена перестройка подготовки профессиональных историков и функционирования исторической профессии в целом. Не столько логика саморазвития исторической науки, сколько определенное понимание места истории в общей культуре должно при таком подходе определять содержание и формы исторического образования.

Примечания

¹ Образование и общество: готова ли Россия инвестировать в свое будущее? URL: politmemo.ru/o_reform

² Предлагаемый доклад основан на материалах исследования, осуществленного в Смольном институте свободных искусств и наук Санкт-Петербургского

государственного университета при поддержке фонда Дж. и К. МакАртуров в 2006—2008 гг. В ходе исследования были проведены:

1) сравнительный анализ школьных и вузовских программ по истории России, Франции и США, а также учебников истории и программ отдельных курсов, читаемых в университетах этих стран;

2) сравнительное исследование современной историографии и состояния исторической профессии в этих странах;

3) сравнительное исследование состояния исторической памяти и коллективных представлений об истории в этих (и некоторых других) странах.

Доклад опирается также на более чем десятилетний опыт модернизации высшего образования, накопленный Смольным институтом свободных искусств и наук. Совместная образовательная программа Санкт-Петербургского университета и Бард Колледжа (Нью-Йорк) представляет собой попытку адаптации модели либерального образования к российским условиям. Либеральное образование — это, прежде всего, общеуниверситетское образование, которое ставит своей главной задачей развитие личности студента и формирование критического мышления. Именно личность студента, а не структура академической дисциплины оказывается здесь в центре внимания при организации образовательного процесса. В докладе использованы методические материалы, разработанные коллективом преподавателей Смольного института.

³ Копосов Н. О реформе исторического образования. URL: politmemo.ru/o_reform

⁴ Образование и общество: готова ли Россия инвестировать в свое будущее?

⁵ В реальном исполнении подготовка к ЕГЭ превратилась в механизм «введения единомыслия». Даже при ответе на вопросы интерпретативной части ЕГЭ школьникам фактически предлагается выучивать «единственно правильные» ответы, что рискует свести на нет и без того недостаточную роль истории как инструмента развития критического мышления. Кроме того, программа ЕГЭ усиливает концепцию «событийной» политической истории, от которой как раз и следует отказаться. Введение ЕГЭ в настоящее время является недостаточно подготовленным, и в предлагаемых сейчас формах от него следует отказаться.

⁶ В большинстве европейских стран преподавание общеобразовательных дисциплин завершается в средней школе, а в университетах дается узкопрофессиональная подготовка. В США, напротив, университетское образование в значительной степени остается общим, выбор дисциплины специализации нередко происходит на втором курсе, а курсы по «профильной» академической дисциплине обычно составляют от трети до половины общей учебной нагрузки студента.

Российская модель ближе к европейской, причем распространенное отношение к общеобразовательным курсам как к бесполезным для студентов и обременительным для преподавателей усиливает это сходство. Однако сроки обучения в средней школе в России, как правило, на год меньше, чем в Европе, а в вузе — на год больше, что делает затруднительным завершение преподавания общеобразовательных курсов в рамках среднего образования.

Наряду с этим техническим препятствием имеются более принципиальные возражения против копирования европейской модели. Вероятно, она перестала соответствовать условиям современного общества с его сложной структурой и динамичным рынком труда.

⁷ Структурные сдвиги, предусматриваемые Болонским процессом, создают для этого благоприятные возможности. Речь идет о многоступенчатой системе образования (прежде всего, о разделении бакалавриата и магистратуры), кредитной системе и выборности курсов.

Введение многоступенчатой модели университетского образования в России нередко происходит в форме механического разделения бакалавриата и магистратуры. Бакалавриат де факто понимается как сокращенная (и ухудшенная) подготовка специалистов, а магистратура — как способ исправить это вынужденное ухудшение. Между тем, разделение бакалавриата и магистратуры имеет смысл, только если рассматривать эти уровни как имеющие принципиально разные задачи.

⁸ Курсы по истории способствуют развитию следующих интеллектуальных навыков:

1) понимание того, что социальные феномены не являются вневременными сущностями, что они развиваются во времени и что история есть форма существования мира, в том числе и общества;

2) понимание того, что исторические события и процессы всегда вызваны множественными причинами и что история частично объясняется действием объективных факторов, а частично — субъективными устремлениями людей;

3) понимание того, что исторические события и процессы всегда должны анализироваться в широком историческом контексте; способность устанавливать принадлежность отдельных фактов прошлого к более широким историческим явлениям;

4) понимание того, что процессы глобализации современного мира делают его отдельные части все более взаимосвязанными между собой;

5) способность различать общие тенденции мирового развития и их локальные варианты и проявления;

6) понимание того, что исторические события и явления должны рассматриваться в контексте свойственных той или иной эпохе ценностей, взглядов и стиля мысли, которые варьируют от одной культуры к другой;

7) понимание того, что в основе исторического объяснения лежит сравнительный метод, и умение применять этот метод при анализе исторических фактов;

8) понимание историчности и относительности нашей собственной культуры и нашего понятийного аппарата;

9) понимание основных принципов, возможностей и ограничений критического исторического метода, понимание разницы между источниками и историографией и между внутренней и внешней критикой исторического источника;

10) понимание роли и эффектов нарративной формы репрезентации истории;

11) понимание семиотической структуры исторического дискурса; способность критически анализировать идеологическое содержание и политические импликации исторических текстов;

12) понимание разницы между аналитическим подходом к историческим явлениям и их этической оценкой, а также различий между бытовым морализаторством и критическим рациональным моральным дискурсом по поводу прошлого.

⁹ В работе семинара приняли участие педагоги и правозащитники, представители академического сообщества, фондов и общественных движений, историки,

философы, литературоведы, социологи, антропологи. Среди участников семинара — заведующая лабораторией исторического образования Института содержания и методов обучения Российской академии образования, профессор Людмила Алексашкина, сопредседатель партии «Правое дело» Леонид Гозман, ведущий информационно-политического интернет-канала «Полит.ру» Борис Долгин, директор Московского отделения фонда МакАртуров Игорь Зевелев, профессор РГГУ Галина Зверева, заместитель Президента-Председателя Правления ВТБ 24 Михаил Кожокин, декан Смольного института Николай Копосов, проректор Высшей школы экономики Вадим Радаев, профессор МГУ Игорь Филиппов, директор Смольного Коллегиума Дина Хапаева, президент фонда «Либеральная миссия» Ирина Ясина и другие.

Глава 2

ТЕХНОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ОБУЧЕНИИ ИСТОРИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

В 1979 г. члены Римского клуба¹ определили сложившуюся систему образования как «поддерживающую», т.е. основанную на «фиксированных методах и правилах, предназначенных для того, чтобы справляться с уже известными, повторяющимися ситуациями».

В качестве альтернативы предлагалось «инновационное обучение», которое должно было воспитывать у учеников ответственность за будущее, веру в себя и свою способность влиять на это будущее. Это стало началом формирования двух подходов к обучению: традиционного и инновационного.

Различие между ними в том, что традиционное обучение направлено на усвоение правил деятельности в повторяющихся ситуациях, а инновационное подразумевает развитие способностей к совместным действиям в новых, возможно, беспрецедентных ситуациях.

Однако изменения стали происходить и в традиционном, и в инновационном обучении. В традиционном — сложилось представление об обучении, как процессе с фиксированными, детально описанными ожидаемыми результатами. В рамках этого подхода идет поиск более эффективной организации усвоения заданных образцов, достижения четко заданных эталонов. Обновление учебного процесса ориентировано на традиционные дидактические задачи репродуктивного обучения.

Для инновационного обучения характерен поиск инструментария учебно-исследовательской деятельности и форм ее организации, а также ролевого и имитационного моделирования, которое направлено на формирование творческого и критического мышления.

Развитие этих двух тенденций, обновление их организационной, а также инструментальной структуры и составляют большую часть инноваций в сфере образования.

Для российского образования технология развития критического мышления является инновацией. Данная технология начала

проникать в российские школы и применяться на уроках с 2000-х годов, когда стали четко проявляться недостатки образовательной системы и началась модернизация образования. Стали говорить о низком качестве образования и низкой образованности учащихся: дети не читают книг, не готовят домашних заданий, у них низкий интерес к учебе. В связи с этими проблемами и стала применяться в школах РФ технология развития критического мышления — как способ активизации и максимального обучения учащихся именно за время урока.

Технология РЧКМП (critical thinking) разработана в конце XX в. в США (Ч.Темпл, Д.Стил, К.Мереди). В ней можно наблюдать синтез идеи и методов русских технологий коллективных и групповых способов обучения, а также сотрудничества, развивающего обучения; она является общепедагогической, надпредметной.

Технология РКМЧП представляет собой целостную систему, формирующую навыки работы с информацией в процессе чтения и письма². Она направлена на освоение базовых навыков открытого информационного пространства, развитие качеств гражданина открытого общества, включенного в межкультурное взаимодействие. Технология открыта для решения большого спектра проблем в образовательной сфере.

*Общие цели технологии РКМЧП*³.

- Формирование нового стиля мышления, для которого характерны открытость, гибкость, рефлексивность, осознание внутренней многозначности позиции и точек зрения, альтернативности принимаемых решений.

- Развитие таких базовых качеств личности, как критическое мышление, рефлексивность, коммуникативность, креативность, мобильность, самостоятельность, толерантность, ответственность за собственный выбор и результаты своей деятельности.

- Развитие аналитического, критического мышления.

- Задача научить школьников:

- выделять причинно-следственные связи;
- рассматривать новые идеи и знания в контексте уже имеющихся;
- отвергать ненужную или неверную информацию;
- понимать, как различные части информации связаны между собой;

- выделять ошибки в рассуждениях;
 - делать вывод о том, чьи конкретно ценностные ориентации, интересы, идейные установки отражают текст или говорящий человек;
 - избегать категоричности в утверждениях;
 - быть честным в своих рассуждениях;
 - определять ложные стереотипы, ведущие к неправильным выводам;
 - выявлять предвзятые отношения, мнения и суждения;
 - уметь отличать факт, который всегда можно проверить, от предположения и личного мнения;
 - подвергать сомнению логическую непоследовательность устной или письменной речи;
 - отделять главное от существенного в тексте или в речи и уметь акцентировать внимание на первом.
- Формирование культуры чтения, включающей в себя умение ориентироваться в источниках информации, пользоваться разными стратегиями чтения, адекватно понимать прочитанное, сортировать информацию с точки зрения ее важности, «отсеивать» второстепенную, критически оценивать новые знания, делать выводы и обобщения.
 - Стимулирование самостоятельной поисковой творческой деятельности, запуск механизмов самообразования и самоорганизации.

Особенности концептуала ⁴.

- Не объем знаний или количество информации является целью образования, а то, как ученик умеет управлять этой информацией: искать, наилучшим способом присваивать, находить в ней смысл, применять в жизни.
- Не присвоение «готового» знания, а конструирование своего, которое рождается в процессе обучения.
- Коммуникативно-деятельный принцип обучения, предусматривающий диалоговый, интерактивный режим занятий, совместный поиск решения проблем, а также «партнерские» отношения между педагогом и обучаемыми.
- Умение мыслить критически — это не выискивание недостатков, а объективная оценка положительных и отрицательных сторон в познаваемом объекте.

— Простые и чрезмерные обобщения, стереотипные слова, клише, штампы, неподтвержденные предположения не всегда точны и могут вести к формированию стереотипов.

— Слова «все», «никто», «всегда», «постоянно» и обобщенные предположения типа «Учителя не понимают детей», «Молодежь не уважает стариков» и другие подобные выражения ведут к неправильным представлениям, поэтому следует употреблять слова «некоторые», «иногда», «порой», «зачастую».

Особенности организации.

Технология РКМЧП — надпредметная, проникающая, она применима в любых программе и предмете.

Технология «Развитие критического мышления через чтение и письмо» относится к типу рамочных. Своеобразной рамкой, в которую вписывается урок, является так называемая базовая модель технологии, состоящая из трех этапов (стадий): стадии вызова, смысловой стадии и стадии рефлексии.

Такая структура урока, по мнению психологов, соответствует этапам человеческого восприятия: сначала надо настроиться, вспомнить, что тебе известно по этой теме, затем познакомиться с новой информацией, потом подумать, для чего тебе понадобятся полученные знания и как ты их сможешь применить⁵.

Каждая фаза имеет свои цели и задачи, а также набор характерных приемов, направленных сначала на активизацию исследовательской, творческой деятельности, а потом на осмысление и обобщение приобретенных знаний⁶.

Первая стадия — «вызов», во время которой у учащихся активизируются имевшиеся ранее знания, пробуждается интерес к теме, определяются цели изучения предстоящего учебного материала.

Вторая стадия — «осмысление» — содержательная, в ходе которой и происходит непосредственная работа ученика с текстом, причем работа направленная, осмысленная. Процесс чтения всегда сопровождается действиями ученика (маркировка, составление таблиц, ведение дневника), которые позволяют отслеживать собственное понимание. При этом понятие «текст» трактуется весьма широко: это и письменный текст, и речь преподавателя, и видеоматериал.

Третья стадия — «рефлексия» — размышления. На этом этапе ученик формирует личностное отношение к тексту и фиксирует

его либо с помощью собственного текста, либо своей позиции в дискуссии. Именно здесь происходит активное переосмысление собственных представлений с учетом вновь приобретенных знаний.

Организация учебного процесса напоминает коллективный способ обучения А.Г.Ривина — В.К.Дьяченко, так как основой является работа учащихся в динамических парах и группах.

Широко применяются различные комбинации этих форм («крест», «зигзаг» и т.п.).

Тексту отводится приоритетная роль: его читают, пересказывают, анализируют, трансформируют, интерпретируют, наконец, сочиняют.

Учащемуся надо освоить свой текст, выработать собственное мнение, выразить себя ясно, доказательно, уверенно. Чрезвычайно важно умение слушать и слышать другую точку зрения, понимать, что и она имеет право на существование.

Роль учителя — в основном координирующая.

Опыт применения технологии можно проследить по отдельным урокам, где представлены основные фазы урока, указываются приемы развития критического мышления.

*Урок по технологии развития
критического мышления в 8 классе⁷.*

История России XIX века.

Тема урока: Либеральные начинания в царствование Александра I. Реформаторская деятельность М.М.Сперанского.

Место урока в изучении темы: 3-й урок в теме «Россия в первой половине XIX века».

Цели урока:

Дидактическая цель: создать условия для осознания и осмысления нового материала в соответствии с индивидуальными особенностями учащихся средствами технологии критического мышления.

Цели по содержанию:

Образовательный аспект: создание условий для усвоения учащимися исторических фактов, связанных с попыткой реализации либеральных преобразований в стране в начале царствования Александра I; выяснение причинно-следственных связей между

социально-политической ситуацией в стране с неудачами этих начинаний.

Развивающий аспект: развитие коммуникативных навыков, умений работать с различными видами источников, навыков исторического анализа.

Воспитательный аспект: создание условий для осознания и принятия учащимися либеральных ценностей, уважения к историческому прошлому страны, формирование активной жизненной позиции.

Формы организации познавательной деятельности: индивидуальная, групповая, коллективная. Для работы на уроке формируются 4 группы по 5—6 человек. Расположение учащихся в классе должно быть комфортным, удобным для всех форм деятельности.

Оборудование:

1. Учебник: А.А.Данилов, Л.Г.Косулина. История России. XIX век. 8 класс.

2. Дополнительный материал «Александр I. Характеристика личности».

3. Портреты Александра I и М.М.Сперанского.

4. Задания для групповой работы.

«В политике Александр тонок, как кончик булавки, остер, как бритва, фальшив, как пена морская».

Шведский дипломат Лагербильтке

Он человек! Им властвует мгновенье.

Он раб молвы, сомнений и страстей;

Простим ему неправое гоненье:

Он взял Париж, он основал Лицей.

А.С. Пушкин

1 этап урока — **вызов**.

В 1801 г. русским царем стал Александр I, сын Павла I, вольно или невольно участвовавший в заговоре против отца, который закончился убийством Павла.

Он вступил на престол с ясными намерениями сделать страну счастливой.

Однако в России начала XX в. имелось большое количество проблем.

Задание для учащихся: Сформулируйте важнейшие политические, социально-экономические, социокультурные проблемы России и оформите в виде кластера.

Учащиеся сначала индивидуально, затем в парах, группах формулируют важнейшие проблемы России в виде кластера.

Итог работы — общеклассный *кластер* на доске. Среди выделенных целей царствования Александра обязательно прозвучат и такие, как:

- ликвидация последствий правления Павла I;
- отмена крепостного права;
- введение конституции;
- усовершенствование государственного аппарата, создание парламента;
- развитие образования в стране.

С первых же дней молодой император взялся за государственные дела. Еще в 1797 г. он писал: *«Когда же придет мой черед, тогда нужно будет трудиться над тем..., чтобы создать народное представительство, которое... составило бы свободную конституцию, подле чего моя власть совершенно прекратилась бы, и я... удалился бы в какой-нибудь уголок и жил бы там счастливый и довольный, видя процветание своего отечества. И наслаждался бы им».*

А.С.Пушкин об этом времени говорил так: *«Дней Александровых прекрасное начало».* Что было осуществлено в ходе реформ, проведенных в 1801—1806 гг.?

Вновь организуется работа, сначала индивидуально, затем в группе с материалами § 1. На доске появляется *кластер № 2*:

Преобразования

Ликвидация последствий
правления Павла I

Выполнено:

Возвращение репрессированных
Павлом I — *проведена амнистия*
12 тыс. чел.

Открыты границы.

Разрешено ввозить товары и

книги из Западной Европы.
Восстановление Жалованных
грамот дворянству и городам.

Александр I

Решение «крестьянского»
вопроса
Выполнено:
1803 г. — Указ о вольных
хлебопашцах.
1808, 1809 гг. Указы,
ограничивающие произвол
помещиков: запрет продавать
крестьян на ярмарках и пр.
1801 г. — право недворян
покупать землю.

в 1801—1806 гг.

Усовершенствование
государственного строя
России
Выполнено:
1802 г. — Сенат — высший
судебный орган. Созданы министерства.
Проведена реформа
государственной власти:
1802—1811 гг. — созданы
министерства, заменявшие
коллегии. Установлено
единоначалие.

Сравните планы и их конкретную реализацию. Какой вывод
можно сделать из данного сравнения?

Учащиеся делают вывод, что не удалось осуществить отмену крепостного права, введение конституции и парламента.

Возникает вопрос: почему царю, самодержцу российскому, не удалось осуществить задуманное? (*Ситуация вызова состоялась, если учащиеся сами формулируют данный вопрос*)

2 этап — осмысление

Сегодня на уроке мы попытаемся дать ответ на поставленный вопрос, проанализировав еще одну попытку царя провести реформы политического характера — ввести в России конституцию и парламент. Постараемся выяснить, почему так трудно шло осуществление реформ в России начала XIX в.

Первая попытка введения представительного органа в России связана с именем М.М.Сперанского.

Учащимся предлагается проанализировать планы Сперанского по реформированию сословного строя России и государственного управления.

Задания группам:

Группа № 1

Ознакомьтесь с текстом учебника на стр. 18. Выполните следующее задание:

Проанализируйте планы Сперанского по изменению сословного строя России:

- а) какие сословия должны были быть созданы по его проекту?
- б) какие права получили бы эти сословия?

Подготовьте схему (на доске) и рассказ.

Группа № 2

Ознакомьтесь с текстом учебника на стр. 18. Выполните следующие задания:

1. Проанализируйте планы Сперанского по изменению сословного строя России.

2. Подготовьте и задайте группе № 1 три вопроса по изменению положения сословий в России.

Группа № 3

Ознакомьтесь с текстом учебника на стр. 18. Выполните следующее задание:

Проанализируйте планы Сперанского по изменению государственного устройства России:

- а) организация государственной власти;

б) организация выборов.

Подготовьте схему (на доске) и рассказ.

Группа № 4

Ознакомьтесь с текстом учебника на стр. 18. Выполните следующие задания:

1. Проанализируйте планы Сперанского по изменению государственного устройства России.

2. Подготовьте и задайте группе № 3 три вопроса по данной теме.

Среди вопросов, подготовленных учащимися, прозвучал и такой: «Кого не устраивал предложенный вариант реформ?».

В ходе рассуждений учащиеся делают вывод, что **данный проект не устраивал дворянство, которое не хотело ни с кем делиться своими привилегиями.**

Учитель обращает внимание учащихся на приведенный в учебнике (стр. 21) отрывок из воспоминаний Д.Н.Рунича:

«Даже самый недалёковидный человек понимал, что вскоре наступят новые порядки, которые перевернут вверх дном весь существующий строй. Об этом уже говорили открыто, не зная еще, в чем состоит угрожающая опасность. Богатые помещики, имеющие крепостных, теряли голову при мысли, что конституция уничтожит крепостное право и что дворянство должно будет уступить шаг перед плебеями. Недовольство высшего сословия было всеобъемлющим».

В этих условиях многое зависит от личности царя. Почему Александр I не проявил политическую волю и не довел дело до конца?

Учитель предлагает познакомиться с характеристикой Александра. При чтении учащиеся используют маркировочные значки:

Знаю — V, новое знание — +, непонятно — ?

Александр I: особенности характера.

Старший сын императора Павла Александр был человеком нового века. Во всяком случае, он живо интересовался идеями своего времени, примеряя их к российской действительности. Эти идеи являлись, с одной стороны, наследством его бабки Екатерины II, с другой — он впитывал их во время занятий со своим воспитателем Ф.Лагарпом. Учеба у знаменитого швейцарца заставляла великого князя относиться к крепостничеству и грубому

деспотизму с брезгливостью просвещенного европейца. Именно поэтому Александр I пытался бороться с ними на протяжении почти всего своего царствования. Правда, об истинных намерениях императора судить очень трудно, так как он с детства отличался великолепными актерскими способностями, замешанными на изрядном лицемерии.

Иного поведения от него трудно было и ожидать, поскольку с раннего возраста Александр вращался между Екатериной II, Павлом Петровичем и Лагарпом, нигде не смея быть самим собой, или так и не выбрав того, с кем он мог бы откровенно разговаривать. После воцарения отца он вынужден был лицемерить еще больше, делая вид, что полностью разделяет идеи и методы императора.

В заговор против Павла Александр был втянут обстоятельствами — подозрительность императора привела к тому, что его старшим сыновьям реально стала угрожать тюрьма или Сибирь. Больше всего Александра потрясло не убийство само по себе, а та легкость, с которой оно было совершено. Именно с этих пор он ощущал себя свободным только вне столицы, а еще лучше — вне России. Александр неплохо разбирался в людях, но видел в них лишь инструмент для достижения целей, поставленных им самим. Желание оставить свой след в истории, подозрительность, актерство, может быть и необходимые для политика, временами принимали у императора такие размеры, что отталкивали от него серьезных реформаторов. К тому же на протяжении всего царствования у Александра не обнаруживалось программы преобразований.

П.А.Строганов отмечал: «Император взшел на трон с наилучшими намерениями — утвердить порядок на возможно наилучших основаниях; но его связывают личная неопытность и вялая, ленивая натура...»

А.Чарторыйский, друг царя, писал: «Император любил внешние формы свободы, как можно любить представление... Он охотно согласился бы, чтобы каждый был свободен, лишь бы все добровольно исполняли бы его волю».

Со временем Александр все больше входил во вкус самодержавного правления. Однажды он накричал на Г.Р.Державина: «Ты все хочешь учить, а я — самодержавный царь и хочу, чтобы было так, а не иначе».

В его деятельности всегда преобладали красивые слова, за которыми трудно разглядеть реальные дела. Современники называли его сфинксом, неразгаданным до гроба.

После знакомства с предложенной характеристикой учащиеся делают вывод, что многие личностные качества Александра I являлись препятствием в осуществлении предложенных проектов — *нет опыта, нет настойчивости, двойственность натуры, желание произвести впечатление, скрытность, желание сохранить власть, царь лишь на словах республиканец, а на деле — самодержец и т.д.*

3 этап урока — **рефлексия** — проводится в виде написания синквейна.

Вот примеры синквейнов, подготовленных учащимися:

Александр

Мыслящий, наивный,

Мечтает, планирует, но не осуществляет.

Он — сфинкс, не понятый до гроба.

Он самодержец.

Сперанский

Умный, мечтающий,

Планирует, разрабатывает, стремится.

Он мечтает о свободе в России.

Напрасно.

Россия

Огромная, сильная,

Создает, трудится, развивается.

Она достойна счастья.

Надеюсь.

Использование технологии критического мышления на данном уроке позволяет посредством интерактивного включения учащихся в образовательный процесс создать условия для формирования важнейших интеллектуальных умений учащихся, обеспечить три составляющие успеха на уроке: интеллектуальную, коммуникативную и осознание значимости личного вклада каждого в общее дело.

Предложенный проект урока разработан на основе базовой модели урока по технологии развития критического мышления, был проведен в 8 классе средней общеобразовательной школы и позволил обеспечить хорошие результаты в освоении темы.

Применение технологии критического мышления обеспечило достижение качественно нового результата, который включил в себя: коммуникативную и рефлексивную культуру учащихся; овладение интеллектуальными технологиями; готовность учащихся к пересмотру своих суждений в свете убедительных аргументов в пользу такого пересмотра.

В современной общеобразовательной школе обучение школьников осуществляется по традиционной системе, направленной на максимальное усвоение событийно-фактического материала, необходимого для успешной сдачи Единого Государственного Экзамена и поступления по его результатам в высшие учебные заведения.

Изучение данного опыта показало, что технология применяется и используется, главным образом в Москве, Санкт-Петербурге, Самаре, Нижнем Новгороде, Новосибирске и других городах, но применяется элементами, эпизодически. Обнаружить опыта применения технологии РКМЧП в системе нам не удалось.

Отсутствие системного опыта применения технологии, вероятно, можно связать в том числе и с тем, что многие педагоги не знакомы с технологией либо слабо осведомлены и скептически к ней настроены.

Учителя, которые хотели бы использовать в своей работе технологию РКМЧП, нередко сомневаются в ее эффективности и возможности реализации на уроке, например, по причине нехватки времени на реализацию трехстадийной модели технологии РКМЧП. На самом деле все этапы технологии РКМЧП не обязательно должны использоваться на одном уроке, это может быть и серия уроков. Необходимо лишь, чтобы цикл «вызов — осмысление содержания — рефлексия» был завершен и имел выход на следующий этап.

Также многие педагоги не уверены в выборе приемов, ведь их действительно очень много, но в данной технологии их набор и последовательность значения не имеют, главное, чтобы они способствовали достижению основных целей, которые ставятся конкретной фазой урока перед учениками.

Примечания

¹ Римский клуб (Club of Rome) — международная неправительственная организация, деятельность которой направлена на стимулирование изучения глобальных проблем. Основан в 1968 г. итальянским менеджером и общественным деятелем А.Печчеи.

² Козырь Е.В. Использование новых информационных технологий в обучении иностранному языку. URL: <http://www.it-n.ru>

³ Селевко Г. Сознание под контролем: А вы знаете, как выглядит процесс мышления? URL: <http://www.ug.ru/?action=topic&toid=11644>

⁴ Столбунова С.В. Развитие критического мышления. Апробация технологии URL: <http://rus.1september.ru/articlef.php?ID=200302802>

⁵ Жакулина И.В. Модуль 2. Приемы ТРКМЧП и их применение на уроках в начальных классах. URL: <http://www.it-n.ru>

⁶ Столбунова С.В. Развитие критического мышления.

⁷ Локтина Н.П. Применение технологии критического мышления в преподавании истории и обществознания в средней школе URL: <http://festival.1september.ru/articles/100694>

Глава 3

ПАМЯТНАЯ МЕТА НА СЕРДЦЕ ЮГРЫ (К ВЫХОДУ «ГОВОРЯЩЕЙ» КНИГИ ПАМЯТИ «ЭХО НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ ДЕТСТВА»)

Историческая память способна становиться оружием политической борьбы, аргументом в международных спорах либо тайным хранителем «народной печати» — своеобразным **«вересковым медом»**, секрет изготовления которого являлся залогом сохранения легендарного британского этноса. Она подразделяется на *коллективную* и *индивидуальную*, естественным образом взаимосвязанные, равно как и дистанцированные по временным и смысловым уровням. *Коллективная* память развивается по собственным законам, и проникающие в нее «осколки» индивидуальных воспоминаний видоизменяются настолько, что уже не принадлежат одной только личности, расширяя смысловые границы самого исторического процесса. *Индивидуальная* память, хотя и локализована достаточно узкими пространственно-временными рамками, способна стать частью большой истории, как, например, *дневники* двух погибших девочек: *блокадный* — *русской Тани Савичевой* и *оккупационный* — *бельгийки Анны Франк*. И если коллективная память являет собой скорее панораму жизни, то индивидуальная — ее персонифицированный «дубль», принадлежа при этом уже всему человечеству. Примерно так, как это уложено в известные формулы Генриха Гейне: **«Мир раскололся пополам, и трещина прошла через мое сердце»**, а потому — **«под каждой могильной плитой лежит всемирная история»**.

Событийная насыщенность XX столетия на фоне поистине вселенских страданий человечества — своего рода «Дня Гнева» — «Dies irae» — двух мировых войн и столь же впечатляющего взлета технических возможностей цивилизации, привели к появлению практически неразработанного массива источников так называемого «личного происхождения», персонифицируя голоса прошлого через человеческие эмоции, мысли, размышления, дневниковые записи, письма и воспоминания самых разных людей, обойденных вниманием «большой истории». В той или иной степени XX в. сделал участником «всемирной исторической массовки»

практически каждого жившего или живущего на Земле, фактически предопределяя рождение такого неоднозначного направления, как «устная история».

Недооценивать степень ее научной значимости недопустимо для профессионалов: ведь уходят не просто поколения — уходит Память такой «исторической пробы», компенсировать провалы которой, полагаем, практически невозможно! И как тут не вспомнить С.О.Шмидта, бьющего тревогу именно по этому поводу: несмотря на увеличение численности вводимых в научный оборот российских источников и фактов, все более ощутимой, полагает глубокоуважаемый историк, становится *невосполнимость некоторых потерь, связанных с устным, «звучащим» словом, изображением, «живым» присутствием свидетелей эпох нашего быстро меняющегося времени как «ферментов устной истории»¹!*

Однако самым важным в развитии устной истории, на наш взгляд, явились именно *прикладные разработки*, итогом которых становилось *восстановление исторической справедливости*, особенно в отношении тех, кого долгие годы именно Россия отказывалась признавать за своих сыновей и дочерей. Благодаря усилиям французских, бельгийских, норвежских, голландских историков были установлены имена и опубликованы исторические свидетельства о мужестве и удивительной смелости русских героев Сопротивления, сражавшихся бок о бок с европейскими братьями по оружию. Так мир узнал о **Василии Леонтьевиче Ваньшове**, ветеране французского Сопротивления, **жителя нашего Нижневартовска**, который еще **в 1993 г. (!) числился в списках репрессированных!** И только когда в 1993 г. в посольстве Франции его признали ветераном французского Сопротивления, назначив пенсию и вручив медаль «За освобождение Франции» в дополнение к двум боевым крестам участника Сопротивления, он и в России получил орден Великой Отечественной войны II степени².

В Германии на чердаке одного из домов была обнаружена так называемая «фрайбургская коллекция», собранная нацистским чиновником, заинтересовавшимся символической стороной жизни остарбайтеров. К чести этого человека, в сложных условиях тотального психоза он сумел увидеть в невольниках людей, сохранивших свои традиции и человеческое лицо, сохранив тем самым для истории не только чрезвычайно ценный источниковый массив,

но и имена тех, судьбы которых долгие годы были зашифрованы грифом «секретно». Это стало предметом исследования одной из работ М.Ю.Балабановой³.

Необычайно интересными видятся перспективы устной истории в отношении такой неизученной разноаспектной страницы истории Второй мировой войны, как малолетнее узничество, представители которого проживают и в нашем регионе. Между тем многие из этих жертв войны так и не обрели право на свой собственный голос, покинув этот мир неуслышанными. Лишь единицы из уцелевших узников концлагерей, которых с каждым месяцем и часом становится все меньше, получив это право, не могут им воспользоваться в силу возрастных причин. Вместе с ними исчезает уникальная память о их войне, поскольку у каждого из современников тех страшных событий она оказалась своя. У одних — за бруствером окопов, у других — в тылу за токарным станком, а у третьих — в детском концлагере, где вместо колыбельной — автоматная очередь.

Как вспоминает наша землячка Ольга Владимировна Новоселова, в концлагере немецкого Г.Рыхлин «был немой немец, который возил на кухню брюкву, а мы бежали за повозкой, чтобы схватить брюквинку. Он, если замечал нас, кидал вилы. Мы не понимали, глупые, что он мог и заколоть нас». Александра Федоровна Лебедева пятилетней оказалась в числе угоняемых невольников: «Помню, как я бежала и часто падала в снег голыми руками. ... У меня были отморожены и руки, и ноги. Ноги мне оттерли, а руки долго болели. ...Опухшие руки...были подвязаны к шее и ...я плакала от боли».

В условиях глобальных военных конфликтов, ввергавших людей и особенно беззащитных детей в коллективный ужас иррациональной реальности того, что могло присниться лишь в самом дурном сне, не оставляло ощущение, что человек оказывался в каком-то ином измерении. Именно так воспринимал свое пребывание в концлагере известный психолог А.Козн. **Лидия Сергеевна Барановская**, попав тринадцатилетней в концлагерь «Уперталь» под Дюссельдорфом, до сего дня не может спокойно вспоминать обо всем пережитом, объясняя это тем, что **страшным было абсолютно все**. И никакой немецкий фонд взаимопонимания и примирения («Память. Ответственность. Будущее»), убеждена

она, не способен компенсировать нанесенный жертвам войны моральный и физический урон. Да и как забыть пылавших как факела людей, заживо сожженных фашистами у нее на глазах, редкую изобретательность нацистских палачей в стремлении сломать, психологически уничтожить человека в неволе, даже совсем малыша. Ее поддерживает **Наталья Афанасьевна Гамера**, имевшая свой горький опыт узничества: «Ни о каком сострадании со стороны лагерной администрации к детям-узникам не могло быть и речи, так как здесь вообще не было понятий “добра” и “сострадания”!»! **Александра Филипповна Мащина**, будучи совсем маленьким ребенком, там, в концлагере, ночами «очень плакала и боялась, чтоб нас не расстреляли». **Василий Трофимович Лебедев** лаконичен в вопросе о том, почему выжил в лагере: «Молод был, потому и выжил. К тому же взрослые спасали детей ценой своей жизни».

Ольга Владимировна Новоселова, будучи в те военные годы совсем крохой, вспоминает страшный и такой обыденный эпизод отправки в Германию на корабле. Старых и больных оставили, и когда корабль отплывал, сарай с оставшимися узниками подожгли. «...На корабле... солдат заметил, что мы с сестрой больны, кожа да кости и сказал матери: “Матка, я выброшу твоих детей (за борт)”. Мама умоляла не делать этого. Тогда он ответил: “Спрячь их подальше, чтобы их не было видно”. Мама (потом) говорила, что не все (немцы) бывают плохими людьми, и в этом было что-то человеческое». Да, «что-то», действительно, было...

Для детей время в концлагерях остановилось, навсегда лишив их детства и мгновенно превратив в глубоких маленьких старичков. Именно так воспринимала оккупацию и пленение бывшая малолетняя узница Тамара Леонова-Иванько, заметив, что после войны «чувствовала себя древней-предревней старухой»⁴. Нижневартовец **Владимир Демьянович Атрохин** по этому поводу сухо замечает: «Мы рано повзрослели, мы не знали детства». Да и главной задачей тогда становились совсем недетские заботы. По словам той же **Н.А.Гамеры**, «об играх детям (думать) было некогда, ...не до того совсем было. ...Все мысли были о еде».

Этот уровень «тмогу» — словно осколки не всегда точно зафиксированного следа памяти ребенка. Но именно в нем скрыт важнейший исторический абрис того «образа лагерного мира», который им еще даже и не назван — это скорее болевой «пунктирный

штрих». Как в случае с воспоминаниями *Валентины Даниловны Даниленко (Капустиной)* из Витебской области: «...Сколько было ... малышей, которые, так и не узнав себя, не познав ничего в жизни *и ничего не понимая* (курсив наш. — Н.С.), остались там навсегда... Мне вспоминаются маленькие перчаточки на руках ... годовалой или полуторагодовалой девочки... Но это долгий рассказ...»⁵. Авторская недоговоренность... и исчезнувший образ судьбы, о котором даже сил нет рассказать! Но за этим стоит символ величайшей трагедии тех лет — надругательства над детством, а значит — и самой жизнью.

Опубликованные материалы воспоминаний бывших малолетних узников концлагерей часто шифруются как «документальное повествование». Поэтому они редко становятся «занимательным чтением». Читателю нужно иметь не только крепкие нервы, но и чуткое сострадательное сердце, поскольку даже сегодня выдержать эмоциональное напряжение этих страниц крайне сложно. Как, например, поразивший нас рассказ очевидца — *Людмилы Степановны Муратовой*, президента Ростовской ассоциации борцов антифашистского сопротивления и жертв нацистских репрессий — об одной из ежедневных драм, разыгравшейся в женском концлагере Равенсбрюк: «В немногочисленную группу чешек прибыла женщина весьма солидного возраста, очень спокойная и молчаливая, которую звали Анна. Она была певицей Пражского оперного театра. Первый рабочий день выпал ей в ночную смену, самое тяжелое рабочее время суток, когда очень хочется спать, но как раз именно тогда и наступал самый страшный момент развлечения эсэсовок, любивших устраивать массовые побоища и особо изуверские издевательства над заключенными женщинами. Эсэсовки, зная, что Анна оперная певица и видя в ней красивую, гордую женщину, не осмеливались ее унижать, а относились терпимо. Но в первую же смену ее заставили петь арии из опер». «Мы в это время, — вспоминает Людмила Степановна, — не знали опер, но слушали потому, что это был дополнительный перерыв. Потом она запела “Аве Мария”, и надо было видеть, что творилось в цеху: все упали ниц и молились. Молились все, кто знал или не знал молитвы, а я читала “Отче наш”, которому научилась в оккупации, и просила Бога вытащить меня из этого кошмарного ада. Это был единственный случай, когда

эсэсовки не били нас за слезы. Больше Анну мы в своем цеху не видели»⁶.

Нередко «субъективность восприятия», «доверенная бумаге» в *таких исторических условиях*, — вещь чрезвычайно сложная и опасная разного рода осложнениями, когда самым важным становилось *не столько помнить, сколько уметь забыть*, передав чуть ли не генетически этот свой страх детям, разделившим участь взрослых в концлагерях. *Николай Александрович Агошков*, родившись в 1942 г., едва ли мог что-то запомнить. Сам он об этом говорит так: «Если бы я попал в лагерь постарше, то помнил бы больше. А я был маленьким — *даже повезло, что не помню ничего*. Старшие только *между собой* что-то вспоминают» (курсив наш. — Н.С.). У этих людей до сего дня есть основания для «закрытия» отдельных тем и вопросов: слишком большая цена оказалась ими заплачена там, в немецких лагерях *самого разного типа*.

Поэтому далеко *не все можно рассказать бывшим малолетним узникам* — в этом пришлось убедиться при работе с рукописями некоторых воспоминаний. Как показала жизнь, нередко даже самые близкие и родные люди не всегда способны понять и *простить(?!)* то прошлое, за которое не несут ответственности *дети-узники! Счет должен быть предъявлен Истории! Да и нечестно это — еще раз ударить беззащитных по самому больному — их сломанной судьбе!* Как горько заметила *Надежда Васильевна Суманова*, «всего невозможно описать и рассказать, это была бы целая книга страданий и унижений человека».

В нашем случае особенностями такого рода свидетельств порой становится авторский уход от травмирующей ситуации, зафиксированной памятью, но имеющей свой «код доступа», когда не всякая информация может быть донесена до современников без ущерба для собственной психики! Даже во имя высшей справедливости! *Василий Фавстович Шпаковский*, будучи взрослым, однажды увидел фотографии, где у отца и матери на груди были таблички с номерами. Попросив отца рассказать о лагерном прошлом своей семьи, он узнал, что их угнали в Германию весной 1943 г., когда самому Василию тогда было всего-то 9 месяцев. Взрослые и дети постарше уже после освобождения старались скрыть свое пребывание в лагерях не только по причине «компроматного» восприятия их прошлого на родине. Болевой шок

воспоминаний разрушал этих людей. В беседах с ними нашим студентам, членам молодежной студенческой ассоциации «Память и будущее» не раз приходилось слышать: «Все! Не могу больше говорить об этом! Сердце разрывается!»

Хотя именно эти воспоминания служат не только дополнительным, но в ряде случаев — *единственным источником*, поскольку «военная история» оказывается *пережита* человеком в течение не просто лет, месяцев, дней, часов, но минут и даже единственного мгновенья, за которым стояла или смерть, или жизнь (а она, как известно, у каждого своя). За первым — небытие. За вторым — воспоминания, а значит, бессмертие. Иначе чем можно объяснить ставшую известной много позже окончания войны судьбу знаменитой Матери Марии (Кузьминой-Караваевой), взошедшей на костер крематория вместо юной (в другой редакции — многолетней) узницы, что стало сегодня чуть ли не легендой, в правдивости которой современники сомневаются.

Или рассказ нижевартовца *Михаила Александровича Компанейца* о своем поистине чудесном спасении от виселицы, который сегодня воспринимается как полуполюгендарный: «После многочисленных моих побегов, затем поимок с помощью гитлерюгенд, я оказался в городе Вохумфюнф — в штрафном лагере, где, отсидев 2 недели и получив № 3030, попал на шахту Гануфер (как потом оказалось, еще не самую плохую!), и вновь пустился в бега. И здесь попал в настоящий ад: лупили постоянно, вши ковром. Именно там я чудом остался жив, когда после 4-х побегов меня приговорили к смертной казни в составе таких же четырех узников. Уже были приготовлены 4 петли, поставлены скамейки, на которых мы должны были стоять. Но жена коменданта, любившая присутствовать на казнях (у нее даже был дамский пистолет), вдруг попросила своего мужа сохранить мне жизнь. Из разговора я понял, что комендант, напротив, хотел проучить на моем примере остальных... И все-таки я уцелел».

Между тем очевидно и иное: воспоминания детей являются специфическими источниками с присущими им «ограничениями»: «отсроченностью» создания и, в силу разного рода причин, выборочностью *«отпечатков»* (или *«опечаток»*) самой памяти. В нашем случае речь идет именно о *детской памяти*, которая в мирных условиях бывает «проявленной» у разных людей в разные

временные периоды. Одни помнят себя и события чуть ли не с младенческого возраста. У других «шкала запоминания» бывает выше — лет с 10—11.

«Лагерные» детские воспоминания могут базироваться или на рассказах взрослых, или — более старших детей, поскольку узниками становились и родившиеся в самом концлагере, чудом выжившие там, поскольку «режим содержания» предписывал немедленное их умерщвление, в том числе в топке печи. И тому есть ряд задокументированных подтверждений в материалах Чрезвычайной Государственной Комиссии. В частности, по свидетельским показаниям И.М.Ратнера, в эстонском концлагере Клоога в феврале 1944 г. двое родившихся детей были брошены живыми в топку кочегарки. Польская писательница Северина Шмаглевская показала, что когда газовые камеры Освенцима не справлялись с людским потоком, детей бросали в огонь живыми. Отчаянный детский крик стоял над лагерем постоянно⁷.

Нередко, вследствие пережитого стресса, память могла «пощадить» психику ребенка и стереть «негатив», используя язык психологии, inferнальных (адских) переживаний. С другой стороны, именно детская память обладает особо яркой фотографичностью запоминаемого, именуемой на бытовом уровне «цепкостью».

Став взрослыми «по паспорту», эти люди так и не перешагнули исторический рубеж длиной в несколько военных лет, поделивший их жизнь на «ДО» и горькое «ПОСЛЕ», когда в их судьбы оказались навсегда впечатаны вопросы «почему?», «за что?» и, если все-таки чудом удалось уцелеть в этом аду, то «каков высший смысл сохранения им жизни и какими силами он определен?». В личных беседах с этими людьми не всегда удается получить ответ на подобные вопросы, возможно, в силу того, что в них таится некий психологический детонатор. Хотя освободиться от *грузы воспоминаний* такой разрушительной силы не всегда по силам даже взрослым. Единственный выход в подобной ситуации, когда *нет срока давности для мыслей о прошлом*, — это «поделиться» всем пережитым с теми, кто способен, *сопереживая, помочь понять смысл «наследия несостоявшегося детства»!*

Так, на съемках воспоминаний бывших узников-нижневартовцев **Виктория Викторовна Часыгова**, ставшая младенцем-инвалидом еще в концлагере, рассказала об ответе своей бабушки на

вопрос, который ребенком мучил ее: почему она не такая, как все. Мудрая женщина объяснила тогда своей внучке, что ее приход в этот мир стал своего рода индикатором человеческого в человеке, и по отношению к ней видно *божественное в людях*: одни способны любить, сопереживая, а другие — смеяться и оскорблять, издеваясь над увечьем ребенка. Над тем, в чем нет его вины и чем его «наказала» всемирная история!

Лишь в самые последние годы стали выходить Книги Памяти о *преступлениях нацизма против детства* — в Карелии, Латвии, Белоруссии, в Муроме⁸, хотя процесс сбора материала на уровне его архивации идет давно. Правда, подобные публикации издаются под названиями, которые роднят их скорее со сборниками воспоминаний. К числу последних можно отнести работы В.З.Никитина, А.И.Ермаковой, А.И.Демченко «Несломленные в фашистской неволе: очерки и воспоминания»⁹; Н.Д.Жагриной, Т.А.Рогачевой, Л.Д.Бурим, В.М.Александрова «Как это с нами было»¹⁰; документально-художественные издания протоиерея Василия Ермакова и С.И.Дмитриева «Воспоминаний горькие страницы...»¹¹ и Марии Рольникайте «Я должна рассказать»¹²; «Плененное детство» о трагедии бывших малолетних узников города Петрозаводска¹³.

Исключительным явлением стала публикация документальных материалов «На детстве моем войны отметина» председателя Союза БМУ г.Саратова А.В.Родиной, где рассказывается и о ее детстве, проведенном в концлагере Алитус, и о судьбах других бывших малолетних узников концлагерей¹⁴. Глубинная суть фашистской политики истребления «неполноценного человеческого материала» в России раскрыта в книге Людмилы Тимошенко «Дети и война» на основе уникального фактологического и источникового материала, в том числе многочисленных свидетельств бывших малолетних узников, что делает оговоренный автором жанр ее книги — «документальное повествование» — поистине бесценным¹⁵. Особенно учитывая тот факт, что власти Латвии предприняли все меры к запрещению этого издания, делающего его к тому же раритетным.

Крайне интересной и историософичной оказалась работа Вл.Литвинова «Коричневое “ожерелье”»¹⁶, где «документальное повествование» оказывается гораздо шире и масштабнее, поскольку автор,

сам не являясь узником, много лет посвятил работе по защите прав этих людей. Привлекая разнообразные документальные источники, он пытается разобраться в причинах столь полномасштабной военной катастрофы, приведшей к оккупации страны и превратившей мирное население, включая детей, в заложников.

Книга президента Ростовской ассоциации борцов антифашистского сопротивления и жертв нацистских репрессий Людмилы Степановны Муратовой «Несломленные» — уникальное явление. Она была вывезена на принудительные работы в Германию девочкой. За диверсию в рабочем лагере была отправлена сначала в гестапо, а затем в концлагерь Равенсбрюк, о котором написала пронзительные по глубине и тонкости воспоминания как об аде, о котором «правдиво может рассказать лишь тот, кто там побывал». Именно эта фраза была начертана ее рукой на титульном листе подаренного ей издания французского автора — Violette Rougier-Lesocq, которая нарисовала этот самый ад так, как она его увидела глазами не профессионального художника, а выжившей в нем женщины, поведавшей рисунками об ужасе «нереальной реальности» фашизма¹⁷.

Фрагментарная информация о содержании в концлагерях детей наравне со взрослыми присутствует в ряде воспоминаний бывших невольников, как, например, Шарлотты Мюллер «Слесарная команда Равенсбрюка»¹⁸, Е.А.Вечтомовой и В.В.Иванова «Свидетели обвинения»¹⁹, где описывается каждодневная «жизнь» концлагерей и ужасы фашистского плена, разделенные взрослыми с малолетними узниками, дополняя общую картину той величайшей национальной трагедии, в результате которой *Россия потеряла значительную часть своего генофонда — своих детей*: неродившихся, убитых, искалеченных, растерзанных, изнасилованных и сожженных заживо...

Важность актуализации подобной проблематики требует интегративных усилий специалистов разного профиля для поисковой и аналитической работы именно с массовыми источниками, с их специфическими особенностями отражения действительности, привлечения материалов «закрытой» (более достоверной) статистики на базе соответствующих информационных программ работы с ними. Без этого решение ряда серьезных вопросов военной истории — так и не уточненных данных об общих потерях

в Великой Отечественной войне и гибели детей, создание электронных «Книг Памяти», в том числе бывших малолетних узников концлагерей, думается, невозможно.

Издания подобного типа, включая созданный нами новый мультимедийный модуль, делающий Книгу Памяти — «Эхо несостоявшегося детства» (написанную на материалах Нижневартковского общества бывших узников фашистских концлагерей) *«говорящей»* — становятся не просто аккумуляторами эмоционально-выборочных, разнородных информационных фрагментов отдельных воспоминаний, а представляют собой единую панораму, каждый «фрагмент» которой *на своем уровне* является свидетельством той величайшей Победы Жизни над Смертью, где все ее «частишки» *одномоментно* сошлись *на дате 11 апреля 1945 года* — Дне освобождения концлагеря Бухенвальд (позднее этот день был признан Международным Днем освобождения бывших малолетних узников), а затем и великого *Дня 9 мая 1945-го!*

Поэтому важным видится пересмотр отношения исследователей и к самой «устной истории», и к ее источниковому основанию — воспоминаниям, рассказам очевидцев, сохранившимся фотодокументам. Особенно, если речь идет о переживаниях, в редакции основателя школы «экзистенциальной психологии» А.Маслоу, «неимоверной психической силы», когда сама память о событиях, ставших их причиной, превращается в детонатор, разрушающий человека, что наиболее рельефно проявляется в условиях военных действий, делающих людей участниками, свидетелями, заложниками и жертвами одновременно!

Так, как это случилось с судьбами тех, кто детьми оказался в эпицентре военного безумия Второй мировой войны. Они пронесли эти ужасающие воспоминания через всю свою взрослую жизнь, стремясь освободиться от них любой ценой и стать *как все*, с годами осознавая, что условием освобождения от *такой* памяти является ее обнародование, какой бы жестокой она ни была, так как срока давности для военных преступников не существует.

Тем самым уникальность рассматриваемого нами источникового «фактажа» едва ли требует дополнительного обоснования, тем более что данная проблематика была долгие десятилетия под строжайшим запретом. Прорыв «плотины умолчания» состоялся после событий XX съезда КПСС, прежде всего — деятельности

писателей Альберта Лиханова, возглавившего союз бывших малолетних узников концлагерей (БМУК), Сергея Смирнова, а также Героя Советского Союза, знаменитого Алексея Маресьева, собиравшего архив по истории советских узников концлагерей (ныне хранящийся в ГАРФ), в том числе детей, где были впервые систематизированы разного рода воспоминания. Хотя, полагаем, нужно продолжение комплексной научной работы по обработке и сохранению имеющихся архивов, в том числе у нас в Югре, а также в Ростове-на-Дону, Новошахтинске и других местах, где **собранны и могут исчезнуть** уникальные исторические документы! И здесь, безусловно, нужна государственная помощь, поддержка и понимание важности этого дела.

Вышедшая в издательстве Нижневартковского государственно-гуманитарного университета и посвященная 65-летию великой Победы «Говорящая» Книга Памяти — «Эхо несостоявшегося детства» стала частицей сохраненной нами исторической памяти, все еще продолжая оставаться исследовательской лакуной. Во всяком случае, до сих пор **нет ни одной монографической работы**, посвященной заявленной нами проблеме. Она находится в той историографической проекции, где лишь намечены общие задачи исследования и источники резервы, которыми на сегодняшний день располагают исследователи в связи с открытием границ, архивов и налаживанием научных контактов. Однако остается слишком много вопросов, нуждающихся в оперативном решении. Ведь исчезает историческая память, граничащая с «устной историей» и требующая восстановления не просто Справедливости, но Правды Истории. И не «истории вообще», а адресованной каждому из тех малолетних заложников войны, у которых не просто «затерялось» в военном лихолетье их детство, порой такое жестокое и кровавое, а, говоря словами Анны Ахматовой, которым **просто «подменили жизнь»**.

Это усиливает *значимость сохранения* устных свидетельств, имя которым — коллективная Историческая Память. Она, как мозаика, воссоздает трагизм и силу нашего прошлого, а также цену, уплаченную **каждым советским человеком, даже погибшим младенцем, за то, «чтобы свеча не погасла» и не прервалась в веках Нить Российской Ариадны**. Вот почему таким важным для нас стало то дело, которому нижевартовские студенты молодежной

студенческой ассоциации «Память и будущее» посвятили семь лет напряженной работы, удостоенной на Всероссийском конкурсе инновационных идей и проектов Золотой медали.

Примечания

¹ Шмидт С.О. «Устная история» в системе источниковедения исторических знаний // Шмидт С.О. Путь историка. Избр. тр. по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 101—102.

² См.: Местное время. 1996. 22 февраля.

³ Балабанова М.Ю. К вопросу о символической стороне жизни остарбайтеров в годы Великой Отечественной войны // Система и среда: Язык. Человек. Общество: Материалы Всероссийской научной конференции. 4—5 апреля 2005 г. Нижний Тагил, 2005. С. 66—68.

⁴ Цит. по: Литвинов Вл. Коричневое «ожерелье». Киев, 2001. С. 101.

⁵ Тимошенко Л. Дети и война. Даугавпилс, 1999. С. 254.

⁶ Муратова Л.С. Несломленные. Ростов н/Д, 2008. С. 165—166.

⁷ Из выступления В.Скрябина — замдиректора Центрального музея Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Судьба. 2009. № 2 (120). Март—апрель; Тимошенко Л. Дети и война. С. 124.

⁸ Оккупация. Воспоминания бывших малолетних узников финских концлагерей — в год 60-летия Великой Победы. Петрозаводск, 2005; Воспоминания климовчан-остарбайтеров. Могилев, 2005; Кривоблоцкий В.В., Поликанина В.П. Память. Минск, 2005; Детство, опаленное войной. Воспоминания о пережитом. Муром, 2008.

⁹ Никитин В.З., Ермакова А.И., Демченко А.И. и др. Несломленные в фашистской неволе: очерки и воспоминания. Тюмень, 2001.

¹⁰ Жагрина Н.Д., Рогачева Т.А., Бурим Л.Д., Александров В.М. «Как это с нами было». Воспоминания малолетних узников фашистских концлагерей. СПб., 2004.

¹¹ Прот. Василий Ермаков, Дмитриева С.И. «Воспоминаний горькие страницы...»: Документально-художественное издание. СПб., 2000.

¹² Рольникайте М. Я должна рассказать. М., 1976.

¹³ Костин И.А., Неплиева К.А. Плененное детство. Петрозаводск, 2005.

¹⁴ Родина А.В. На детстве моем войны отметина. Изд. 2-е, испр. и доп. Саратов, 2003.

¹⁵ Тимошенко Л. Дети и война.

¹⁶ Литвинов Вл. Коричневое «ожерелье»: В 2 кн. Киев, 1996—2001.

¹⁷ Муратова Л.С. Несломленные.

¹⁸ Мюллер Ш. Слесарная команда Равенсбрюка. Воспоминания заключенной № 10787 / Пер. с нем. Н.А.Смирновой. М., 1985.

¹⁹ Свидетели обвинения / Сост. Е.А.Вечтомова, В.В.Иванов. Л., 1990.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ажгибкова Д.В. — бакалавр социально-экономического образования, студентка 1 курса магистратуры кафедры истории России Нижневартвовского государственного гуманитарного университета.

Алексеева Л.В. — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Нижневартвовского государственного гуманитарного университета.

Бабушкина С.Л. — кандидат исторических наук, документовед Нижневартвовского профессионального колледжа.

Гололобов Е.И. — доктор исторических наук, доцент Сургутского государственного педагогического университета.

Игнатова Н.М. — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН (г.Сыктывкар).

Конышева И.И. — кандидат исторических наук, учитель истории МОСШ № 43 (г.Нижневарттовск).

Митрофанов В.В. — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественных дисциплин Западно-Сибирского института финансов и права (г.Нижневарттовск).

Михалев Н.А. — кандидат исторических наук, ученый секретарь ИИиА УрО РАН (Екатеринбург).

Мошкин В.В. — кандидат исторических наук, учитель истории средней школы (п.Зайцева Речка Нижневартвовского района).

Салимова Н.С. — кандидат исторических наук, преподаватель Нижневартвовского социально-гуманитарного колледжа.

Сапожникова Н.В. — доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры истории России Нижневартковского государственного гуманитарного университета.

Солодкин Я.Г. — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Нижневартковского государственного гуманитарного университета.

Феоктистова Ю.В. — аспирант кафедры истории России Нижневартковского государственного гуманитарного университета (г.Ноябрьск).

Цысь В.В. — доктор исторических наук, доцент кафедры истории России Нижневартковского государственного гуманитарного университета.

Цысь О.П. — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Нижневартковского государственного гуманитарного университета.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел 1

ЮГОРСКАЯ ЗЕМЛЯ ДО НАЧАЛА XX в.

<i>Глава 1.</i> История изучения проблем освоения Сибири в отечественной историографии.....	4
<i>Глава 2.</i> К истории ранней русской колонизации Обь-Иртышья.....	19
<i>Глава 3.</i> Становление школьной системы на севере Западной Сибири в 1810 — нач. 1880-х гг.	30
<i>Глава 4.</i> Из истории Березовского уездного училища.....	65

Раздел 2

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ ОКРУГ В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

<i>Глава 1.</i> Землеустройство Югры в 1920-е гг.	86
<i>Глава 2.</i> Оленеводство в системе традиционного хозяйства севера Западной Сибири в 1920-х гг.: историографический аспект	101
<i>Глава 3.</i> Этапы ссылки и количество ссыльных крестьян в Остяко-Вогульский округ в 1930—1933 гг.	113
<i>Глава 4.</i> О состоянии животноводческой отрасли в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны	134
<i>Глава 5.</i> О школьном образовании в Ханты-Мансийском национальном округе в 1941—1942 гг.	153
<i>Глава 6.</i> Состав и комплектование рабочей силы в 1970—первой половине 1980-х гг. в нефтяной промышленности Северо-Западной Сибири.....	160

Раздел 3

ЮГРА И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ

<i>Глава 1.</i> Создание Ямало-Ненецкого национального округа и советское строительство в начале 1930-х гг.	182
<i>Глава 2.</i> «Кулацкая ссылка» на территории Ямало-Ненецкого округа в первой половине 1930-х гг.: численность, размещение, условия жизни	210
<i>Глава 3.</i> Спецпереселения в 1930—50-е гг. (на материалах Республики Коми).....	219

Раздел 4
ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
И ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ
В СОВРЕМЕННОЙ ЮГРЕ

<i>Глава 1.</i> Современное историческое образование в контексте радикальных реформ	238
<i>Глава 2.</i> Технология развития критического мышления в обучении истории: теория и практика	249
<i>Глава 3.</i> Памятная мета на сердце Югры (к выходу «Говорящей» Книги Памяти «Эхо несостоявшегося детства»).....	263
Сведения об авторах.....	276

Учебное издание

ПЯТЬ СТОЛЕТИЙ ЮГРЫ

ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Коллективная монография

Редактор *Т.А.Фридман*
Художник обложки *К.В.Латыпова*
Компьютерная верстка *Е.С.Борзова*

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 27.05.2011
Формат 60×84/16. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 17,5
Тираж 500 экз. Заказ 1174

*Отпечатано в Издательстве
Нижевартовского государственного гуманитарного университета
628615, Тюменская область, г.Нижевартовск, ул.Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru*